

Наталия Новохатская

Потерянная заря

восьмая книга из серии
«Гобелен с пастушкой Катей»

Гобелен с пастушкой Катей

Наталия Новохатская

**Гобелен с пастушкой Катей.
Книга 8. Потерянная заря**

«Aegitas»

Новохатская Н. И.

Гобелен с пастушкой Катей. Книга 8. Потерянная заря /
Н. И. Новохатская — «Aegitas», — (Гобелен с пастушкой Катей)

ISBN 978-0-36-940393-3

Нулевые годы 21-го века должным образом перетекли в десятиные и дошли почти до половины, когда Кате Малышевой пришлось вернуться в далекое прошлое. Как гром посреди ясного неба на них с Валентином свалилось незавершенное дело давно прошедших времен и увлекло бывших компаньонов за собой. Однако не совсем против воли обоих. Валентина интересовал практический аспект, а Катю поманили сопутствующие приключения. Среди прочих коллизий давней истории, выявились украденные сокровища, по крайней мере так показалось поначалу, затем догадки стали подтверждаться. Следует заметить, что к тому времени Катя Малышева вернулась к истокам, а именно оказалась владелицей издательства, где издавна служила редактором, и незаметно для себя подключила издательские мощности (практически нулевые) к виртуальным поискам пропавшего клада. Эксперимент удивительным образом удался во всех отношениях...

ISBN 978-0-36-940393-3

© Новохатская Н. И.

© Aegitas

Содержание

Часть первая	5
Предисловие (20 лет спустя от Е.М.)	5
Глава первая	7
Эпизод № 1 (от лица Кати...)	7
Эпизод № 2	9
Эпизод № 3	11
Эпизод № 4	14
Эпизод № 5	19
Эпизод № 6	23
Глава вторая	31
1	31
2	33
3	38
4	42
5	49
Глава третья	56
1	56
2	58
3	65
4	70
Часть вторая	74
Глава четвертая	74
1	74
2	78
3	81
Повесть	81
Понемногу обо всём. Вторая серия	84
Третья серия. «Грозовой перевал». Цитата	88
Конец ознакомительного фрагмента.	97

Наталия Новохатская

Гобелен с пастушкой Катей

Книга 8

Потерянная заря

Часть первая

*К мысу радости, к скалам печали
К островам ли сиреневых птиц
Все равно, где бы мы ни причалили
Не поднять нам усталых ресниц...*

А. Вертинский

Предисловие (20 лет спустя от Е.М.)

Эпиграф из прошлого тысячелетия отлично отражает смыслы и контенты (модные слова также соответствуют). «Где бы мы ни причалили», а мы посередине... Всего, чего угодно или неуютно. В частности посреди повести о жизни и Кати Малышевой, причем на переломном моменте в развитии от «прелестного дитятка» к настоящему состоянию. В общем и целом имеется в виду: «Земную жизнь дойдя до половины, я оказался в сумрачном лесу». Я – это Катя Малышева, наряду с Данте Алигьере и прочими субъектами литературного процесса.

А почему данная история помещена в конец серии, ответ последует из самой повести, она очень неудобно сложилась. Началась ровно посередине общего течения событий, там же на трагической ноте оборвалась, далее лежала на дне и на поверхность не стремилась. Потому что застыла в крайне невыгодном положении, оказалась типичной незавершенкой, глаза бы на неё не смотрели.

А потом позвонил телефон. Точнее, это был скайп, еще точнее, Катя Малышева сидела с планшетом на балконе и составляла издательские планы. И прямо на них с верхнего поля свалилось сообщение, что кто-то сбросил текст. Не успела Катя глянуть на загрузку, как возник скайп и заявил, что вызывает «ванглаз», то бишь директор издательства «Колизей» Ванда Глазова.

– Я тут откопала поток сознания, на самиздате, как ты просила, ты глянь, может, сгодится на что, – без лишних предисловий сообщила Ванда. – Хотя автор – покойник, так прямо сказано. Наследница нашла рукопись в разрозненном состоянии. Дядя помер, и так далее... Если не глянется, то и хрен с ним, с покойником-дядей.

– Покойник-дядя, Вандочка, это из Грибоедова, – назидательно возвестила Катя.

– Ага, если в литературе уже был, то, значит, не надо, – охотно согласилась Ванда, потом добавила. – Что, перебор выходит? Больше одного не берем?

– Ну зачем так резко? – ответила Катя. – Может статья, это неведомый шедевр, он же самородок. К тому же ты мне сгрузила, или как?

– Да, ты права, фарш невозможно повернуть назад, – вновь согласилась Ванда. – Рукописный покойник у тебя, делай с ним, что хочешь. Все координаты указаны, а я пошла работать дальше. Как там у вас в Женеве?

– У Ирки новая квартира и новые розы, долгая история. Сторожу, она опять в Париже, налюбуется замки Луары, – подробно доложила Катя.

– Сними розы на свой агрегат, цветы получаются, как живые, только что не пахнут, – посоветовала Ванда.

– Ты себе тоже взяла? – заинтересовалась Катя.

– Думаю, примерялась. Сейчас на них скидка вышла, если вместе с обложкой, – сообщила Ванда.

– Как обидно! – воскликнула Катя. – Я брала по полной и по отдельности!

– Тогда не плачь, а шли мне розы, – верлибром заметила Ванда и послала рисованный поцелуй.

Так разговор закончился, а Катя взялась за покойнический текст. Отнюдь не скоро, ей что-то мешало, скорее изнутри, чем снаружи. Но когда взялась, не пожалела, поскольку на второй единице потока сознания наткнулась на хорошо забытое старое. А это был как раз затопленный случай из жизни и частной практики, та самая незавершенка. Оп-ля!

Глава первая (незавершёнка в начальной стадии)

Эпизод № 1 (от лица Кати...)

Когда я перебираю ворох ранних воспоминаний, то нахожу бродячий сюжет. Вот такая последовательность.

Воспоминание первое. Я сижу в лодке посреди озера, голубая вода стремительно течёт за бортом, вокруг солнце и легкий бриз, гребцы налегают на весла. И тут мне приходит в голову чудесная мысль зачерпнуть водичку маленьким железным ведром. Исполнение следует немедленно, ведро мигом тяжелеет, вырывается из рук и пропадает в голубой толще воды к моему глубокому изумлению.

Мама недовольна, но указывает, что этого следовало ожидать. Кстати, у мамы Маши своя версия событий: маленькая Катя сначала делится идеей, говорит, что сейчас «зачеркнет водички», мама запрещает, но Катя не слушает и производит опыт. Скорее всего, мама Маша помнит лучше, поскольку цитирует дочку буквально. Трёхлетняя кроха, понятное дело, говорит «зачеркну» вместо «зачерпну».

Воспоминание второе. На столе стоит бидон, маленькая Катя желает налить себе молока до кипячения, мама не позволяет, дитя тем не менее с трудом наклоняет ёмкость, и молоко щедро льется по столу. Мама Маша довольна результатом и замечает, что следовало ожидать.

Подобные наблюдения протекали в уме достаточно взрослой Кати, когда она ехала в электричке навестить родителей на даче и сообщить им много чего интересного. Из областей прошлого, настоящего и будущего.

Почему-то Катя, то бишь я, находилась в уверенности, что новости и планы, будучи обнародованы, встретят прохладный прием у родителей, в частности, у мамы Маши. Не знаю почему, но представлялось, что мама вновь будет недовольна и выдвинет встречное предложение. Я даже догадывалась, какое именно, хотя не могла ручаться на всю сотню процентов, уверенности хватало примерно на 75. Подобную вероятность я взвешивала в уме, пока неспешно проезжала одну пригородную станцию за другой.

Дело было ранним летом, но жара успела устояться. Пока я шла по песчаной дороге мимо соседних дач, то заметила, что народ прибыл и расположился. Не то, чтобы я была со всеми знакома, но отдельные фигуры выплывали из многолетнего забвения, надо сказать, что на родительскую дачу я ездила отнюдь не часто, даже не каждое лето.

На дачном участке было зелено и сыро, невзирая на жару, папа сидел в гамаке с газетой, мама Маша возилась у крана за кустами, то был единственный источник воды на участке. В дом воду носили ведрами и утилизировали тем же способом, затем несли ведро к домику с прорезным сердечком на двери и выливали в бурьян. Да, рядом с сердечным домиком в кустах располагался рукомойник, туда мама несла наполненное ведро.

– Привет, дочка моя! – сказал папа, отрываясь от газеты. – Явление второе – те же и Катя! Не ждали, но рады!

– Вот хорошо, что приехала, – хлопотливо заметила мама. – Возьми ведро и вылей половину в умывальник, остальное неси в дом. Мне тяжело, много налила.

(«Прямо в точку!» – сказала я себе мысленно. – «Вот оно замечательное начало, нарочно не придумаешь!»)

– Может, лучше отлить на грядку, вот она рядом, – тем не менее вслух я высказалась нейтрально, не желая сообщать новость сходу и по поводу ведра.

– Нельзя быть такой ленивой, дочка, – назидательно заметил папа Дима. – Тебе, что, трудно?

– Зачем девочке таскать ведра? – не совсем искренне вступилась мама. – Если не хочет, то не надо. Она приехала отдыхать, правда, Катенька?

– Не совсем. Я приехала «сообщить не так чтобы пренеприятное известие» – я срочно перелицевала цитату из «Ревизора», далее добавила от себя. – Я выхожу замуж и жду прибавления семейства. Поэтому ведра с водой лишние, прошу прощения. Четвертый месяц.

– Значит уже поздно, – сообщила мама свое мнение, затем вылила на грядку всё ведро целиком. – А раньше ты о чем думала? Могла посоветоваться, не чужие.

(Да, так я и предполагала: «живя в согласии со строгою моралью», мама сочла причину для замужества неосновательной и отчасти постыдной, также обиделась, что дочка не пришла поделиться печалью или испросить родительского совета.)

– Я предпочла законный брак, – мягко укорила я маму, а папа молчал, как воды в рот набрал. – По-моему, ты всегда этого хотела.

– Я не подумала, извини дочка! Лучше поздно, чем никогда, – спохватилась мамочка. – И кто же он?

– Я надеюсь, что жених в курсе событий, – наконец разомкнул уста папа. – И не особенно возражает.

(Пять копеек от папы стоили дорого, он изложил мнение с известной элегантностью.)

– На следующей неделе я его привезу, можете обсудить, – пообещала я. – А вообще-то я ждала поздравлений, объятий и поцелуев.

На этом я бы опустила занавес и последующую сцену с объятиями и поцелуями оставила неописанной. Я так и знала, что получится неловко – на все сто процентов!

После того, как главная новость освоилась, мы с родителями посидели за столом, попили чаю, и ситуация вошла в колею, первоначальная неловкость сгладилась. Наверное, в тот момент у нас произошло переформатирование отношений, родители наконец постигли, что дочка выросла и живет, как хочет, без оглядки на их мнение. Понятно, ни одному из них новшество понравиться не могло, ко всему прочему мама с папой поняли, что я не нуждаюсь в их поддержке или одобрении. Вот решила завести ребенка и выйти замуж, и совета не спросила. Конечно, обидно.

Но и мне было отчасти не до них. Хотя тошнило меньше, но тем не менее, ко всему прочему беседы с Мишей по поводу законного брака оставили не лучшее ощущение, а соображение что «сейчас или никогда» в принципе оставалось главным. Но...

Было и другое, я начала понимать, что теперь я не одна – нас двое, с будущим детишкой, пока в одном флаконе, но в дальнейшем... Однако маме я этого высказать не могла, она бы обиделась не на шутку. Вполне возможно, что отсюда проистекала неловкость.

После затянувшегося чаепития я пресытилась дачным уютом и заявила, что намереваюсь прогуляться по местности, оказавшись в кои веки раз на свежем воздухе.

– Как, одна? По солнцу? – вознегодовала мама. – В твоём положении! Сейчас отец оденется и отлично пройдетесь. Дима, иди одевайся!

– Спасибо, не надо! – спешно вмешалась я. – Пока вполне справляюсь, пойду по аллее к усадьбе и озеру, там кругом тень.

– Не хочешь, как хочешь, – уступила мама. – Да, кстати сказать, если пойдешь мимо «богатых дач», загляни к девушке, не помню, как её зовут. Черненькая такая, вы с нею пластинки слушали, дача в два этажа с пристройкой.

– Татьяна Мельник? – мгновенно догадалась я.

– Она самая, – подтвердила мама. – Заезжала недавно с коляской, у нее второй, теперь мальчик, спрашивала тебя, интересовалась, когда приедешь. Телефон я без спроса не дала, хотя она просила, но сказала, что сообщу, если будешь здесь. Говорила, что дело к тебе, по вашей

конторе, зря ты хвасталась, когда была в последний раз. Надеюсь, что муж ей не изменяет, с двумя-то детьми!

– Было бы неловко, – согласилась я. – Хотя как откажешь?

– Сошлись на беременность, – подсказала мама. – Скажи, что и на своего мужа смотреть не хочешь, а чужие тебе вдвойне противны.

– Логично, мерси Мария Феликсовна, – я церемонно поблагодарила маму и удалилась с участка вдоль темной аллеи в сторону «богатых дач».

Пока я следовала позабытым маршрутом, то сперва лениво размышляла над маминой привычкой именовать ту часть поселка «богатыми дачами», затем мысли плавно перешли к Тане Мельник, хотя теперь она именовалась иначе, как – я не помнила, а может быть, и не знала.

«Богатые дачи» возникли у мамы в лексиконе сразу после получения крохотного участка в незавидной части старого дачного поселка. Бытовала такая практика на рабочих местах в незапамятные времена. Пока мама с папой корчевали пни и закладывали фундамент будущей сторожки, целинная публика с неодобрением и завистью смотрела на хорошо устроенную дачную слободу неподалеку.

Там участки были не в пример больше, где-то вчетверо, если не впятеро, там росли сады, а меж ветвей и листьев угадывались вторые этажи с мансардами. Дачники жили старинные, почти все довоенные, дачи строились в разных стилях почти прошедшего века: финские домики с покатыми крышами, разбухшие псевдорусские избы, миниатюрные шале и виллы – и разнообразность построек вполне радовала глаз.

Но маме застало. Она не могла толковать о соседях без неодобрения и не понимала, отчего дочка Катя охотно водится с их отпрысками. Запоздалые классовые чувства обуревали бедную Марию Феликсовну, отчасти потому, что ее родная сестра тётя Рита владела похожей дачей по правам дяди Славы, а маме с папой приходилось отвоевывать незавидное дачное пространство тяжкими трудами. Но Бог с ними, с классовыми предрассудками...

Эпизод № 2

Танечку Мельник я помнила отлично, ей было около 10-ти лет против моих тогдашних 12-ти, в дачной компании её беззлобно дразнили Вороненком отчасти за цвет волос, а в основном потому, что кто-то из команды дошел в школьном обучении до пьесы Пушкина «Русалка». Кстати, на моей памяти это было первое знакомство с произведением, тогда я не могла знать, что фирменное прозвище «прелестное дитя» возымеет то же происхождение, из последнего акта незавершенной пьесы и последующей оперы.

В финалах обоих произведений старый мельник, сошедший с ума от пережитых потрясений, отвечает на вопрос главного героя примерно так: «Какой я мельник? Я – ворон!» Понятное дело, что Танечке Мельник приходилось отвечать за базар, прошу прощения за неуместное выражение.

Невзирая на мрачные литературные пророчества Танечка росла милым ребенком, оформилась в хорошенькую девушку с легким характером, с нею было приятно водить летнюю дружбу под сенью дачных аллей. Как мама правильно помнила, мы с Таней проводили время на их даче и в саду, в частности с упоением слушали модные пластинки. У нее в коллекции нашлось немало тогдашних хитов, в частности битловская песня «Girl», а также альбом с изысканными романсами Александра Вертинского – мы слушали от начала и до конца, потом опять сначала.

Когда кузина Ирочка по молодости лет утеряла наш альбом, помнится, то было в мои студенческие годы, я теребила Таню летними вечерами в свои редкие наезды и требовала завести Вертинского, поминая Иришу неприглядным словом. Кузина дала послушать знакомой девице

– и с концами, причем нахалка заявляла, что ничего подобного не было, никакого Вертинского ей не давали, это старье вообще никому не нужно. Ну да ладно.

Отчасти вдохновившись воспоминаниями, я приветствовала Таню, теперь уже не Мельник, а Захарову (это я вспомнила по дороге под сенью лип) типовой фразой.

– Ну что, девушка, Вертинского послушать можно? – спросила я, найдя Таню с коляской в увитой зеленью беседке. – Потомки не возражают?

(В оригинальном варианте выступали предки, они не всегда понимали, зачем дочке бросать все дела и бежать слушать пластинку, если является некая Катя.)

– Привет, Кать! Потомки спят, Вертинский сохранился, хорошо, что приехала! – полупшепотом отозвалась Таня. – Спасибо твоей маме, что передала. Чай пить будешь?

– Прямо здесь в саду? Сочту за удовольствие, – вычурно выразилась я.

– Тогда посторожи мальчишку, а я сбегая, – предложила Таня.

– Сколько ему и как зовут? – спросила я, раньше бы из вежливости, теперь с живым интересом. – Глянуть можно?

– Полгода, зовут Николенька, спит без задних ног, – сказала Таня, приоткрывая полог из прозрачной кисеи, внутри проглядывались затылок с редкими кудряшками и босые ножки.

– Какая прелесть! – сказала я дежурную фразу и тотчас усомнилась в ее уместности. – Это я насчет имени, мы дружно возвращаемся к истокам времен.

– Ага, пусть скажет спасибо, что не Адам! – прошептала Таня и тихо удалилась.

Старшую девочку у Тани звали Евой, это придумал Виталик Захаров, муж Тани. Мало того, настоял, мотивируя, что Еву Витальевну будут звать Евитой, ему нравилось будущее прозвище. Сам он настрадался в детстве от «Захарки», а в студенческие годы от «Захера-Мазохо», в их группе нашелся кто-то чрезмерно образованный.

Не исключено, так я размышляла, глядя на крошечные пятки в коляске, что прозвища в дни нашего детства и юности проистекали из удручающей однотипности имен. Сережи и Саша у мальчиков, Наташи с Танями у девочек возглавляли списки, за ними шли парами Олеги с Ольгами, Иры с Игорями, Марины, Володи, Юры и Юли, далее типовые имена шли реже, скажем, по одному на класс. Я была единственной Катей. Не исключено также иное последствие, Наташи и Володи выбирали имена детям из других списков. У нашего поколения росли Ванечки, Васеньки, Даши и Настеньки, иногда разбавляясь Евами и Тимофеями.

«Если будет девочка», – заключила я в ленивой садовой полудреме. – «То назову ее Глашей в честь бабули. Не Глафирой, это слишком, к тому же бабушка была Аглая»

Николенька проспал последующее чаепитие в беседке, даже музыка его не разбудила, правда включено было на четверть громкости. Понятно, что Таня не могла принести старый проигрыватель на чайном подносе, да и включить его было некуда. Но оказалось, что Виталик Захаров, технарь и умелец, снизошел к просьбам супруги и перенес ностальгические записи на диск. Для прослушивания имелась круглая лоханка на батарейках, изыск науки и техники. Оттуда лился голос поэта и шансонье, пока Таня собиралась с духом для просьбы-предложения.

Кстати о музыке и между прочим. Когда Татьяна включила заветный альбом, до меня стало постепенно доходить, что дело плохо, просьба будет ой-ой-ой! «К мысу радости, к скалам печали, к островам ли сиреневых птиц» – заклинал бард-шансонье, пока я примеривалась к вежливым формам отказа. – «Все равно куда мы не причалили, не поднять нам усталых ресниц...»

– Мне на самом деле сто лет не надо, – делилась Таня между тем. – И мама твоя хмурилась, и Виталька говорит, что не наше дело и вообще глупости. Но я обещала. Хотя бы спросить. И вправду, а вдруг у тебя получится? Хотя...

– Танечка, ты меня пугаешь, – подбодрила я бедняжку. – Излагай, мне никто не запрещает отказаться. Ты не обидишься?

– Наоборот, очень хорошо пойму, – заверила Татьяна. – Ты тетю Марусю помнишь? Она в пристройке живет, мы туда синюю куртку относили.

– Если ты, девушка, сулишь тетю в клиентуру, то забудь навсегда! – объявила я твердо. – Потому что хорошо помню. Тетя и тогда была явно не в себе. Не думаю, что она вылечилась, а я, извини, сейчас в интересном положении. Сама знаешь, такая тетя противопоказана в принципе.

– Если так, то конечно, – согласилась Таня. – А вообще – поздравляю! И когда?

– К зиме, но точно не скажу, – поделилась я. – Теперь когда шевельнется, то будет ровно половина.

– Ага, это правильно, – подтвердила Татьяна. – А муж, он как?

(Форму вопроса Танечка выбрала неопределенную, поскольку ничего не слышала о моем замужестве и желала получить информацию для дальнейшего ориентирования на местности.)

– Муж пока в стадии жениха, – я скупно изложила факты. – Сочетание браком через три недели в районном ЗАГСе, никаких торжеств и песнопений, мама в шоке.

– Моя бы настояла, – кротно одернула Таня. – Попробовала бы я...

– Ну, ты выходила в первый раз, в неинтересном положении, – я зачем-то пустилась в объяснения. – А я эту комедию единожды претерпела, с родными и знакомыми во множестве. Правда, без фаты. А сейчас попросила отстать от беременной женщины, тем более что для жениха это событие не в первый и не во второй раз, что называется – дело житейское.

– Завидую, ты смелая женщина, – вздохнула Таня, но было неясно, к чему похвала относится, к порядковому номеру брачных уз или к умению противостоять маме.

– Но твоей тети Маруси боюсь до сих пор, – вспомнила я, собираясь с силами для окончательного отказа. – Как вспомню, так вздрогну.

Эпизод № 3

Маленькая вставка про тетю Марусю и синюю куртку, бог знает сколько лет прошло...

На исходе одного беспокойного лета мы с Таней сидели у них в мансарде и наблюдали тропический ливень, внезапно обрушенный с ясного вечернего неба. Я собралась домой, одета была в легкое платье, зонт и резиновые сапоги Таня давала. Но прочий организм оставался открытым для погодных элементов, а у меня имелась склонность к хроническому бронхиту.

– Можно попросить у Ольги, – предложила Таня. – У них в пристройке найдется куча старого барахла. Пойдем, тети Маруси нету по счастью.

Насколько я знала, Ольга была старшей кузиной в троюродной степени, Таня ее уважала и побаивалась, с нами кузина не общалась, я её видела редко и в отдалении. Тетю Марусю также видела мельком и ничуть о том не жалела, тетушка была известна трудным характером.

Не особо долго думая, мы спустились в пристройку, я осталась в прихожей, а Татьяна открыла дверь в жилое помещение и спросила насчет ненужных плащей и курток. Изнутри сказали, что «берите, что хотите, с дальней вешалки, потом можно не возвращать, а выбросить».

Далее Татьяна закрыла дверь, и мы выбрали из прочей одежды синюю куртку с красными вставками. Я облачилась, обулась, взяла зонтик и проследовала к месту дачного обитания. Сапоги и зонтик я вернула через пару дней, а про куртку забыла напрочь. Тем не менее к концу сезона мама строго велела вернуть вещь по назначению и не пожелала слушать никаких резонов.

Татьяна посомневалась, но пошла вместе со мной отдавать «вещь». Что случилось после, разумному объяснению не поддается. Ольги на даче не случилось, а тетя Маруся громко обвинила нас в краже, намеренной порче чужого имущества и прочих грехах, а с порога кричала немыслимые инвективы (обличения) в мой адрес.

Мол, она всегда знала, что я воровка и негодяйка, бегаю за ее дочкой в неприличных целях и учу Ольгу всяческим гадостям. Крики неслись по участку, пока мы с Таней ретировались из пристройки, она тем временем пеняла по части неуместной щепетильности. Вот выбросили бы с концами, так нет же! Но хорошо запомнили обе.

Почему-то особенно запомнился день ранней осени, исполненный пышной прелести, с просторным небом и свежим дыханием близких холодов, ароматы и яркость цветов, блистающие от росы дорожки... Наверное, по контрасту с безобразными криками со стороны невменяемой тети Маруси. Основопологающим стало удивление, странно совместившееся с красотой мира. *(вставка закончена, опять 20 лет спустя. Е.М.)*

– Понимаешь, Катя, она была в полном разброде, – толковала Татьяна через много лет, не в целях убеждения, просто разясняя. – В то лето от нее ушел муж, отец Ольги. Красивый, импозантный мужик, эдакого варяжского типа, доктор наук, Игорь Славич. Тетя Маруся очень быстро состарилась, характер у нее всегда был тяжелый. Ольга не радовала, как поступила в институт, то отстранилась, стала жить своей жизнью. И дядя Игорь решил, что с него довольно. Тетя Маруся прибегала к маме ночью, плакала, просила помочь, но что можно сделать? А мы с тобой просто попались под руку.

– Все в рамках допустимого, – заключила я, затем сходу влетела в расставленную ловушку. – А теперь что? Это я из чистого любопытства, заметь.

– Разумеется, но если подскажешь, куда ей обратиться, то и ладно, – ответила Татьяна. – Сейчас, мы разбудим кроху, покормим обоих, и сходим к тете Марусе, хорошо? А я пока расскажу, в чем её проблема.

В последующие полчаса на веранде первого этажа происходило кормление детишек, и мама Татьяны, ничуть не изменившаяся, вносила добавления к рассказу о сложных проблемах двоюродной кузины. Мне бы сообразить, что семейство хорошо подготовилось, но с этим было глухо, как в танке.

– Почти сразу после того случая, Ольга вышла замуж, рассорилась с матерью и уехала, – рассказывали Таня с мамой. – Адреса не оставила, сказала, что ноги её в этом доме не будет, с тех пор ни ответа ни привета. Маруся очень обиделась, сказала, что видеть не хочет неблагодарную дочь, пусть живет, как знает, нахлебается лиха – приползет, как миленькая. Но характеры у обеих – не дай Бог никому, и так оно затянулось на десять лет с лишком. Теперь встал вопрос с квартирой в Москве. Часть дачи у Маруси в собственности, перешла по наследству от отца, они с дедом были родные братья, все оформлено, разделено и расписано. Но с московской квартирой выходит сложнее. Маруся по нашему совету (каюсь теперь!) решила приватизировать площадь, у них квартира в хорошем районе, Олег выписался, когда развелся, от него претензий нету. Но оказалось, что Ольга до сих пор числится прописанной на этой площади, и без её согласия приватизация невозможна. Искать сбежавшую дочь в паспортном столе и в милиции отказались. Сказали, что не их дело, пускай мать занимается сама, если заинтересована. Пусть найдет дочку и получит либо ее письменное согласие, либо отказ в пользу матери. В зависимости от этого... Ну да ладно, это подробности. Суть в том, что Маруся надумала найти Ольгу под предлогом приватизации, а на самом деле хочет помириться. Но никогда не сознается – такой характер. Ей важно представить дело так, что дочь осознала свои интересы и проявила инициативу. Без этого никак, мол, дочь пришла мириться первой, вольно или невольно – но непременно! Поэтому Маруся желает, чтобы кто-то отыскал Ольгу (Бог знает, где она теперь), поставил в известность и намекнул, что мать может оставить квартиру в социальном найме, тогда наследникам вовсе ничего не достанется. Даже если они были прописаны, но давно не жили и за квартиру не платили – это она специально выясняла. А дачу завещает приюту для собак, к примеру... Точнее, свою третью часть, но нам от этого не легче.

– А-а, иной поворот событий, – сказала я, оценив ситуацию, до этого было непонятно, отчего Таня с мамой принимают близко к сердцу надуманные проблемы тети Маруси. – Я,

конечно, могу подсказать, куда обратиться, но, ей придется заплатить. Сколько – я точно не знаю. В нашей конторе такими делами занимается шеф, и он отнюдь не альтруист.

– Это понятно, – заверила Танина мама. – Мы тоже войдем в долю, если потянем. Оставить на авось – обойдется себе дороже.

– Пойдем, Катюша, к тете Марусе, – наконец заключила беседу Татьяна. – Она согласилась посоветоваться. Ей самой очень хочется на самом деле.

– Но прошу учесть и подсказать, – я почти сдалась, но хваталась за соломинки. – Если она проявит характер, то «спасибо, до свидания».

Таня с мамой заверили, что им понятно, они подготовят Марусю, пять минут, не больше. Покамест можно повторить музыкальный сеанс.

«К мысу радости, к скалам печали, к островам ли сиреневых птиц,

Все равно где бы мы ни причалили...» – заверял поэт мелодично тем временем.

В двухэтажной пристройке с мансардой я оказалась впервые, заход с курткой не считается, действие происходило на пороге, и строение отвлекло от мрачных перспектив. Пристройкой помещение называлось условно, на самом деле оно было возведено в начальной четверти века. Тогдашние искания придали зданию нездешний вид, вместо окон – двери-ворота, наверху приставные мансарды с лестницами и перилами. На самом деле получилась современная студия в промышленном стиле.

Мебель в просторном помещении казалась лишней, еще более сиротливо выглядела маленькая ссохшаяся тетя Маруся. Особенно по сравнению с обеими родственницами. Контраст получался особенно драматичным из-за фамильной схожести. Лицо у тети Маруси было совершенно темное, как на старинных иконах, и такое же скорбное.

Мы расселись вокруг стола, тетя Маруся впились в меня испытующим взглядом и промолвила вступительную речь с ненужной непримиримостью.

– Не понимаю, почему я должна этим заниматься, а не жилищная контора, им не до чего вообще дела нет. Это им нужны бумаги, а я должна бегать, не понимаю! Но тем не менее, тут написаны данные. Славич Ольга Игоревна, год рождения, месяц и число, наш адрес и почтовый индекс. Паспорт она взяла с собой, ничего оттуда не помню, сказали, что с этого надо начинать. Ходила в паспортный стол, там потребовали заявку, зачем мне нужны паспортные данные, сказали, чтобы шла в милицию. Заколдованный круг, зачем мне милиция? Ольга сказала, что уезжает насовсем и уехала, какие могут быть претензии?

– Это все, что у вас есть? – я задала вопрос машинально и тут же раскаялась в содеянном.

– А что вам еще нужно? – заявила тетя Маруся высокомерно. – Мне нужно, чтобы нашли Ольгу и сказали ей следующее. Если она не появится, и мы не оформим квартиру в собственность, то после моей смерти ей ничего не достанется, ни квартиры, ни дачи. Сколько это будет стоить?

– Извините, Мария... – начала я, но запнулась на отчестве, никто не потрудился сообщить.

– Не Мария, а Марта Федоровна, – заявила тетя Маруся с апломбом. – В свидетельстве о рождении так записано по крайней мере. Оно вам нужно? Но я не дам, сделайте копию.

– Извините, Марта Федоровна, – продолжила я. – Вопрос о стоимости будет решать владелец фирмы, мой компаньон. Но сначала следует узнать, возьмется ли он за работу...

– Вот и узнайте, потом приходите, – победоносно заключила Марта Федоровна. – Никаких денег я пока не даю.

– Работа на основании этой информации? – невнятно переспросила я, но собеседница поняла.

– Именно так, – сказала она, потом осведомилась неожиданно. – Я вас знаю?

– Скорее нет, – спешно отговорила я. – Мы с Татьяной дружили в детстве и отрочестве, я у вас бывала.

– С Ольгой – нет? – настаивала мамаша. – Тогда отчего я вас смутно помню, причем с плохой стороны?

– Маруся, не морочь девушке голову, – вступила мама Татьяны. – Она делает тебе любезность. Я ее хорошо знаю, не волнуйся ради всего святого! Никакого отношения к Ольге она не имеет, поэтому интересуется деталями, ей положено по работе, иначе как будет искать?

– Еще не факт, что компаньон возьмется, – я вспомнила о правилах торга и одновременно предупредила. – Если да, то работать будет он, я только...

– Мне все равно, до свидания, – отозвалась Марта-Маруся. – Надумаете с кем хотите, приходите, поговорим о деньгах. Но я вас все равно помню.

На этом пункте беседа вокруг стола закончилась, мы поднялись и покинули ангар не в самых лучших впечатлениях.

– Мама, я говорила, что будет неприятно, – косвенно повинилась Таня. – Катюша, не обижайся, она всегда была такая. Немудрено, что Ольга до сих пор не появляется.

– Боюсь, что квартира с дачей ее не соблазнят, – сухо заметила я. – Как говорил Остап Бендер: «я человек завистливый, но тут завидовать нечему».

– Это верно, – вздохнула Вера Григорьевна, Танина мама. – Но если получится хоть как-нибудь, то...

– Если получится, то не у меня, – заключила я, но впоследствии оказалось, что очень крупно ошиблась.

Эпизод № 4

К месту совместной работы с компаньоном Вале́й, в бывшую домовую церковь под куполами, я прибыла спустя неделю, если не позже. Миша стеснялся представляться предкам, у него возникали препятствия, в частности, он желал преподнести им оригинальный подарок к нашему бракосочетанию. На переговоры и прочие пустяки неделя ушла целиком, я забыла о безумной тете Марте и бумагу с данными Ольге Славич отыскала в момент сборов из дому, почти случайно.

Хоть и не впервые довелось выходить замуж, но дело стало на редкость хлопотным, даже без атрибутики. Никто не хотел верить, что я готова обойтись без торжественной части, хотя допускали, что так пожелал Миша, а в моем состоянии спорить не приходилось. Даже подруга Вера высказывала снисходительное удивление и отнеслась к роли подружки невесты без особого интереса, тем более, что свидетелем со стороны Миши выступал женатый, и не слишком известный живописец, некто Юра Громов. Тем не менее...

До компаньона Вали все равно надлежало добратся, сообщить о моих планах на будущее и обрадовать известием, что я возьму тайм-аут в работе по семейным консультациям. Напряжение по части чужих брачных эмоций становилось не под силу, а работать плохо я не привыкла. Я думала, что Валентин будет рад избавлению конторы от побочной ветви фирменных занятий. Себе я оставляла редакторскую работу по договорам, её могла делать дома в любой стадии беременности.

Валька выслушал новости отрешенно-благожелательно, покивал головой, обозвал Мишу гадким словом «инкуб», извинился и пожелал быть посаженным отцом на свадьбе. Я в свою очередь послала его далеко и красочно, объявила, что свадьбы не будет, но подарок он может получить прямо сейчас – забрать мое рабочее помещение до Нового года, а, может статься, долее того. Своих подопечных я раскидала, а новых не беру до разрешения.

– Ну и ладушки, прелестное дитя, – резюмировал Валентин. – Теперь занимайся исконно женским делом, а мы уж тут без тебя... Но заходи, не забывай.

– Не так скоро, Отче, погоди малость, – я отчасти обиделась, Валька скинул меня со счетов слишком легко. – Тут возникла заявка по части розыска, возьмешь или нет, мне все

равно, но вот тебе запрос от склочной тетушки Марты-Маруси. Хочет найти дочку, та вышла замуж, едва поступив в институт, и сбежала с концами десятков лет тому назад. Клиентка ищет пропажу формально для приватизации, а на самом деле, чтобы наконец помириться.

– Эмоции и домыслы – это по твоей части, но ты здесь больше не работаешь, – заявил Валька, осмотрев бумагу от тети Маруси. – Хотя остаешься на правах компаньона, извини, забыл сказать, посему профиты тебе пойдут, скажем, четверть. Как только тетенька Марта заплатит тысячу баксов за розыск дочки, двести пятьдесят будут твои.

– Отче, помилуй, какие суммы! – воззвала я.

– Не перебивай старших, – ответил Валька. – Неужели родная дочка не стоит трех копеек? Но я продолжаю, одновременно учу тебя деловой этике, поняла? Мне без разницы, чего тетка хочет на самом деле, она представила данные, я диктую прайс-лист. С этими скудными фактами я буду работать полгода и возьму тысячу баксов авансом. Если тетка добавит дочкино учебное заведение, то срок будет три месяца, цена пять сотен, одна из них твоя. Если приложит имя, фамилию и адрес жениха, с которым дочка сбежала, также дату бракосочетания и адрес ЗАГСа – то триста условных, свои вычисляй сама. Прошу учесть, положительный результат не гарантирую ни в одном случае.

– Ничего не поняла, объясни, – попросила я.

– Проще пареной репы, – снизошел Валька. – Поиск чисто инструментальный, запросы пойдут по паспорту и архивам, чем меньше данных, тем дольше и тем дороже. С человеческим фактором твоя тетя знаться не желает или не умеет, это ее проблемы. Могла бы – давно нашла дочку по родным, знакомым и прочим связям. Раз хочет так, то её частное дело, будет стоить вот такие деньги. Как заплатит – запущу в работу, сообщу результат, где дочка может быть, и как ее достать. Если потом приплатит, то напишем письмо от матерного имени. Или сходим в гости, сообщим, чего мамаша хочет. На нет и суда нет ни в каком случае. Это если не найдем или не захочет. Но тебе все равно четверть от суммы.

– Хорошо изложил, – похвалила я. – Тогда передаю информацию и жду ответа.

– Хоккей, сказал дед Мокей, – ответил Валька любимым присловьем и послал воздушный поцелуй на прощанье.

Сказать стало проще, чем сделать. Для связи был предоставлен Виталик Захаров, муж Тани, поскольку летом он курсировал между дачей и столицей, а в конторе у него нашлись нужные приспособления. Это выяснилось чуть позже, точнее, тем же вечером.

Виталик выслушал цитаты из прайс-листа на дому и, тяжело вздыхая, предложил связаться с «шефом» напрямую, минуя моё посредство. Надо ли говорить, что я испытала благодарность с облегчением в равных долях и скинула мутное дело на руки специалистам. У меня не было ни желания «прорабатывать вопрос», ни факса с иными наворотами. И довольно долго семейство Мельников-Захаровых обходились без меня, только с тетей Мартой. Как оказалось, они с нею нахлебались по полной программе, Валька был непреклонен в технологическом подходе и все такое прочее.

С результатом Виталик ознакомил меня по дороге на дачу, он простер любезность до немислимых пределов и взял нас с Мишей в свою тачку, чтобы доставить к родителям в конце очередной недели в целях запоздалого знакомства накануне свадьбы.

Мишин подарок оказался художественным полотном (сюрприз, сюрприз!) крупного размера, в электричке с презентом могли возникнуть сложности, а так отлично портрет поехал на крыше машины. Сам Виталик вез составленный договор для ознакомления и подписания другой стороной. Самая интересная деталь выяснилась в пути, и я едва не попросила посадить нас у ближайшего метро, и Бог с ними с договорами и с подарками!

– Не видел твоего компаньона воочию, Катюша, – любезно излагал Виталик (мы с ним тоже были неплохо знакомы с отроческих времен). – По моему скромному мнению, он реальная акула сыска, но к тебе относится с полным доверием. Сказал, что если наша сторона под-

пишет документ (он исполнил и прислал с курьером), то деньги ты возьмешь вместе со вторым экземпляром, потом разберетесь. Нетрадиционно, но веско. Кстати, выявились некоторые тонкости, тебе когда рассказать? Сейчас или после? Я понимаю, вы с Михаилом едете на ответственный прием. Я-то миновал эту напасть, меня Мельники знали много лет, но и тогда... Тесть сказал между делом: «теперь зови меня Петей», и я долго маялся, не мог себя заставить.

– Расскажи сейчас, задействуем отвлекающий фактор, – выбрала я, желая отвлечься, а Мише море было по колено.

– Так вот, розыск пропавших у нас обстоит следующим образом, – обстоятельно приступил Виталик, не отрываясь от руля. – Я познакомил тещу с ценообразованием, она пересказала тете Марусе и получила полный афронт. Бедняга думала, что сотня баксов за все про все – более, чем достаточно. И никаких послаблений по части информации допускать не пожелала. Где дочка училась, и про ранний брак вопреки воле матери, это больные точки. Пришлось допустить креатив, слово новое, но тебе доступное? Информацию собрали по круплицам сами, то бишь теща, тесть и Татьяна, деньги вносим авансом, тоже сами. Это значит, что плачу я, а тетя Маруся отрывает от сердца сотню, если ей принесут дочку на блюдечке с голубой каемочкой. Но в договоре о том ни слова, оформлено на нее и претензии будет предъявлять она. Недурственно, не правда ли?

– Зачем такие ужасы? – спросил Миша, оторвавшись от созерцания придорожных пейзажей, проезжающих за окнами.

– Я о том же, – согласился Виталик с чувством. – Но меня никто не спросил. Теща отчасти боится за дачу, отчасти у нее болит душа за Марусю, та одна на свете, невзирая на невозможный характер. В конце концов пять сотен баксов – не такая сумма, чтобы вызывать гнев тещи. Вам, Миша, это предстоит узнать.

– Никогда не располагал такими суммами для утешения тещи, – поделился Миша. – Поэтому они менялись, как перчатки...

– Хорошая идея, между прочим, – отозвался Виталик. – Так вот, Катюша, как закончите представлять Михаила очередной теще (без обид, Катя, ладно?), прошу к нам подписывать договор и получать деньги с разъяснениями. Или не подписывать и не получать. Хотя надежд на благоприятный исход немного. Тетя Маруся хоть и лишилась рассудка, но не настолько, чтобы упустить богатый шанс. Она получит информацию практически бесплатно и может выражать неодобрение по ходу процесса.

– Бедняжка, Виталик, как они тебя достали! – посочувствовала я не совсем искренне.

– Нет, на самом деле мы занимаемся ерундой, ищем Ольгу, а она не хочет, чтобы мать её нашла, да и мамаша затрудняет задачу, как может! – Виталик продолжал негодовать. – Вот если бы техника была на уровне, то весь розыск занял бы пять минут! Внесли в сеть данные, фотографии и прочие параметры, запустили бы поиск везде, где можно, то всплыла бы Ольга как миленькая. За эти десять лет где-нибудь да засветилась!

– А ты её знал, Ольгу? – спросилось у меня.

– Не совсем, – сознался Виталик. – Видел на участке вместе с подружкой, девушки были классные. До этого не интересовался, Ольга с нами компании не водила.

На этом моменте я решила, что не мое это дело и не мои проблемы, и задала вопрос о будущем сетевых технологий. Виталик с удовольствием сменил тему и до самого дачного поселка живописал, какие перемены принесут нам достижения в данной сфере буквально через несколько лет. По ассоциации я предвкушала, «какие розы нам заготовил Гименей, и, может быть, на много дней» – А.С. Пушкин, «Евгений Онегин», роман в стихах. Как очень скоро выяснилось с этими достижениями дело обстояло много хуже.

Первым камнем преткновения стал «портрет жены художника», помнится, было такое произведение на нивах прозы либо кино, не помню в точности. Я пыталась втолковать Мише,

что предки не смогут оценить произведения, однако он желал одарить будущих родичей – и точка!

Мама встретила Мишу достойно, правда, я не поленилась предупредить, подчеркнула в телефонном разговоре, что жених – художник, внешность и характер своеобразны. Слышно было плохо, мама вела речь из конторы дачного кооператива, но суть донеслась, мама ответила, что учтет и подготовит папу.

Надо сказать, что без подготовки я бы не решилась везти Мишу никуда, менее всего к предкам на знакомство. Внешностью он и впрямь обладал выдающейся за любые рамки. Если допустить художественное сравнение, то более всего живописец Званский походил на легендарного алжирского пирата, не хватало шаровар шириною в Средиземное море и красной косынки на темени. В обычной европейской одежде Миша смотрелся в высшей степени угрожающе для жизни и здоровья, в особенности, если встретить его в темном переулке. Я привыкла, но предкам требовалось время и терпение.

Так вот, мама встретила Мишу почти бестрепетно и повела по садовой тропинке к столу на крылечке, где его ждал папа при галстукке, очевидно лишнем в данном случае. Папа выговорил нечто о приятности знакомства, и все бы обошлось мирно, однако Миша преподнес подарочный портрет почти вместо «здравствуйте».

Я и сама опешила накануне вечером, когда Миша развернул холст, чтобы натянуть на рамку в коридоре. На полотне изображалась женская фигура, сидящая на диване, причем колени и ступни доминировали над остальным изображением. На первом плане горели алым пламенем домашние тапки, а голова и лицо оказывались последними в очереди на обозрение и были более, чем условны. Моей была едва прописанная прическа, закрывшая добрую половину лица. И это было правильно, потому что на почти невидном лице рисовалось печальное недоумение, типа: «а что я здесь делаю и зачем?» Под ногами в тапочках шла свежая надпись «Жена, 199...», за нею следовал самодельный иероглиф, служивший Мише вместо подписи.

Предысторию портрета Миша изложил под стук молотка. Вышло, что он начал рисовать вторую жену Вику, ей очень не глянулось, он забросил работу и унес холст к третьей жене Надежде. Тапочки принадлежали ей, до головы дело не дошло, потому что супруги вскорости разошлись и разъехались. В настоящее время Миша спешно водрузил мою голову на сидящую фигуру собирательной жены и собирался одарить искусством очередных тещу с тестем. Зачем, Бог весть! Может статься, он делал признание, что намерен остановиться в женах, либо просто решил избавиться от надоевшей картинки.

Хотя мне было отчасти фиолетово, как сказал бы Валька. Я боялась себе сознаться (но приходилось) что творчество Миши оставляло меня равнодушной. Миша прекрасно это понимал, но не обижался, напротив, видел в том тонкий комплимент. Ему было важно знать, что я ценю его лично, а не польстилась на славу живописца. Ладно, довольно о портрете, будь он трижды неладен.

Так вот, как только Миша выставил искусство на веранде, папа с мамой впали в ступор, даже дежурное «спасибо» у них не сказалось. После затянувшейся паузы мама спросила несурзное.

– Дочка, откуда у тебя красные тапочки?

– Они не мои, просто случайные, – ответила я кратко.

Потому что напал неуместный смех, со мной бывает в моменты умственного перенапряжения. Миша, надо отдать ему должное, смеялся вместе со мною, но папа с мамой его не простили. За последовавшим обедом оба сидели, проглотив по аршину и в основном потчевали дочку, напоминая, что в её деликатном положении что-то полезно, а иное просто необходимо.

– Мне вежливо дали понять, что потерпят в качестве производителя, – резюмировал Миша, когда после неудачного обеда мы пошли к Мельникам на дачу, сославшись на ранее полученное приглашение.

– Красные тапочки стали последней каплей, – ответила я и вновь залилась смехом ни к селу, ни к городу.

– Надька тоже ревновала к тапкам, – объяснился Миша. – Никак не могла понять, отчего я пишу их с такой страстью, а это цвет! Ну...

– Ах вот оно что, – мне вновь стало смешно до слез. – Тогда назовем портрет «Алые тапки». Как паруса...

– Слушай, а ведь, наверное, я зря привез эту работу, – наконец догадался Миша.

После чего я впала в неумное веселье и явилась к Мельникам на дачу, практически не владея собой. Однако присутствия духа от меня никто не ждал, тетя Маруся подписала договор, Виталик вручил означенную сумму, после чего я расписалась в пункте, гласившем, что деньги уплачены сполна в условных единицах.

В процессе заметила, что «Аргус» обязался искать Ольгу Игоревну Славич, энного года рождения, проживающую по такому-то адресу с почтовым индексом, и решила, что компаньон составлял бумагу будучи хорошо навеселе, ну и черт с ним. Много позже Валька неохотно объяснил, что допустил абсурдную формулировку умышленно, для случая судебного разбирательства, находясь в курсе, что клиентка тяжела в общении, такие меры вполне рекомендуются.

Кстати сказать, трудная клиентка вела себя на редкость мирно, только покосилась на Мишу, спросила, кто он такой, и узнала, что это жених Кати. После чего смотрела на меня со злорадством, полагая, что порок наказан своими силами. Миша потом долго сетовал, что пропала богатая фактура, и написать тетушку ему не позволят. Хотя пару набросков он сделал по памяти, когда мы пили чай в беседке у Мельников.

Там присутствовало все семейство, включая Петра Степановича, отца Тани, он рассказывал, как удалось свести концы с концами. Исходную нелепую сумму в тысячу условных единиц удалось сократить за счет находчивости семейства Мельников. Оказалось, что никто из них не помнит, в каком институте училась Ольга, и на свадьбу их никто не звал. Как было говорено раньше, Маруся наотрез отказалась сообщать необходимые подробности, почему, знает один всемогущий Бог на небесах.

Однако платить из своего кармана за упрямство Маруси никто не собирался. Пришлось поработать мозгами, как сообщил Петр Степанович. Таня с мамой предположили, что Ольга училась в одном из московских педвузов по специальности «история», но уверенности не имели. Мама и Таня помнили, что Ольга ездила учиться в центр города и толковала с похвалой о старинном здании. Также упоминалась история науки, как будущая специальность.

Петр Степанович в свою очередь поднял свои записи и нашел краткое упоминание о подготовительных курсах, как-то связанных с институтом, в котором вроде бы училась Ольга. Курсы понадобились для сослуживца, тот производил общий опрос в поисках советов для поступления ребенка.

Что именно стало исходной точкой совпадений, никто не помнил, однако здание располагалось в точности посреди исторического центра.

Старинные факультеты на Моховой исключались сразу, областной пединститут «имени Крупской» находился далеко не в центре, а «имени Ленина» – в изысканном здании около Фрунзенской. Получался полный нонсенс – подобного учебного заведения не существовало в природе вещей, однако «никогда не бывает так, чтобы не было ничего». (Отчасти наскучив цитатами из Чехова, я взялась за «Бравого солдата Швейка»).

Петр Степанович не поленился, нашел давно уволившегося сослуживца и узнал, что парень у того ходил на курсы бывшего историко-архивного института, теперь заведение зовется по другому и учит совсем иным вещам. Значит Ольга с высокой степенью вероятности училась в тогдашнем историко-архивном, однако не особо афишировала этот факт, поскольку престиж заведения оставлял желать лучшего.

А нынче полученные сведения экономили семейству Мельник пять сотен баксов, что было неплохо. Что касается замужества Ольги, то с ним произошел афронт, никто ничего не знал вообще. Маруся лишь говорила сквозь зубы о неподходящем кандидате. Мама Татьяны внесла догадку, что Маруся противилась заключению раннего брака в основном из-за того, что молодые предполагали жить в ее квартире, что сводило на нет надежду на возвращение Игоря.

Кстати сказать, к прочим сведениям Мельники щедро присовокупляли координаты Игоря Славича, даже место его службы, наверное, взамен сведений о таинственном женихе. Отнюдь не исключалось, что отец Ольги знает, как связаться с дочерью, а бывшую жену в известность не ставит. Я не задала вопроса, отчего они не спросили сами, сообразила, что имеются препятствия, какие – не моего ума дело. Иначе стали бы Мельники жертвовать деньгами? Если бы могли обойтись парой телефонных звонков.

На самом деле я слушала доклад о прошедших изысканиях вполуха и осмысляла, так сказать, вполизвилины. Все равно сведения доставались Валентину, причем по факсу из конторы Виталия. Мне предстояло передать подписанный договор и сумму денег за вычетом своей доли. На том я собиралась забыть об Ольге Славич и неладном семействе навсегда. Кстати, Татьяна понимала, что они зашли слишком далеко и попыталась загладить вину на прощание. У калитки она достала из кармана фартука конверт и промолвила в некотором смущении.

– Катюш, не бери в голову эту дребедень, лучше слушай Вертинского, Виталька сделал копию. Тебе полезно слушать приятное и смотреть на красивое.

Я поблагодарила, забрала диск в конверте и пошла смотреть на «портрет жены художника», оставленный на попечение родителей.

Эпизод № 5

Прошли два летних месяца, в их течении мы с Мишей скромно оформили брак и узнали посредством УЗИ, что ждем мальчика. Беременность протекала нормально, мальчик начал бить ножкой, я вынула из закровов единственное свободное платье, а мама озаботилась покупкой детского приданного.

На нововведения типа памперсов мама смотрела косо, о чем строго предупредила во время второго посещения родительского дома. Мы с Мишей приехали, чтобы забрать неподъемный пакет пеленок, и папа проявил эрудицию на грани скандала. Оглядев дочку со всех сторон, папа Дима сделал комплимент. Сказал, что я похожа на «Вдовушку» (портрет кисти художника Федотова), наверное, решил показать зятю, что не чужд живописи, но предмет выбрал крайне неудачный.

Миша кротко ответил, что постарается по мере сил и возможностей, чем довел папу до бешенства, а маму до слез. Однако мне вновь было фиолетово, мы с мальчиком только позабавились, он к тому времени подключился к моим эмоциям и стал основным их фактором. Всё остальное, надо заметить, постепенно, но неуклонно отключалось.

В таком состоянии я выслушала в начале сентября Татьяну Захарову, бывшую Мельник. Девушка позвонила, минуя посредство Виталика, и сообщила, что у них происходят бурные и неприятные события, напрямую связанные с расследованием, которые она неосторожно инициировала прошедшим летом. Поведать подробно Таня не смогла, отослала меня «пожалуйста, Катя!» в «Аргус» к компаньону и попросила совета от нас обоих, как им быть дальше, потому что «полный тупик и больше ничего».

– Всё это не тупик, а полный абзац, если выражаться культурно, – немилостиво просветил Валентин. – Никогда больше не стану работать по твоей наводке, прелесть моя! Деньги можешь оставить себе целиком, а меня оставь в покое. Все, что можно я сделал, все, что нельзя – выслушал, причем неоднократно. Этой Ольги Славич не существует в природе. Точка.

– Валя, пожалуйста... – я тянула «волшебное слово», сколько могла, затем применила запрещенный прием. – Прояви внимание к беременной сотруднице, трудовой кодекс рекомендует.

– По-моему, ты уже в декрете, или как? – снизошел Валька. – Деньги получены, работа сделана, что тебе еще надо?

– Информации, душа моя Валечка, – пропела я. – Как узнаю ваши неудачи и недоделки, то смогу послать Таню Захарову, бывшую Мельник, очень далеко, сославшись на состояние здоровья и декретный отпуск. Иначе будет отчасти невежливо, а мне в этом поселке ещё мальчика нянчить, Таня может сгодиться.

– Какая ты у нас практичная, – неискренне восхитился Валентин. – Ну, ладно, только ради мальчика. Приедешь сюда показаться, или я к тебе?

– А ты меня свези в контору, заодно заберу старые туфли и еще по мелочи, – предложила я бессовестно. – И обратно, понятное дело – тем же способом.

– Теперь вас двое шантажистов на мою голову, – сокрушился Валька. – Прелестное дитя и её мальчик! Ладно, собирайся завтра с утра, возьми пакет, если будет тошнить, поняла? Машина совсем новая.

– Спасибо, дяденька Валя! – ответила я бодро. – Уже не тошнит, но пакет возьму.

Долго ли коротко, но мы приехали утром следующего дня в контору под куполами и застали там манифестацию в мою честь, вернее, в нашу с мальчиком. Население офиса пришло полюбоваться, пожелать здоровья и счастья, также принесло подарки, включая куст граната в горшке. «Гранат оздоравливает воздух и символизирует плодородие» – серьезно объяснила Юля, помощница шефа. Я чуть было не прослезилась, но удержала себя в руках. Однако праздник вскоре кончился, начались суровые будни, ради которых меня привезли, а вовсе не для веселья с подарками.

– Невольно вспоминается старинный анекдот, если тебя уже не тошнит, – предварил заседание Отче Валя. – Мол, имеем плохую новость, что питаться будем навозом, а хорошая – что его у нас много. Итак.

– Отличное начало, мы в восхищении, – ответила я для порядка.

– Итак. Вот они бумаги, тут всё сказано, – сухо отчитался Валентин. – Оригиналы, копии были высланы клиентам по факсу вместе с подробным отчетом. Что будем изучать?

– Отче Валечка, дорогой друг, перескажи отчет, я верю на слово, читать не станем, – попросила я.

– Тогда пропадет вся соль, ну да ладно, сделаю снисхождение к твоему состоянию, – смиловился Валька. – Слушай сюда. Поиск шел строго документально, в соответствии с запросом и договором, думал, что обойдется в пару пустяков. Как бы не так! Первым делом, понятно, я запросил жилищную контору по части прописки, то бишь регистрации, кто именно значится по конкретному адресу. Сказали, что Марта и Ольга Славич, и послали в паспортный стол за копией паспорта Ольги на момент прописки. Там, разумеется, пришлось помаяться, но достал. Ольга прописана по паспорту, который получила в 18 лет, причем паспорт нового образца, с большой фотографией. У всех такие были на момент кончины Союза Советов. Можно ознакомиться, вот она копия. Никаких запросов по перемене места жительства или фамилии в паспортный стол не поступало, никакого делопроизводства не велось. Вот он ответ на мой официальный запрос. То бишь – по нулям. Перевожу для беременных: как уехала девушка из дому с паспортом, так по нему и живет, где хочет. Если поменяла фамилию либо регистрацию, то обошлась без запросов и подтверждений, такое бывает во всеобщем бардаке, в особенности, если кто-то пожелает и озаботится. Из этого следует, кстати, что теперь Ольга может оказаться в любой стране ближнего и дальнего зарубежья, потому что гражданство устанавливается по паспорту и отдельному запросу в местные органы, а везде тот же бардак. На этом документе: паспорте с пропиской, следы Ольги Славич обрываются. Поиск не представляется возможным,

иначе как по запросу из органов внутренних дел, криминал или розыск пропавших по полной программе.

– Это более или менее ясно, – похвалила я усердного друга. – И что с того?

– Вторым пунктом следовал запрос в ЗАГСы Москвы и области на предмет заключения брака, начиная за год до примерного отъезда, далее везде, – не обращая на меня внимания, продолжил друг Валя. – Опять же смотри бумагу. Ответ перескажу сразу, можешь не рыться. По Москве и области в то время и по настоящее Ольга Игоревна Славич энного года рождения ни в каких действиях не упомянута, она не заключала браков, не регистрировала детей и не выбывала из числа живущих. То есть, теперь объяснение для мамы: если дочка выходила замуж, то гражданским браком либо в любой другой точке тогдашнего Союза. Но следы опять обрываются, документально там делать нечего. Складывается впечатление, что дочка тщательно скрывается от мамы и замела следы, как шпион, который пришел с холода. На самом деле и скорее всего имел место упомянутый бардак. Как дочка захочет найтись, она все объяснит, если захочет, а впрочем, не наше дело. Наше дело продолжилось в историко-архивном институте, где Ольга Славич числилась студенткой дневного отделения до второго курса. Я предположил, что с мамой она могла ссориться и разъезжаться, сколь угодно, но это не мешало ей продолжить образование и получить диплом, даже на другую фамилию, если вышла замуж где-нибудь в Воркуте и перешла на заочное обучение. Ничего подобного... Документальный след обрывается и там. Архивы у них в ужасающем состоянии, читай полуслепую бумажку, вот она. Мол, Ольга Славич сдала первую сессию второго года обучения, причем на отлично, получила повышенную стипендию, но ни разу за ней не явилась, далее после трех месяцев отсутствия была отчислена. Вновь по нулям. И третий ноль я получил от папы Славича.

– Бедный Валечка, – вновь встряла я, как только смогла дожидаться паузы. – Как мы тебя незаслуженно утомили.

– Дозвонился чин по чину, спросил, как достать дочку Ольгу, – Валька вновь не удостоил меня вниманием и повел рассказ с того же места. – По поводу приватизации московской квартиры, кстати, представился жилищным агентом на всякий случай. Папа Игорь Славич сказал, что понятия не имеет, с бывшей семьей отношений не поддерживает, после чего перевел меня в черный список по всем телефонам. В сухом остатке я составил отчет на основании предложенных документов и выслал в контору Виталия. Захарова. Сопроводил должным заверением, что: «все что мог, я уже совершил», а на большее требуется благословение клиентов и другие суммы условных единиц. Для реального сыска с идеями, догадками, соображениями, беседами с публикой и шевелением мозгов. Ничего подобного мне заказано не было, между прочим.

– Ага, теперь понятно, – догадалась я. – Кто-то из клиентов требует money back (деньги обратно), скорее всего тетя Маруся. Давай я отдам? Себе дороже станет...

– Ничего подобного, это раз, – заявил Валька. – Категорически запрещаю от имени конторы – это два. На счет три советую наплевать и забыть, как толковал Василий Иванович Чапаев в одноименной фильме. Тебе не положено вступать в конфликтные отношения, ты в декрете, поняла? Так и скажи своей приятельнице, что ни за что и никогда.

– Что именно? – поинтересовалась я.

– То самое, – лаконично заметил Валька, и больше я от него ничего не добила, кроме советов переданных от его супруги Марины по части беременности и родов.

Кроме того, Валентин, чтобы отвлечь внимание от покинутого дела Славичей, сделал на обратном пути предположение ни в бровь, а в глаз, и отвлек от всего, кроме удержания гранатового куста, чтобы тот не завалился и не помялся.

– Я правильно полагаю, дитяtko, что «инкуб» у тебя не живет? – спросил дружок как бы между прочим. – Когда съезжаетесь, или никогда?

– Во-первых, никаких инкубов я не знаю, кроме тебя, – я поставила компаньона на место, затем ответила честно и не впервые. – Тесно в одной комнате, это раз, краской воняет, это два,

мальчику не нравится – три, и это самое главное. Миша, кстати, работает в мастерской, там держит весь приклад, приходит вечером, но есть проблема. Из мастерской его скоро попросят, помещение чужое и идет на снос. Тогда будет писать на пленэре целыми днями, в особенности в январе.

– Завидная перспектива, – согласился Валентин. – Другой выход есть?

– А как же, – поделилась я. – Вполне экзотический. В отъезд, командировка с семьей.

– И куда же? – спросил компаньон светским тоном, как бы для поддержания беседы.

– Далеко и надолго, – приоткрыла я часть тайны. – Писать страшный суд в часовне, как тебе?

– Будешь позировать в котле со сковородой? – поинтересовался друг Валя. – Домашняя утварь, она теперь по твоей части.

– Тьфу на тебя, гадкое существо! – не выдержала я, далее мигом собралась. – Тебя попросим на роль истопника, сторожем ты ведь поработал?

– Рога надо будет присобачить? И хвост с копытами? – со всей невинностью в голосе спросил Валентин.

– Насчет рогов спроси у Марины, может статься, есть свои, – заметила я сухо. – Остальное на твое усмотрение.

– Нуль – двести тысяч в вашу пользу по гадкости! – теперь не выдержал Валька. – За такие шуточки нормальный мужик отрывает голову кому ни попадая, учти на будущее.

– Мое будущее – это Страшный суд, если кто-то не решит жилищный вопрос! – сообщила я почти без шутовства. – Часовня, она в Португалии, в Лиссабоне, в аббатстве Жеронимуш, новая пристройка. Какой-то грешник пожертвовал и велел расписать адские реалии на современный лад. Миша выиграл конкурс, утверждает, что один не поедет, но его можно уговорить. Святые отцы всем довольны, кроме отсутствия церковного брака пусть и по православным канонам. Миша склонен им потакать, но я...

– Каков у вас расклад, дитя мое прелестное! – восхитился Валька. – Вот это моральная дилемма, я в восхищении. Но знаешь, что... Так или иначе оно само собой решится, не волнуй себя зря.

– Да, разумеется, но ни креститься, ни заключать церковный брак, тем более крестить мальчика я не буду, фиг им всем! – сообщила я. – Святые отцы могут идти к богу в рай, Миша может плюнуть на Страшный суд, или они могут договориться по-тихому, мне без разницы.

– Экая принципиальность! Ну просто боярыня Морозова! – вновь неискренне восхитился Валька. – А как же прагматика, то бишь проза жизни? А для виду, то бишь для семьи?

– «На том стою и не могу иначе» – я процитировала Мартина Лютера (не Кинга), с тем мы приехали, и стали выгружаться вместе с гранатовым горшком.

Только поздним вечером того же дня Валентин оторвался от семейных радостей и сообщил продуманный совет.

– Можно ли попросить к аппарату боярыню Морозову? – вкрадчиво спросил он, а я от неожиданности нажала на громкость, поэтому Миша оказался в курсе.

– Слушаю, – лаконично отозвалась я.

– Но учти, так на так, ты слушаешь совет и шлешь Славичей с Мельниками к богу в рай, – потребовал друг Валя.

– Это смотря какой совет, – я ответила осторожно. – Если очень глупый...

– Не глупее остальных, – посулил бывший компаньон. – Так вот, пусть Миша пообещает отцам, что вы всем семейством конвертируетесь прямоком в католическую веру, минуя православие. Тогда и обвенчаетесь. Им будет лестно. Но, понятно, вступите в веру не сразу, а будете долго размышлять, как положено по протоколу. Часовня тем временем распишется или достаточно продвинется. Тогда у отцов, а не у вас, окажется моральная дилемма: закрыть глаза

на безбожие или искать другого мастера. Они-то знают толк в прагматике, в отличие от некоторых боярынь-раскольников.

– Отче, ты настоящий друг! – согласилась я, на звуковом фоне Миша тоже бурно возрадовался. – Клянусь и обещаю, к богу в рай все розыски на дачах!

На том и порешили, но увь, человек предполагает, а кто-то располагает. Кто – я не в курсе, и святые отцы вместе с Мартином Лютером, увь, не подмога.

Эпизод № 6

Татьяне я позвонила почти сразу, сказала, что ознакомилась с последней версией завершения дела и ничем не могу помочь, поскольку сейчас в нерабочем состоянии, седьмой месяц, мысли – сама знаешь, в другом месте.

Таня ответила, что отлично понимает, ни о чем не просит, но... Если Катя выслушает их с мамой идею, это будет очень трудно? Отнюдь, ответила Катя, но чуть позже, не сегодня, хорошо? Таня согласилась, обещала позвонить позже и с тем пропала из поля зрения на достаточно долгое время. Чему я реально обрадовалась и понадеялась, что «их с мамой идея» не выдержала испытания временем и сама собой растворилась в злобе дней. Но нет!

Сентябрь почти прошел, от него осталось пара-тройка дней, но лето медлило, никак не хотело уходить. Предки тоже медлили с переездом в город, звали нас на дачу оценить прелести «бабьего лета», но мы отговаривались трудностями транспортировки в деликатном положении – ни автобус, ни электричка меня уже не вмещали.

И вот, в один из последних сентябрьских дней мама объявилась из конторы кооператива и радостно заявила, что все отлично устроилось. Приходила «эта твоя девушка» и сказала, что муж привезет нас с Мишей, они тоже доживают последние дачные дни, ему не трудно. И обратно тоже, очень милые люди.

– Оп-ля! – сказала я себе, и не нашла причин для приличного отказа.

Конечно, можно было обратиться к Вальке, он бы придумал, но... Ладно, следует признать, самой было интересно, а новых сложностей от семейства Мельников я не опасалась, всегда могла сослаться на текущее состояние. Еще импонировало желание родителей наладить отношения с Мишей, такими перспективами не стоило пренебрегать.

Посещение дачного поселка прошло исключительно удачно, если иметь в виду Мишу и предков. Забыв былые обиды и недоразумения, они втроем ворковали на участке, строили планы на будущее, включая часовню, однако про Страшный суд Миша деликатно умолчал, также и о том, что заказчики указали на нежелательность проживания во грехе по церковным канонам. Папа с мамой, хоть страдали заранее, но готовы были отпустить дочку с будущим внуком в дальние страны. А когда я напоминала, что не решила окончательно, предки уверяли Мишу, что «все пройдет, зимой холодной, нужда, голод настанет...» и так далее в прагматическом духе. Но было отрадно видеть, что они нашли общий язык.

К Мельникам на дачу я проследовала в хорошем расположении духа, Виталик подвез нас прямо к крыльцу и продолжил по пути начатый ранее рассказ в духе скандала и мистики. По дороге туда времени не хватило, а Виталик был склонен повествовать подробно, в особенности о мистическом компоненте. Оказывается, тетя Маруся-Марта не нашла ничего лучшего, чем пойти к гадалке.

Получив от Валентина «три нуля», как он выразился, тетя Маруся пришла в ажиотаж и направилась напрямик к бабке, каковая трудилась неподалеку от станции, слухами дачная земля полнилась. От волшебной бабки Марта Федоровна пришла бледно-зеленая, мрачно молчала несколько дней, затем раскололась.

Гадалка заявила с порога, что видит смерть за её плечами, но может отодвинуть за энную сумму. Тетя Маруся пыталась торговаться, но гадалка не растерялась и предложила попробо-

вать дожить без магической помощи до рассвета. На том Маруся-Марта сломалась и отдала требуемую сумму на всякий случай, вернее, для страховки. После чего гадалка смягчилась, произвела действия с воском на блюдце и сообщила, что перевела стрелки с Марты на ближнее окружение, пусть Марта выберет, кого ей не жалко будет лишиться.

Следует отдать должное тетушке Марте, она долго колебалась и выбрала кандидатуру в отдалении, но вполне заслуженную. Правда, обманула гадалку и представила жертву в качестве двоюродной племянницы, назвала имя и перемешала восковые письмена острой палочкой. Но сделка с дьяволом все равно состоялась. Затем наступил момент раскаяния. Однако на этом месте мы въехали в дачный поселок, и рассказ прервался ввиду качества дороги. Высаживая нас около родительской хибары, Виталик обещал продолжение чуть позже, правда, осведомился, не претят ли мне магические игры, тогда он замолкает.

И вот, по дороге на дачу Мельников Виталик ждать себя не заставил, исполнил обещанное. Правда, пришлось его слегка понудить.

– А что, та идея, о которой Таня толковала, она имеет касательство к мистике? – осторожно осведомилась я, желая знать, как легче отказаться.

– «Нет, ребята, это слишком!» – горестно процитировал Виталий полузабытые детские стихи, он помнил их великое множество. – Я чувствую себя полным болваном, и ничего не могу поделать. Эта их идея... Говорил я им, обещали не развивать, но кто меня будет слушать?

– Тем не менее? – спросила я кратко.

– Нет, тогда Марта-Маруся к гадалке еще не ходила, просто дулась и молчала, денег, понятно, отдавать не хотела, – поведал Виталик. – Теща её попрекала, обвиняла, что сестрица нарочно скрывает информацию, а мы понесли финансовые потери, теперь деньги пропали с концами. Не исключаю, что после того Маруся двинулась в мистику, а вот теща с Татьяной решили отработать деньги сами, но хотели просить у тебя совета, как это лучше сделать. Мы с Петей их вроде отговорили, но потом включилась мистика с легкой руки Марты, вот тогда...

– Тогда что? – заинтересовалась я.

– Когда она раскаялась, то призналась, все на уровне бреда, – начал Виталий обстоятельно, но не смог продолжить рассказ.

Дорогу перегородила фура, ставшая посреди дороги, видно, кто-то обстоятельно съезжал с дачи. Пришлось ставить машину на травяную полянку и следовать пешком, стало недалеко, но в обход, мы вышли прямо под окна пристройки. Из чего последовала заминка почти мистического плана.

– Все, они меня достали! – заявил Виталик, не успели мы войти и поприветствовать общество. – Опять я виноват, опять не то сделал, видите ли! Ребята, я жду на улице у машины через час, и гори все оно синим огнем, извините.

Оказалось, что тетя Маруся-Марта увидела нас из-за занавески и наотрез отказалась выходить к гостям. Причин и объяснений не привела, Татьяна просила прощения и выдвигала предположение, что тетушка испугалась Мишу. Хотя видела его раньше, но в помещении недооценила размеры, а на садовой дорожке выявился истинный масштаб фигуры.

– После гадалки у неё расшаталась психика, – сделал предположение папа Мельник. – Было и так не слишком.

– Или ей стыдно, – заступилась за кухню мама Вера Григорьевна. – Нам она рассказала, потому что хотела поделиться, но сознаться чужим людям...

– Короче говоря, сознаваться будем мы, – заключил папа Петя. – Есть в чем, потому что будем просить о содействии.

И Мельники хором сознались. Для начала рассказали, в чем состояла первоначальная идея, с которой Татьяна хотела меня ознакомить, прежде чем одумалась. Она хотела подключить Катю к разработке Игоря Славича, отца Ольги. Общение с ним прекратилось давно, но отношения испорчены не были. Однако Мельники понимали, что сами не справятся, поскольку

отлично знали нрав тети Маруси. Если вдруг выяснится, что Игорь в курсе местонахождения Ольги, то Маруся съест всех живьем в момент обнаружения.

Никому не хотелось подставляться, менее всего был расположен сам Игорь. Поэтому к нему не обратились, лишь отдали в «Аргус» координаты, понадеялись, что у специалистов номер спляшет. Но не сплясал, доктор наук Славич быстро вычислил последствия и отказался сотрудничать. Тем не менее, Таня с мамой хотели обратиться ко мне за советом, как убедить Игоря поделиться информацией, если она есть, не подставляя никого. Однако по зрелому рассуждению оставили эту идею, в основном по рекомендации мужской части семейства, которых глупейшая история с розыском достала вконец.

Далее вмешался мистический фактор, и выяснилось, что можно пощадить Игоря Славича, нашлась более перспективная кандидатура. Маруся-Марта, опомнилась после магической атаки и создалась, что подставила под косу смерти (у гадалки на блюде!) подругу Ольги, которую она частично винила в исчезновении дочери. Та вроде активно способствовала, даже укрывала сбежавшую из дому парочку, потом отрицала соучастие, в процессе состоялся скандал гигантских масштабов, к котором принимали участие все, включая Татьяну и родителей подруги. Ту тоже звали Ольгой.

Маруся-Марта не забыла обид и много лет спустя переправила проклятие на голову той Ольги, назвав её племянницей для мистического порядка. Но не дай Бог, подумала Маруся, чтобы силы зла промахнулись и задели реальную племянницу Таню, у нее же дети! Но кого-то требовалось подставить, посему к месту пришлось Ольга Киреевская, ей стало поделом за причиненные страдания.

Бог с нею, с Мартой, он же простит игры с нечистой силой, никого это особенно не волнует, продолжали Мельники. Однако фигура Ольги Киреевской, явившаяся в мистическом антураже, представляла реальные перспективы. Пока проклятие ее не достало, Ольга Киреевская может быть разыскана и осторожно расспрошена, разумеется, без участия тети Маруси. В том, что она имеет ценную информацию, сомнений не существовало никаких.

Таня с мамой однажды участвовали в телефонном розыгрыше, каковой предприняла Маруся, пытаясь сыскать дочку по горячим следам. Поддавшись слезным уговорам явившейся на дом Маруси, мама не воспротивилась и допустила Таню попросить Ольгу к телефону девичьим голосом. Надо думать, что Марту-Марусю в доме Киреевских уже слышали. Но в середине переговоров с матерью второй Ольги Маруся выхватила трубку, дальнейшее можно представить без труда. Таня с мамой помнят до сих пор, но как-то не соотнесли тот скандал с исчезновением Ольги, только недавно что-то мелькнуло, и концы сошлись. Им было известно, что у Марты с дочерью были сложные отношения, и публичные скандалы редкостью не становились. В школьные годы дочери Маруся имела скверную привычку обзывать одноклассников Ольги и предъявляла им претензии, иногда под руку попадали родители, которым тоже доставалось. Но вот теперь...

А просьба-предложение у Мельников состоялись такие вот. Татьяна бралась узнать, как найти Ольгу Киреевскую. Но Мельники были уверены, что никто кроме Кати, не способен разговорить бывшую подругу Ольги. Сами они боялись получить афронт, в особенности, если та вспомнит, как её звали к телефону от имени Тани Мельниковой. Так услышала мать другой Ольги, соврать у Тани не получилось. Понятно, что за много лет детали могли исчезнуть из памяти, но последовавший скандал был таков, что лучше не рисковать. Речь заходила об укрывательстве краденого, потому что Ольга захватила из дому старинную фамильную вещь, а Маруся умела доставать людей, как никто другой, ей не претили никакие домыслы и обвинения.

– Катюша, пожалуйста, если можно, – вежливо нудила Татьяна. – Мы сами никак...

– Вы, Катя, только подскажите, – не менее вежливо разъяснял отец, дядя Петя. – Так сказать, проект кампании. Как начать, что упомянуть, какой довод привести.

– А мы будем исполнять, – добавила мама Тани. – По мере возможного.

Так мы и договорились, они будут действовать в щадящем режиме, узнают и вычислят, подготовят почву для моих размышлений и проекта беседы – далее сами исполнят.

– Надо было отказаться, между прочим, – резюмировал Виталик, дождавшись пассажиров на делянке у машины, хотя фура уже отъехала. – Просто сказать «нет».

– Ага, пробовали все вместе и по отдельности, – сформулировала я, усаживаясь на переднее сидение. – А воз и ныне там...

– Прости, ты права, – повинился Виталий, затем посулил, что сам он больше ни за что и никогда...

Дальнейшие события с дачным великолепием, к сожалению, не связались. Вскоре настала холодная и сыкатная осень, я проводила время на городской квартире, редакторскую работу привозили на дом, издательские курьеры сновали с рукописями туда и сюда.

Бумаг действительно было немало, некоторые авторши слезливых дамских романов требовали Катю Малышеву в любом состоянии и заверяли, что красочные переживания героинь полезны для будущего ребенка, в особенности, если это девочка. Им отвечали, что наоборот, ожидается мальчик, тогда милочка Инна Григорьевна Долинина заверила что ее письменность сделает мальчика джентльменом, просочившись в организм посредством осмоса. На самом деле мальчик не возражал, его вообще не интересовали литературные процессы, зато нравились натуральные соки, рыночный творог и музыка в ритме марша.

Однако с иными делами обстояло много хуже. Когда Татьяна, бывшая Мельник могла оторваться от своего мальчика и дочка Ева исправно посещала садик, а не болела дома, то мысли мамы устремлялись к изыскательскому процессу. Понятно, это было интереснее, чем детское питание и глажка фланелевых платиц для садика, чем Таня занималась много лет подряд. Мой опыт был недостаточен, но приходилось верить на слово.

И я оказалась в курсе, как Таня собирала по крупницам информацию к собеседованию с Ольгой Киреевской, затем искала самоё Ольгу всеми доступными способами. Через едва появившийся интернет включительно, а он работал отменно плохо и требовал помощи мужа Виталика.

Тем не менее постепенно отыскался музей минералогии, его основал и оборудовал профессор Киреевский, оказавшийся дедом искомой Ольги. Музей обосновался на далеком отшибе, но радовал посетителей интересной коллекцией минералов со всего мира, а в особенности из отдаленных точек бывшего Союза. Ко всему прочему у музея была слава не вполне ортодоксального заведения, покойный профессор вбросил в научную среду несколько завиральных идей, за которые страдал при жизни, но парочка-тройка стала впоследствии научной классикой.

Суть идей осталась вне нашего с Таней разума, зато потомки профессора, среди них старшая внучка Ольга, занялись научной памятью предка, тем более, что Ольга имела специализацию по части истории науки. Тут Татьяна Захарова-Мельник ее и отловила. Во всяком случае, выясняя связи и переплетения фамильных ветвей, обнаружила, что внучка профессора Киреевского и есть та Ольга, которую надлежало спасти от магических наговоров. Переход от науки к магии получился просто шикарный, не правда ли?

Далее не без трудов Татьяна обзавелась координатами Ольги, конкретно адресом и телефоном, далее выяснила, что Ольга Киреевская проживает по своему адресу вместе с мужем, но фамилии у них разные. Валька отчасти пожаловался, что именно он произвел эту часть работы с очень большой скидкой, девушка (то бишь Татьяна) привязалась, как репей и умоляла сделать одолжение, обещая взамен оставить Катю в покое.

– Еще одна шантажистка на мою голову, – пожаловался друг Валя. – Притом с двумя детьми, просто гильдия мамаш-попрошак у вас образовалась, сделай им работу задаром, иначе жизни не станет! Так оставила тебя в том самом покое?

– Ну как тебе сказать? – дипломатично уклонилась я.

– Тогда не приходи ко мне рыдать и плакать! – пригрозил Валентин, далее переключился на интересный предмет, а именно, когда он может ожидать появления крестника.

На этой магической процедуре он настаивал из вредности, и предлагал милые имена для крошки, в частности Анемподист, откуда только брал?

Татьяна тоже приняла участие в именном конкурсе, причем бессовестно пользовалась этим предложением, чтобы в очередной раз завести беседу о возможном подходе к Ольге Киреевской. Один случай запомнился, потому что имел интересные последствия. Получилось примерно так...

– Кстати сказать, Кирилл – очень приятное имя, модное, – толковала Таня. – Во всяком случае мне нравится.

– Ага, а вот Кирей – вообще нечто неожиданное, и не побоюсь этого слова – нетрадиционное, – отвечала я. – От него пошли Киреевские, тоже кстати. Но модным Кирилл был давным-давно. Если не ошибаюсь, то мужа Ольги зовут именно так. Кирилл Аврорский, хорошая фамилия, исключительно церковная. Поэтому она фамилию менять не стала.

– Не поняла, но рада, что ты помнишь подробности, – робко похвалила меня Татьяна, не зная, куда я могу вырулить в полете мысли.

– Элементарно, Ватсон! – радовалась я, хоть какие-то мысли имели место, кроме – Ольга Киреевская и Кирилл Аврорский – звучит интересно, а оба Аврорские – скучно, хотя и церковно.

– Почему церковно, я не поняла, – объяснилась тогда Татьяна. – Но знаешь что...

– Сейчас объясню, – поторопилась я (и чуть было не упустила главный момент в дальнейших событиях). – Когда человек вступал в церковную должность в прошлых веках, ему зачем-то меняли фамилию, скажем, Рождественский или Вознесенский, в честь соборов, либо на более благозвучную – это случай Аврорского. Монахам тоже меняли имя, скажем, был Иван, стал Анемподист.

– Ужас до чего сложно, но ты все знаешь назубок, – доложила Татьяна. – Но вот что я хотела сказать. Наша Ольга и Ольга Киреевская звали друг дружку по прозвищам, Кира и Слава. Потому что обе были Ольги, я видела записки, нашла тетрадки с конспектами на чердаке в ящике, там много чего осталось.

– Простенько, но со вкусом, – согласилась я, далее добавила рифму почти машинально. – Кира и Слава, звучит православно...

– Может быть, тебе привезти эти записи? – наконец Татьяна оформила запрос. – Мы до таких штучек и втроем не додумаемся.

– Только не весь ящик, – снисходительно отозвалась я. – Пару самых интересных бумаг будет в самый раз.

– Откуда я знаю, что тебе интересно? – воззвала Татьяна. – Они на конспектах писали.

– Ага, я возьму и стану читать конспекты по истории КПСС в туманной надежде, – это я задумалась вслух. – Бедный мальчик вырастет начётчиком, извини, не могу.

– Тогда я просто приеду посоветоваться, можно? – так заканчивался каждый пятый разговор.

И вот после месячной подготовки Татьяна бросила птенцов на маму с папой и приехала со своими конспектами. Чего там только ни нашлось, а главным номером программы крупным шрифтом были исполнены телефонные номера Ольги Киреевской, дома и на работе. И телефон музея имени профессора-дедушки на дальней окраине Москвы имел почетное место.

– Не буду тебя долго мучить, – посулила Татьяна. – Просто скажи, как начать разговор. Три варианта. Первый: «здравствуйте Ольга, я двоюродная сестра Ольги Славич, меня зовут Татьяна Захарова. Вся наша семья...» Или всю нашу семью? «Мы озабочены судьбой Ольги Славич. Могли бы вы нам помочь? Второй вариант: «Ольга Юрьевна, вы сделаете нам большое

одолжение. Я понимаю, что, может быть, вам не очень приятно вспоминать эту семью, особенно мать вашей подруги Ольги Славич, но прошло столько времени, им пора помириться...» Третий вариант, самый последний: «Ольга, может быть, вы помните, как обстояли дела, когда Ольга Славич ушла из дому? Если так, что не могли бы вы нам подсказать, куда она могла уехать?»

– Никуда не годится ни один вариант, – объяснила я без радости. – В лучшем случае повесит трубку, в худшем пошлет подальше, в крайнем скажет, что не знает.

– Почему? – спросила Ольга с обидой.

– По кочану! – лаконично ответила я, далее пояснила. – Поверь специалисту.

– Я верю, – отозвалась Татьяна. – А что делать?

– Дать бумаги на просмотр и поставить чай, – ответила я отрешенно. – Попьем чайку, и всё сделаем, извини, я была не очень вежлива.

Татьяна обрадовалась, соорудила чайную церемонию с печеньем, она принесла гостинец. Я пила хорошо заваренный напиток и знакомилась с документацией вприкуску. Танечка отлично поняла намеки и сделала отличную работу, в конспектах оказались закладки, на них Таня аккуратно скопировала переписку девушек, даже пометила поименно, где писала Кира, а где Слава, просто браво!

Проникшись духом, а не буквой диалогов на конспектах, я получила мощный порыв вдохновения, произвела экспресс-обработку текстов и смело набрала первый же номер Ольги Киреевской. Удача была со мной.

– Ольга Юрьевна, у меня сейчас сидит сестра Ольги Славич, – начала я, едва успев представиться сотрудницей агентства «Аргус» (пусть Отче Валя меня простит). – Вы, наверное, её помните, встречали на даче, её фамилия Захарова, в девичестве Мельник. Последние месяцы их семья безуспешно пытается связаться с Ольгой, у её матери возникли проблемы. По другим каналам мы Ольгу отыскать не можем, но вы могли знать, за кого Ольга вышла замуж, и куда она отправилась, если уехала из Москвы. Не будете ли вы так добры побеседовать с её сестрой, не в розыск же пропавших нам обращаться?

Ответом мне было долгое и мучительное молчание, Татьяна успела прийти в картинное отчаянье и делала знаки, что мол, все пропало, сейчас повесит трубку – и с концами.

– Я могу приехать сейчас, – после бесконечной паузы проговорила трубка иным тембром голоса, на октаву ниже. – Диктуйте адрес вашего заведения, я на машине.

– Я вовсе не настаиваю, – я даже запнулась от неожиданного успеха предприятия. – Можно назначить встречу...

– Мне удобнее сейчас, – перебила Ольга Киреевская. – Потом время ограничено.

– Дело в том, что Татьяна Мельник не в офисе, а у меня дома, – я слегка засуетилась, отчаянно не желая получить «сеанс разоблачений» на дому.

– Тем лучше, – лаконично отозвалась Ольга. – Закроем проблему здесь и сейчас. Судя по номеру вы живете...

– Отлично, пишите адрес, – согласилась я, а куда было деваться, принцип был изложен четко: сейчас или никогда, один-ноль в пользу Ольги Киреевской.

Пока собеседница ехала по осеннему дождю сквозь транспортные потоки, Татьяна то приносила благодарность за успешное содействие, то впадала в панику последнего разбора, говорила, что сейчас уедет домой или спрячется в ванной комнате.

Немедленное свидание с Ольгой Киреевской отчего-то наводило на неё ужас, хотя именно к тому она стремилась последний месяц. Я сама пребывала в ошеломлении, не совсем понимая, как это у меня вышло, точнее, что я такого сказала, чтобы взрослая дама помчалась сломя голову беседовать с сестрой давно позабытой подруги студенческих лет. Если они расстались не в лучших отношениях, то что мешало сказать: «Кто такая Ольга Славич, не помню, какая сестра, какая дача? И вообще это было давно и неправда...»

В общем и целом ситуация разворачивалась по канонам мусорной литературы, я бы оценила, будучи в ином положении. А в настоящем интересном только тупо недоумевала, и надеялась, что Татьяна возьмет себя в руки и обойдется своими силами.

– Главные вопросы я уже задала, – толковала я бедной Тане. – Ты только не пропусти, добейся четкого ответа. С кем и куда уехала твоя Ольга, или намеревалась. Все прочее – литература! При том очень плохая, последнего сорта.

Однако деловые соображения бедную Таню не трогали, перспектива близкого свидания с Ольгой Киреевской тревожила её без меры и резона, я сжалась и опробовала отвлекающий маневр.

– А ты хорошо ее помнишь, эту Ольгу? – спросила я в целях провокации и дальнейшей терапии. – Мне она показалась по разговору...

– Не говори, – Татьяна отлично повелась в нужную сторону и стала излагать скрытую проблему, не подозревая, что с нею ведется работа. – Она меня всегда нервировала. Понимаешь ли... До нее, вернее, пока не поступила в институт, Оля была очень замкнутая серьезная девочка, всегда с книгой, как правило очень толстой, на дачу ей возили книги из дому. Других занятий она не признавала. Представь себе, сидит девочка в беседке в разгар лета и читает кирпич синего цвета. «Мистер Блетсоурси на острове Ремполь» – ты когда-нибудь слыхала что-нибудь подобное? Понятно, что нет!

– Действительно, не припоминаю ничего даже отдаленно подобного, – созналась я. – Но откуда такие изыски?

– И виновата тетя Маруся, – продолжала Таня. – Она внушила Ольге, что та не блещет по части внешности, на самом деле водила ее плохо одетой и жутко причесанной, потом сама вечно критиковала. Ну представь себе, у девочки зализанные волосы, косица на макушке, рот сжат, глаз не видно из-за нависших бровей, вид ужасный. Понятно, оставались одни книги для утешения. Мама однажды вмешалась, посоветовала Марусе приодеть девочку, и сменить ей прическу, а та просто ни в какую! Я слышала, как она заявляла: «темные волосы надо причесывать гладко, никакой косметики до 18 лет, короткие юбки и брюки девочке не положены, она не сформировалась. А что проводит время за книгами – то ее счастье, лучше, чем бегать в Бог знает каком обществе. Это с намеком на меня, между прочим.

– А потом? – я вступила с наводящим вопросом, другая Ольга всё не ехала, а Татьяна отлично отвлеклась.

– Ну, я о том же, – пояснила Татьяна. – И вот следующим летом Ольга поступила в архивный институт, нас пригласили праздновать, выпили наливки, и я поняла, что Ольга может быть хорошенькой, мама права. Но не задумалась, так промелькнуло. Потом они всем первым курсом поехали на картошку, потом в сентябре я увидела Ольгу на даче и просто ее не узнала. Волосы она подстригла, брови выщипала вполовину, глаза блестят, улыбка во все зубы. Они у нее вообще-то великоваты, хотя и очень хорошие, тетя Маруся всегда указывала: спрячь зубы. Ольга поэтому стеснялась, старалась поменьше улыбаться и говорила со сжатым ртом. А тут она выкрасила губы польской помадой, и зубы встали на место – как у киноактрисы! Приехала в джинсах, в свитере в обтяжку, смотрелась по-другому, держалась очень уверенно. Её отец обратил внимание, мол, смотрите, дочка из колхоза приехала, а как из Голливуда! Ольга созналась, что подружка посоветовала и постаралась, брови ей выщипала, косу остригла и дала поносить джинсы. «Не всегда же мне ходить Золушкой-замарашкой» – объяснила высокомерно, и тетя Маруся очень была обижена. Все старания пошли насмарку, «девчонка отбилась от рук раз и навсегда» – говорила всю дорогу. Следующим летом, если Ольга бывала на даче, то с другой Ольгой, они наезжали, потом срывались с места, а на нас – ноль внимания, будто никого не было. Вот помнишь, когда мы за курткой ходили, они вдвоем сидели за столом, что-то резали и клеили, вроде стенгазеты и страшно веселились. А когда ты ушла в этой куртке, за ними машина приехала. Жигули «белая ночь». Они бежали через дорогу, бумагу свернули в трубку

и смеялись обе, как безумные, пока садились. За рулем, я разглядела, парень сидел, немного старше их, красивый и наглый, тоже смеялся.

Глава вторая

1

Не успела я прояснить загадочный мемуар Татьяны насчет стенгазеты, машины цвета «белая ночь» и наглого парня за рулем (что было заманчиво в плане трэш-детектива), как раздался звонок в дверь. Следовало думать, что приехала Ольга Киреевская, никого другого не ждали.

Татьяна пошла открывать, поскольку я основательно сидела в кресле и предпочитала не бегать. К тому же визитерша приехала к Тане, а я присутствовала по должности. Через пару минут, расставшись с зонтом и верхней одеждой, заодно установив, кто есть кто, Ольга Киреевская появилась в комнате.

Девушкой она оказалась видной и статной, светлая коса вольно лежала на плечах как горжетка, яркие серо-зеленые глаза оттенялись сообразной косметикой, костюм был серым, а блузка – яркого изумрудного цвета. Однако с приятным, правильным лицом визитерши наблюдались проблемы. Лицо было не просто закрытым, оно казалось захлопнутым намертво, как морская раковина.

В целом создавалось впечатление, что Ольга Киреевская пришла к зубному врачу, потому что очень больно, но предпочитала быть в другом месте. И, увы, дантистом ощущала себя я, хотя сидела в кресле, а Татьяна взяла на себя роль медсестры, привела, усадила пациентку на диван и предложила чаю. И вот, пока Таня хлопотала на кухне, Ольга начала беседу крайне осторожно, однако, не дожидаясь вопроса о самочувствии.

– Понимаете, я подумала, что следует прояснить вопрос раз и навсегда, – начала она. – Да, признаю, что Ольга ушла из дому при моем содействии, она жила у нас на зимней даче, точнее, они жили вдвоем, но родители не знали. И когда ее мать обвиняла моих родителей, она ошибалась, хотя имела право знать, где Ольга. А мы скрывали. Понимаете, сложилась непростая ситуация. Ольга с мальчиком хотели жениться, а обе матери были резко против. Тоже понятно, ей было девятнадцать, а ему и того меньше. И я пустила их на дачу, чтобы как-то разрядить атмосферу, Ольга надеялась, что кто-нибудь уступит. Но не получилось, тогда они уехали к его отцу. Уехали внезапно, собрались в один день, ничего мне не сказали. Понимаете, после того, как мать Ольги позвонила и устроила сцену, мои родители догадались, где беглецы, и попросили уладить вопрос. Я сказала Ольге, что дальше жить на даче невозможно, вроде кто-то туда приезжает в отпуск, она поняла намек и очень обиделась.

– Да, непростая ситуация, – сказала я, чтобы Таня могла задать свои вопросы, она как раз вернулась с чайным подносом. – Тем не менее...

– Но Ольга не вышла замуж, – объявила Татьяна. – Мы заплатили фирме хорошие деньги, но узнали, что никакого брака Ольга Славич не заключала, и осталась прописанной на прежнем месте.

– Не знаю, они вроде подавали документы, – почти без выражения ответила Ольга Киреевская. – Где – не помню. А его отец работал на атомной станции в Ленобласти, ближе к границе с Карелией.

– На самом деле мы хотели узнать, – вступила я, поняв, что реальной помощи от Тани не дожидаться. – Как мальчика звали, по имени и фамилии, где учился, где жил, чем полнее информация, тем лучше.

– Этого я просто не знаю, – ответила Ольга. – Звали Сергеем, фамилия очень простая, точно не запомнила, дома у него не бывала, если был записан телефон, то давно потерялся.

– Значит ваш совет будет такой, – резюмировала я. – Найти город в Ленобласти, где есть атомная электростанция, и поискать в местных архивах, с кем был заключен брак, не так ли?

– Скорее всего, – с неохотой согласилась Ольга. – Да, я вспомнила деталь. На самом деле парня сначала звали Келью, это финское имя, и у отца должна быть финская фамилия. Что-то вроде Китааска, Кавикасо, точно не помню. Он говорил, что сменил имя и взял фамилию матери в шестнадцать лет, когда получал паспорт. Что родители давно расстались, а ему было некомфортно. Это для вас существенно?

– Если это всё, то не очень, – ответила я, но продолжить не успела, потому что зазвонил телефон, мы с Таней оставили его в прихожей.

Татьяна сбегала, принесла трубку, оказалось, что мама решила справиться о моем самочувствии. Я извинилась, встала с кресла и пошла на кухню, чтобы успокоить Марию Феликсовну, к тому же побыстрее ее спровадить. Разговор с Ольгой начинал быть занятым, она что-то скрывала и принесла неважно сочиненную историю.

Прodelала я все на диво быстро, но возвращаясь, встретила Ольгу в прихожей, она торопливо одевалась, лицо у нее было «опрокинутое», как отметил Ф.М. Достоевский в известном романе «Идиот».

– Что случилось? – спросила я в недоумении.

– Да, нет, мне пора, – невнятно пробормотала Ольга. – В другое место, по работе, срочно...

– Тогда, если можно, постарайтесь вспомнить финскую фамилию, – попросила я, и вынула конторскую карточку из кармана висевшего рядом пальто, хорошо, что имелся запас. – И позвоните мне сюда или в «Аргус». Хорошо?

– Да, да, конечно, разумеется – сказала Ольга неубедительно и через мгновение закрыла за собой дверь.

– Ну и что произошло? – поинтересовалась я у Татьяны. – С какой радости клиентка вскинулась и сбежала? Ты ей никак тетю Марусю посулила? Если не вспомнит, что нам надо. С мистическими подробностями... Или как?

– Не надо демонизировать Марусю, – ответила Татьяна, явно с голоса мамы. – И вообще, на самом деле даже эта Ольга признала, что у Маруси были причины нервничать, и наша Ольга собралась замуж не совсем, чтобы... Так что склочный характер одно, а...

– Таня, вороненок мой черненький, я вовсе не о том, – профессия включилась сама по себе и гнала на тропу выяснения. – Бог с нею, с Марусей, она может быть во всем права, но отчего Ольга выскочила, как ошпаренная? Какой был разговор, когда я ушла?

– Да вовсе никакого, – неохотно призналась Татьяна, ей было неудобно, что упустила клиентку. – Она сидела, чай не пила, размышляла. А когда ты встала и пошла, у нее вдруг глаза открылись, стали, как блюда, и чашку на стол поставила, звякнуло всё... Можно подумать, что она сильно беременных никогда не видела, извини за подробность. И тут же поднялась, ничего не сказала. Я подумала, что она пошла за тобой. Может, она что-то вспомнила... А потом ты пришла и сказала, что она ушла с концами. Я сразу заметила, что ей со мной неловко, наверное, напоминала Ольку, мы все похожи.

– Понятно, мерси, и пардон, что наехала, – повинилась я. – Я не думаю, что мой вид её ошарашил, напротив, она сообразила, что сказала что-то лишнее, и кинулась прочь, чтобы я не докопалась, невзирая на интересное положение. История у данной Ольги недостоверная, это точно.

– Ты думаешь? – удивилась Татьяна. – Вроде всё сходится, и мы слышали от Маруси то же самое. Наоборот, она помогла, город назвала, куда они могли уехать, подсказала финское имя и фамилию, чтобы легче искать. Не так?

– Ты, Вороненок, наивна до святости, – почти радостно заявила я, войдя в роль Отче Вали. – Ну подумай! Девица Киреевская так сразу все бросила и примчалась, сломя голову,

чтобы обронить из клюва мелкую информацию, а потом загадочно умчалась, не говоря ни слова. Даже чаю не выпила. С чего бы это?

– Не знаю, тебе виднее, – проговорила Татьяна, не убежденная моими доводами. – Может, у нее проблемы с деторождением. На этой почве психологическая травма, а ты тут во всей красе и вопросы задаешь, ей стало обидно.

– И это не исключено, – согласилась я. – Может статья, убежала она из-за меня, но отчего прибежала так срочно? Очень подозрительно. И как удобно отправить нас искать неверных Кавитасков на просторах Ленобласти, а?

– Странное у тебя занятие, – обдумав мои доводы, признала Татьяна. – Во всем ищешь тайные причины и замыслы. А я поверила, зачем ей придумывать? Пришла и сказала, что знала, даже призналась, почему Ольга обиделась и уехала, не прощаясь. По-моему, всё почестному.

– Танечка, душа моя! – ответила я. – Мне тоже так гораздо удобнее, поверь. Тогда иди к Валентину в «Аргус», заказывай искать своих Кавитасков, он добрый, много не возьмет. И я выброшу из головы странный приход и уход Ольги Киреевской. Так все люди и работают, мерси за разрешение.

– И тебе большое спасибо на самом деле, – ответила Татьяна. – Без тебя не видала бы я Ольгу, как своих ушей. Ты её знатно высвистела, это надо признать. Особенно розыск пропавших, я чуть в обморок не упала, будто, ты её в чем-то подозреваешь!

– Ладно, что уж там, – я сделала вид, что скромно принимаю комплимент, и не стала растолковывать, что будь Ольга Киреевская без секрета, то не примчалась бы на свист. – Работа такая, хотя я вроде в декрете уже. В издательстве и денег дать обещали.

– И когда? – Татьяна мигом переключилась на более интересный предмет.

– Деньги или мальчик? – уточнила я.

– Какие это деньги, – отмахнулась Татьяна. – Мне дали на пол-сосиски и обещали держать место, хотя кому оно надо? Мальчик когда?

– Минимум ноябрь, максимум декабрь, – охотно объяснила я. – Уверенности у них нету, но какая мне разница? Разве что мухлюют с декретом. Подруга Верочка говорила, что раньше они просто стояли насмерть, чтобы лишнего не платить. А теперь зачем?

– Бог знает, разве их поймешь? – ответила Татьяна. – Значит, мальчик будет зимний?

На этой загадочной ноте мы с Татьяной расстались и в этот вечер ни о каких Ольгах я не вспоминала, до самой ночи.

2

Татьяна ушла засветло, хотя серый день давно погас, зато длились пасмурные сумерки. Тане надо было забрать дочку Еву из детского сада и отпустить предков, они развлекали тем временем мелкого Николеньку. Я осталась одна и расслабилась после бурно прошедшего полудня. На самом деле я даже вздремнула на диване и очнулась вечером, на улице вовсю горел золотистый фонарь, однако рассеянный свет не достигал моего окна. В уютной полумгле я вспомнила, что Миша ничего не сказал о времени возвращения, у него обыкновенно находилось много дел, он желал их завершить до переезда на мою площадь. К тому же супруг пользовался последними неделями владения мастерской, подвал, где он раньше жил и работал, переходил в другие руки и подлежал реконструкции. Ну и, понятное дело, там шла гулянка на прощание и все такое прочее.

Поэтому, после пробуждения и разговора с мамой я пошла на кухню, приготовила диетический ужин с витаминами, поела, посмотрела в кухонное окно, выходящее на двор, полюбовалась возникшими во тьме окнами и неспешно вернулась в комнату, к торшеру, книге и телевизору. По дороге обнаружила, что Миша забыл ключи в прихожей на крючке, такое происходило

буквально через раз. «Значит, придется ему открыть» – лениво размышляла я, устраиваясь на кресле, а не на диване. – «Лучше не дремать, иначе он всех соседей разбудит перезвоном».

Книгу я взяла не помню какую, но корабль плыл по далеким морям навстречу дивным приключениям (значит, это была серия «Однажды» для младшего и среднего школьного возраста). Большой запас продукции издательства «Факел» хранился на задних рядах книжных полок, и в последнее время я вошла во вкус неприятных приключений на суше и на море. Иная литература, увы, на расслабленный ум не шла.

И вот, почти без отрыва от дальних морей и коловращений бизань-мачты в час бури, я услышала, как мимо окон проехала машина, затормозила, но не встала, а перекатом зашла во двор, к другому входу в подъезд. Таким образом обычно возвращался Миша, он брал тачку и просил заехать во двор, чтобы не хлопать дверями под окнами, в особенности если дело происходило поздно ночью.

Машинально я глянула на часы, обнаружила, что час всего лишь десятый, подивилась, но пошла открывать дверь, не дожидаясь, пока Миша обнаружит, что ключей у него нет. Процесс мог занять долгое время и вызвать громкое недоумение, обычно проявляемое в резких выражениях, способных покоробить чувства соседей по лестничной клетке.

Я исправно откинула цепочку, дождалась звуков лифта, поднявшегося до третьего этажа и со стуком ставшего на место. После чего отомкнула замок, но не стала уходить из коридора, это могло показаться упреком, а я никаких претензий к Мише не имела, скорее напротив. Он всемерно заботился о том, чтобы мой покой не нарушался, и совместное проживание не создавало лишних трудностей.

Оставаясь в прихожей, я отвернулась от двери и стала критически изучать отражение в большом зеркале, оно отнюдь не утешало. Не успела я подумать синхронно, что вид мой не радует глаз, и что Миша замешкался с открытием дверей, наверняка он услышал, как звякает замок... В тот миг, как я не поспела мыслью, входная дверь отворилась медленно и как бы нерешительно. В зеркальном отражении (я тупо продолжала глядеть туда) возникла фигура, привычно занявшая дверной проем. Но это был отнюдь не Миша!

Рост и габариты почти совпадали, но если Миша был пришельцем из тьмы (фигурально, разумеется), то данное видение пришло из иных разделов мифологии. Волнистые льняные волосы образовали нимб в тусклом свете под лампой, того же цвета борода занимала добрую половину лица, в промежутке выявились голубые глаза, а в бороде проглядывали яркие губы, сложенные в формальную улыбку. Увидев мое изумленное отражение в дурацком зеркале, визитер сделал примирительный жест руками и произнес приветствие.

– Добрый день, хотя он ранний вечер! Извините, вы открыли, я вошел, – объяснился он сочным баритоном, следует отметить, мужик был хорош собой до противности. – Надо думать, вы ждали кого-то другого.

– Здравствуй дедушка Мороз, борода из ваты! – я сформулировала впечатление, не погнушавшись присловьем из отрочества, так высказалось удивление.

– Ты подарки нам принес, педераст лохматый? – гость подхватил нить разговора, процитировал текст, который я успела забыть, далее приступил к формальным представлениям. – Вообще-то я – Кирилл Аврорский, муж Ольги, её вы видели накануне. Если я вас испугал...

– Ни в коем разе, просто удивили, – я наконец отвернулась от зеркала, и оказалась с гостем лицом к лицу. – Что меня зовут Екатерина Малышева, вы, надо полагать, усвоили хорошо.

– Но я бы не хотел навязываться, – не успокаивался Кирилл Аврорский. – Если вы ждете мужа, это скорее всего, то я могу погулять по двору и вернуться, когда он придет. Если вам так будет удобнее.

Он не добавил «в вашем положении», тем не менее подразумевал, весьма вежливый оказался пришелец, только слишком их было густо в тот конкретный вечер. Киреевские-Аврорские пошли просто косяком!

– Тогда вы будете гулять долго, пока не устанете, – я наконец перестала жевать иные соображения и приступила к делу. – Мой муж – художник, со всеми вытекающими последствиями, не исключено, что он придет заполночь и захочет написать ваш портрет. С ним бывает после дружеской пирушки. Лучше проходите и излагайте, раз пришли так романтично. Но чаю и прочей закуски, увы, не обещаю.

– Отлично, если вас устроит такая романтика, то я у вашим услугам, – проговорил Кирилл Аврорский, проходя в комнату. – Другая девушка ушла? Сестра...

– Если бы знала, что увидит вас, то осталась бы, презрев семейные обязанности, – доложила я. – Хотите, я позову, муж её срочно привезет.

– Лучше не надо, – гость слегка сбился с таинственного тона. – Это я для порядка спросил, разговаривать пришел именно с вами. Потом надо будет отсортировать информацию для семьи.

– Я польщена, – вежливо ответила я. – Давайте приступим. Для начала объясните, отчего такая срочность. Ваша Ольга приехала, не задумываясь, правда, потом убежала, не прощаясь, теперь вы в поздний час поспешили с визитом. Я заинтригована донельзя, хотя до того относилась к вашим делам прохладно. Сами видите, мне слегка не до работы. Но раз так получилось...

– Прошу извинений в очередной раз, – отозвался Кирилл Аврорский. – На самом деле я пришел рассказать, отчего смутилась Ольга, и почему прибежала сразу. Все одно к одному. Она пришла домой в слезах, потом рассказала, как была у вас и наверняка оставила странное впечатление. К тому же просила извиниться.

– Это охотно, – заверила я. – Но не тяните, не то явится живописец Званский, и тогда – пиши пропало, будете позировать до утра. В роли раннего деда Мороза.

Надо признать, что вежливость меня покинула, потому что преамбулы внезапно надоели. К тому же внезапность рассеялась, мальчик расслабился и стал лениво поигрывать ножками, пришло время для посиделок с побасенками, а игры в угадку отнюдь не манили.

– А живописец не опешит, увидев жену в обществе незнакомца в поздний час? – поинтересовался гость Аврорский, по всей видимости ожидаемый приход мужа его слегка нервировал. – Мне бы не хотелось...

– О да, – почти обрадовалась я, мысли перескочили на знакомый предмет, а именно на литературу массового жанра. – Жена на сносях и зловещий баронет шепчется с нею в пустой ризнице в полночь! «Женщина в белом», помните, чемпион советского макулатурного проекта? А муж-причетник подумал совсем не то и очень обиделся.

– Однако вы неплохо знаете предмет, надо думать, профессия обязывает, – подивился Кирилл Аврорский. – Сразу распределили роли.

– Ага, по образованию я театральный критик, а по первой профессии – редактор прозы, – охотно поделилась я. – Отсюда ассоциация, извините, бога ради, за навязанную роль коварного баронета Персиваля Глайда. Итак...

– Все далеко не так зловеще, хотя достаточно сложно, – Кирилл Аврорский начал свою побасенку, слегка сбившись, я его отчасти смутила, что было правильно, мнимый баронет понял, что дешевый товар здесь не возьмут. – Вы, наверное, поняли, что Ольга не изжила вины перед подругой, её очень задело, что та уехала, не прощаясь. А последней каплей стало то, что она узнала от вас... Что та Ольга не появилась за эти годы и никому не дала о себе знать. Это могло означать, что ей пришлось очень плохо, по крайней мере Ольга подумала именно так.

– Если бы все сложилось хорошо, то Ольга Славич могла всех великодушно простить? – догадалась я. – Невзирая на мнимость обиды.

– Примерно так, – согласился Кирилл Аврорский. – Во всяком случае моя жена полагала, что подруга не придет плакаться к обидчикам и винить их, не тот характер.

– Но если она решила начать жизнь заново и оставить прошлое в прошлом, – я невольно предалась ненужным размышлениям. – Тогда...

– На самом деле, это не важно, – заторопился гость. – Важно, что подумала Ольга. А она пришла в волнение и не справилась с ним, вот что главное. Она думала всё это время, что подруга не простила только её, а с семьей поддерживает отношения. Но оказалось, что нет, приходится искать при помощи фирмы.

– А фирма стала задавать вопросы, – я поддержала тему, не спрашивая, а утверждая.

– Понимаете, Ольга начала волноваться сразу, как вы позвонили, – гость Аврорский стал объясняться. – И с каждой минутой всё больше. Она призналась, что нереальность домашней обстановки и женщина-детектив в положении – это её просто добило, получилось, как в дурном сне. Особенно, что ей пришлось признать вину, как у психотерапевта – не хотела, а само вышло. К тому же младшая сестра, отчасти похожая на ту Ольгу – действительно, вышло, как в кошмаре. Она не справилась.

– Если позволите резюмировать, то вы хотите сказать, – доложила я после паузы. – Что ваша Ольга чувствовала вину, а когда поняла, что с подругой вышло не слишком хорошо, почувствовала резко и не справилась с собой. Ко всему прочему добавились факторы, которые совсем сбили её с толку. Так?

– Примерно, – согласился гость Аврорский.

– Я, правда не уловила, чтобы она сильно волновалась поначалу, – заметила я, потом сменила тему. – Кстати, она сообщила кое-что интересное о женихе той Ольги, жаль, что знала немного. Сестра осталась довольна, и никто никого не винил.

– Но вы мне не верите, – заметил Кирилл Аврорский. – Думаете, что...

– Потому что вы приехали вслед и поспешили с объяснениями, – я признала очевидное.

– Вы правы, я приехал не за тем, – в свою очередь признался гость. – Ольга никогда не скажет, знаем только мы с нею, но эта парочка украла с дачи вещь большой ценности. Мы никуда не обращались, придумали объяснение, не искали ни его, ни её. Ольга не хотела ни в коем случае. Боялась, что пропажа может всплыть в процессе поисков. Тогда мы очень не хотели, чтобы кто-нибудь знал и занимался. Из-за этого вышли большие неприятности. Ольга и сейчас не знает, что я буду сознаваться.

– Да, поистине тайна, как в пустой ризнице, – признала я. – Отлично. Вы мне расскажете?

– В общих чертах, если разрешите, потому что предыстория очень длинная, – посулил Кирилл Аврорский. – Видите ли, на той зимней даче, где временно поселилась та Ольга и её, с позволения сказать, жених... Там на верхнем этаже хранились коллекции, собранные дедом Ольги, профессором минералогии Киреевским. Потом это стало основой музея, а тогда...

– Музей и поныне там? На бывшей даче? – я встряла с ненужным вопросом.

– Именно. Вы хорошо подготовились, кстати, – подтвердил Аврорский, затем продолжил с того же места. – А тогда на верхнем этаже, в практически нежилом помещении... Ну как бы объяснить короче... Ладно. Главный минералогический музей МГУ в свое время вернул деду Ольги часть экспонатов, и отвергнутая коллекция хранилась у него на казенной даче как бы за недоказанностью – с научной точки зрения. Так сложились обстоятельства, а если короче, там были минералы большой ценности, но с недостоверной историей. То есть их приобретение осталось невыясненным. И подлинность тоже, в главном музее сочли, что это не совсем достойные экспонаты. Хотя они были в запасниках много лет без сомнения, но потом коллекции бесславно вернули, и все о них забыли. Однако в семье история пересказывалась, Ольга отлично знала, о чем шла речь, и даже показывала подружке и парню. Камни, то есть. В особенности самый интересный. Он хранился вместе с другими, не такими ценными, из тех же шурфов, но выделялся. Даже имел название «Потерянная заря», потому что много лет пребы-

вал в неизвестности, его обнаружил и отдал в музей дед Ольги, а нашел его научный руководитель. Но это не важно. Довольно крупный камешек розово-желтый, поэтому такое название. Дед Ольги утверждал вслед за учителем, что это уникальный природный алмаз, найденный в кимберлитовых трубках в Восточной Сибири, там были и другие, поменьше. А в музее МГУ провели анализ и не согласились, говорят, что из конъюктурных соображений. И вот, когда парочка скрылась с горизонта, не сразу обнаружилось, что «Заря» исчезла вместе с ними. Кто взял, когда и как – осталось тайной. Не исключаю даже, что не они. Дача открывалась гвоздем, истопник-студент Алик учился в «Керосинке» имени Губкина, то бишь не был чужд наукам. Но его-то я расспросил, как следует.

– Нельзя ли обойтись без истопника? – попросила я. – Не то можно запутаться.

– Ладно, считаем, что истопник в этой истории лишний, – согласился рассказчик. – И без него полна коробочка. Так вот моя Ольга не хотела признавать, что подружка присвоила ценный экспонат. Тем более, что Ольга сама показала камень и рассказала историю, понятно, что вышло глупо и обидно. И когда камня хватились через несколько лет, она сочинила апокриф, куда камень делся во второй раз, приплела покойного деда Киреевского. Вроде того, что он велел вернуть на место... В семье был страшный раздор, я не советовал, но она стояла на своем. И подругу выдавать не хотела. Полный тупик.

– И теперь что? – осведомилась я со всей возможной невинностью. – Камень объявился?

– Да нет, вы ничего не поняли! – почти рассердился гость. – Я для того вам говорю, чтобы вы поняли, насколько это сложно. Во всяком случае для Ольги. Все, что связано с исчезновением подруги, для неё – большой вопрос, много чего наложилось.

– Ага, более-менее поняла, – сказала я неискренне, Кирилл Аврорский меня не убедил, хотя очень старался. – Теперь, если мы найдем Ольгу Славич, то надо спросить о судьбе «Потерянной зари». Не загнала ли она камешек по дешевке, так следует понимать?

– Если и загнала, то не скажет, – ответил гость. – Нет никаких доказательств. Но если отыщете этого жениха, то у него можно спросить, или я спрошу конкретно!

– Как у истопника? – поинтересовалась я.

– Истопника мы уговорились оставить, – с досадой напомнил Аврорский. – Хотя мыслите вы в русле... Я бы не возражал побеседовать. Для этого, кстати, и пришел к вам, невзирая на неловкость. Если с этим «женихом» у вас получится, то дайте мне знать. Но ради Бога, не трогайте камень, то есть не упоминайте. Вы ничего не знаете, договорились?

– Понятно, тогда договоримся так, – отчасти согласилась я. – Если жених найдется, то мы спросим о невесте, а вам сообщим координаты. Идет?

– Вполне, – согласился Аврорский охотно. – Но ни слова Ольге.

– Отлично, однако у меня имеется довесок, прямо сейчас, – добавила я. – Сами видите, искать жениха придется сложно, мне не под силу, и время поджимает. Поэтому если вы будете так любезны и сообщите свою информацию, будет очень полезно. Ольга указала базовые сведения, а мы бы поработали с художественным образом. Все, что вы знаете и помните.

– Однако же, – возразил Кирилл Аврорский. – Во-первых, я сильно предубежден, во вторых, конкретно мало что знаю. Ни фамилии, ни имени, ни места жительства, ни предмета обучения.

– Расскажите, что помните, – поманила я, сама не знаю зачем, работала, как полная дурочка на автомате. – Чем нелицеприятнее, тем лучше. Эмоции вызывают четкие воспоминания. А вам зачтется, я буду копать с охотой, если вы меня заинтересуете. На самом деле мне в ближайшее время делать особенно нечего, я стану искать фигуранта, как книжку читать. Примерно, как в «белой женщине» копали тайну зловещего баронета, правда угробили беднягу в процессе, опять же в ризнице, правда, в другой.

– Однако, – повторился Кирилл Аврорский. – Память у вас на детективы – просто оторви да брось! Сами не сочиняете?

– Вот нароем вашего жениха с камнем, то – пожалуй что, – похвасталась я. – Какой дивный материал! Сбежавшая парочка, пропавшая невеста, украденный камень, потерявшийся жених-грабитель и благородные пострадавшие. Не искушайте, право слово!

– Ладно, если вы так мыслите, то Бога ради, – согласился Кирилл Аврорский. – Поработаю у вас Шахерезадой, пока не явится ваш благоверный живописец и не спустит меня с лестницы. То бишь с ризницы. Но предупреждаю, я буду сопротивляться.

– Не возражаю, – ответила я. – Живописец в тех же габаритах, не стесняйтесь.

– Тогда вот вам мемуаразмы, как писали во дни юности в «Литературке», – предпослал гость. – Мемуар номер один, мой день рождения у Ольги на дому. Там он и появился, как черт из коробочки.

3

Мемуар от Аврорского (дословно)

...Под конец того лета решили отметить мой день рождения у Ольги, на московской квартире. Её предки возились на даче, где теперь музей, они боялись, что дача уплывет. Она была казенная, дедова, ему дали для работы давным-давно, тогда была почти не Москва, коттеджный поселок от Академии наук. Бабка с дедом жили там круглый год до последнего, а семья Ольги – в московской квартире. Но бабка с дедом почти в одночасье померли, с разрывом в полгода, коттедж должен был вернуться в хозяйство, но родители Ольги затеяли организацию музея с тем, чтобы дом остался в семье, как бы в аренде, думали, ничего не выйдет, тем не менее... Ладно, не важно, потом дом приватизировался, как миленький, далее арендовался в музей с хорошими деньгами, опять не важно. Но предки тем летом застряли надолго, приводили в порядок, все, что можно, Ольга туда не ездила.

У нас подобралась хорошая компания, и барышни затеяли праздник в мою честь, с костюмированным балом. Пять человек вместе с именинником, стол, маскарад, веселье до утра. Две Ольги, их подружка с факультета и её брат-близнец, вундеркинд и феномен, учился на мехмате, потом занялся чем-то совсем непостижимым. В те времена ребятки все были в детском возрасте кроме именинника. Мне исполнялось двадцать три, собирался на последний курс, МГУ, химфак, потом намечалась аспирантура, это между делом. Дружил я со всеми, планы имел на свою Ольку, очень серьезно, но виду не подавал. Девицы были хорошенькие, неглупые и веселые, парень серьезный, мне не конкурент, барышни его считали за подружку. В целом – приятная компания.

Весь день обе Ольги клеили мой парадный портрет с поздравлением, у второй Ольги на даче, к вечеру я за ними подъехал. Был тогда при машине, предки давали, водил лучше отца. По дороге хлынул дождь, обе прибежали мокрые, портрет свернули трубкой, хохотали во все горло, так мы до города и доехали. Вошли в дом, и вдруг оказалось, что остальные гости сейчас придут, а у нас незадача, пары бутылок не хватает. Девицы и мальчик спирт не употребляли, им требовалось сухое. Олька успела одеться в маскарадный костюм на тему «тоска по детству», с дачи привезли платье из белого батиста, короткое, широкое, без размера. Я предложил сгонять на вокзал, потому что всё закрылось, но Олька сказала, чтобы делали стол, а она сбегает в кафе-мороженое за углом, там продадут «Старый замок» по знакомству. Дождь прошел, было тепло, она так в распашонке и побежала. Мы с другой Ольгой пошумели, но с хозяйкой не поспоришь, занялись делом, меня обрядили дедом Морозом, как вы верно угадали.

Вернулась Олька не одна, бутылки нес незнакомый парень, она сказала, что подобрала малютку на улице, он «посинел и весь дрожал», зовут Сергеем. Поэтому мы его пригреем и пригласим праздновать, нет ли возражений? Вскорости подъехали на такси Любочка с Вадиком, принесли охапку цветов и пару бутылок, могли бы не беспокоиться. Кстати, оба одеты

на славу, представляли лису Алису и кота Базилио с переменной пола, а моя Олька оказалась Дюймовочкой. Другая Ольга тоже оделась кем-то смешно: желтые штаны со шлейками и клетчатая рубаша. Один незванный гость был в чем есть, но не смутился.

Тарашился на Ольгу, просто пожирал глазами, никак в себя не приходил от приятной неожиданности, что позвали в компанию студентов. Потом Люба его разговорила и выяснила, что мужичку восемнадцать, школу не кончил, потому что учился в школе рабочей молодежи, пару лет потерял по здоровью. Была травма головы, с кем-то неудачно подрался, подробностей не сказал. Но с большими амбициями оказался у нас юный инвалид. Армия ему не светила, он собирался сниматься в кино или писать сценарии, с тем поступать в киношные институты до последнего. В Москве, в Киеве и в Питере. Соизволил признаться, что, увидел Ольгу в сумерках, среди домов и сквера, был сражен «красотой и тайной, образом и раскадровкой», как он выразился.

Ну, куда нам после того, простым советским технарям? Хорошо, что реальным артистом кино не представился, и на том спасибо. Ну это потому что внешности паренек был не очень завидной, для кино – отрицательный тип второго плана. В лице имел что-то волчье, но не взрослое, так себе волчонок. Не скрою, было досадно, что маскарад в мою честь оказался подвинутым этим кинофильмом наяву.

Может, отсюда и предубеждение, еще потому, что на Ольгу парень паялился беспардонно, пытался привлечь внимание дурацкими штучками. Хорошо, Любаша догадалась включить его в общий порядок, донесла мысль, что у нас так не принято, мол, все друзья, никаких отдельных ухаживаний. Любаша, она как была умницей, так и осталась. Если читаете хорошие научпоповские журналы, то знаете. Любовь Марцевич, изредка выходит на экран, толкует о науке с уважением.

Ну вот так мы впервые с ним столкнулись, с женихом. Только другой Ольги. Как это вышло, понятия не имею. Увидел его во второй раз зимой на даче, которую удалось отстоять от Академии наук. В промежутке парень в компанию не ходил, и я его не видел, и даже не слышал... О нем. Вот такое кино.

(Пока я не забыла... Во первых строках, понятно, вспомнился рассказ Татьяны Мельник, как девушки Ольги бежали под дождем к машине, где сидел красивый и наглый тип – это был Кирилл Аврорский, их общий друг. Оп-ля! Если так сошлось, значит... И даже я там была, но раньше, ни одной Ольги не видела, хотя одну из них слышала и унесла достопамятную куртку, вышло знаменательно! Вот он и маскарад со всех сторон.

Во-вторых, Любовь Марцевич брезжила отдельно, вроде мы с нею пересекались давно по каким-то книгам, если я не ошиблась именем. Тоже бывает, глюки на почве излишнего хотения. Помнится, поставила всех на уши в «Факеле», просила вспомнить некоего Янушевского. Оказалось, что автора звали Юнусов, а Янушевский нам ничего не писал. Я ошиблась, потому что интересовалась, не помню, творчески либо лично. Тем не менее ничего подобного я не стала говорить рассказчику, а попросила вторую порцию, даром, что живописца Званского на горизонте не обозначалось, по всей видимости, он крепко загулялся.

Однако, в-третьих, ни тогда, ни после я не смогла понять, отчего так увлеклась дурацкой историей. Сидела бы лучше на диване и читала о морских приключениях для среднего школьного возраста.)

Мемуар второй от К. Аврорского

...Вторая серия произошла глубокой зимой, где-то после сессии, вроде были каникулы, я помню плохо, последний год учился по инерции, в основном писал диплом и бился по части аспирантуры. Почти ночью, в мороз и вьюгу позвонила Олька и потребовала меня с тачкой, сказала, что ждет у себя в подъезде на подоконнике, придется ехать на дачу, если я что-то не

придумаю на одну ночь. Мол, подруга Ольга ушла из дому без ничего, обе придумали поселить девушку за городом, но если... И так далее.

Олька знала, что чем сложнее задача, тем мне приятнее, несмотря на занятость по учебе. Такой я культивировал образ: ковбой-изобретатель на колесах, всегда к услугам милых барышень. Я сказал «сей момент» и прокрутил в уме, всё сложилось. Сказал предкам, что беру машину, привезу к себе двух девиц, им надо переночевать у меня в келье, наутро увезу далеко. Предки вздохнули, но пошли спать в надежде, что барышни не будут громко кричать, им, то бишь предкам, завтра на работу.

Как сказал, так и сделал, нашел девиц на лестничной площадке, мою Ольгу в решимости, другую во взвинченном состоянии, практически не говорящую. Привез их к себе, напоил ту Ольгу чаем с виски, она отрубилась почти сразу на диване, а я отвел Ольку на кухню и выпросил по-тихому.

Выяснил, что подружка вознамерилась выйти замуж за того малолетнего хмыря, у них произошел скороспелый роман, а обе матери пришли в ужас и отказали в жилплощади наотрез, по тем меркам проклинали. Другие бы детки смирились, подождали, проверили чувства и подумалт о средствах к существованию, не говоря о месте проживания.

Но наша молодежь была балованная, считала, что все им обязаны, вплоть до семейного проживания на матерных головах. И обидевшись на отказ, невеста Ольга ушла в побег. Надо думать, после выяснения отношений с матерью, ту я видел разок-другой, никому не рекомендую. Таким образом парочка оказалась на нашем попечении, против моего совета и желания, отказать Ольке я не мог, а она настроилась на исполнение доброго, хотя и глупого дела.

Раненько утром, все еще спали (мы с Олькой провели дивную ночь на кухонных стульях, только под конец вздремнули сидя) мы растолкали другую Ольгу, принесли ей телефон на шнуре, она позвонила хмырю и вызвала его к метро.

Затем завели машину с некоторым трудом, после того, как откопали, захватили жениха, и тронулись всем табором за город. Там предстояло откопать дорожку к дому, проверить, насколько протоплено и поселить парочку на время, потребное для мамаш, чтобы те одумались. Дурацкий план, кто бы спорил...

Я не спорил, я исполнял, мое дело было сторона. Олька всю дорогу сидела рядом со мною и клевала носом, а беглая парочка шепталась сзади, по-моему, без особых нежностей. Но опять же дело не мое, меня с тачкой использовали «в качестве перевозочного средства», как сказано в «Мастере».

Еле-еле доехали, по дороге занялся скупой рассвет, встали у дачи, высадили парочку беглецов и поехали к истопнику в конец поселка. Помните известную песню, где «третьим пригласили истопника»? Парень оказался на месте, обязался помочь за мелкую сумму, но поставил условие, что отвезем его в город на занятия. Вернулись, втроем откопали дорожку, вселили парочку на проживание и поехали обратно. Истопник пообещал, что прибавит им пару, принесет провизию на первое время и покажет, где можно отовариться потом. Ну, это все частности. Не частности вот что...

Когда собрались обратно, жених попросился с нами, мол, не взял ничего необходимого, сорвался из дому внезапно, нельзя ли вернуться и так далее.

Олька его круто завернула, сказала, что так не пойдет, нельзя оставлять подругу одну в снегах и в неизвестности, мол, съездит на электричке завтра или как договорятся. Парень кивнул молча и поплелся между сугробов к месту временного проживания. Это я к тому, что идея побега была вовсе не его, а второй Ольги. Но опять дело не мое, отнюдь.

Однако через какое-то время мы с тачкой опять понадобились в том же ранее описанном качестве. Пришлось прогулять очень нужный день на кафедре, потом долго штопал прорехи, но Олька сказала, что надо вторично вселить хмыря с чемоданом, он наконец собрал вещи,

спрятал от мамы в чулане на лестнице и готов переселиться за город, только с чемоданом тяжело ехать.

Во-вторых, Ольга имела намерение ободрить парочку, типа благословить и произвести видимость нормальной жизни. Мол, все добрые люди одобряют смелый поступок, способствуют, дружат домами и перевозочными средствами. То бишь Ольга хотела включить хмыря в светлое будущее. Боюсь, что без поддержки он включался плохо, колебался и был склонен к побегу. Однако, это скорее домыслы, каюсь, очень был предубежден. Настолько, что демонстративно ни о чем не спрашивал, теперь жаль, мог бы вам рассказать для пользы дела. Ну вот...

На этот раз пришлось заехать за женихом в кошмарные трущобы, он не желал ходить мимо соседских окон с чемоданом, знал, что донесут, хотел скрыться тайно. По такому случаю я юлил между дворами в полураспаде, хотя почти центр, где-то на Остоженке. Сами тоже жили в старом фонде, но в приличном доме и в нормальном окружении, у нас были остатки былой роскоши подле Лубянки, а хмырь обитал в развалинах иного свойства. Ну ладно, проехали. Наконец остановились посреди трущобного комплекса у ветхого крыльца, и со ступенек скатился жених с чемоданом времен гражданской войны. В Соединенных Штатах.

Залез в машину, и мы стали выруливать обратно в цивилизацию, потом двинулись за город. Жених выглядел бледно, чуть ли не озираясь, не гонится ли мамаша на помеле, долго бубнил, как она его достала, обещала броситься в колодец, прятала паспорт и грозилась уничтожить документ, если он не одумается. Что называется, старая добрая провинциальная драма. Очень дурного тона.

Ольга предупредила, чтобы не смел жаловаться невесте. Даже объяснила, что такая постановка вопроса обидна: не то, что он преодолевает трудности, а то, что требует сочувствия. Он, понятно, не понял, но заткнулся. Бедный хмырь, я думаю, он так и не сообразил, какие чувства от него требуются, просто не дорос.

Однако сменил тему и доложил, что если мамы никакой ни в какую, то придется просить убежища у папашы, с которым мать давно в разводе. Предок живет на Северо-Западе под Ленинградом, главный инженер на крупном производстве. Мол, с папашей он созвонился с Центрального телеграфа, тот обещал прибежище и место в каком-то задрипанном заведении, чтобы покончить со школой и получить направление в питерский институт киноинженеров, там вроде имеется гуманитарное отделение. Папаша обещал принять беглеца, только я до сих пор не в курсе, сказал сынишка про Ольгу или решил привезти жену сюрпризом.

Зато долго толковал о проблемах, мол, ей придется переводиться на заочный или в местный институт, в какой, никто пока не выяснил. Но это пока не горело, они надеялись, и моя Ольга вместе с ними, что одна из мамаш предпочтет терпеть зятя или невестку, чтобы не лишиться родного дитятка. Проблема была, какая из мамаш сдаст позиции первой. Хмырь пересказал подробно, хотя никто не спрашивал.

Что в его случае это станет катастрофой, потому что их жилище состоит из одной большой комнаты в деревянном доме, кухня выгорожена, вода холодная и главное удобство на лестничной клетке, для двух этажей и четырех квартир. Мыться они ходят в баню по субботам. Он привык, но как Ольга – он не знает. А у Ольги двухкомнатная квартира в новом районе, одна комната её, отчего не жить там вдвоем, но мамаша отказывает наотрез. Почему нельзя все-таки без ее согласия, он не знает, Ольга там прописана. Моя Ольга опять встряла и заявила, что такие разговоры не пойдут, он плохо представляет мать Ольги, а вопросы, кто и где прописан – извините, не для приличного общества. Не следует вмешивать государство в семейные отношения.

– Тогда жениться тоже не обязательно? – быстро сообразил мальчик.

– Парень, взрослый мужик женится только, когда хочет, – я решил выручить Ольку, она переумничала. – А если не хочет, то никто его не заставит. Этим и руководствуйся на будущее, договорились?

После этого очень долго ехали молча по снежным равнинам и наконец приехали. Незадолго до поселка я решил разрядить гнетущую обстановку и предложил заехать в сельпо за коньяком и закуской, надо же, черт возьми, отпраздновать помолвку наших друзей! А будущее покажет, что в нём состоится! Это был преждевременный тост.

Именно в тот раз, при всем честном и не очень трезвом народе Ольга рассказала историю с драгоценным камнем и показала коробку, где он хранился с дедовских времен. Сбегала наверх, отомкнула комнату с коллекцией, обслужила гостей навывнос. Лоток со стеклянной крышкой открыла, показала таинственные записи, дала камни на обозрение, но не вынимала. Хотя и подогреты были мои детки, но не до потери образа. Как потом оказалось, камешки крепились ко дну особым раствором, чтобы не хватать взад-назад, это дед придумал, или такие были музейные правила. Посмотреть игру света не удалось, но секрет был показан досконально.

И когда дорогие гости свалили не прощаясь, то в знак благодарности они захватили самый ценный камешек с собой. Отодрали ото дна вместе с бумажкой, на ней значились параметры экземпляра, остальные записки от дедова учителя остались в целости, поскольку никуда не крепились.

Пропажа выяснилась практически сразу, как стали прибирать после них дачу. Но Ольга была склонна верить, что одумаются и вернут, просто взяли поиграть или подразнить ее с досады. Ждала долго, делилась мыслью, что если прихватили вещь с корыстной целью, то нигде толкнуть не смогут, не те свойства у камешка, никто не поверит, что он подлинный, и не станет брать в целях перепродажи. Разве что в Амстердаме, где орудуют спецы мирового класса.

Но до Амстердама нашим детишкам было никак не добраться, дело было в Советском Союзе, знаете ли... *(на этом второй мемуар от К. Аврорского внезапно закончился)*

4

Увы, как ночной гость дошел до самого интересного пункта в трэш-повестухе, до вероятного либо невероятного сбыта краденого реликта, заявился живописец Званский. Он, как я и предвидела, сначала долго топтался у входной двери, тихо бранясь, затем произвел острый звонок и затаился. К этому моменту мы с гостем стояли в прихожей, он нервничал в ожидании мужа, человек наслушался анекдотов на тему, что возвращается муж ночью...

Как ни призывала я его сидеть на месте и продолжать, пожалуйста, про Амстердам – увы и ах! Стоял в прихожей, взяв куртку в охапку, готовился к бегству, мужественный красавец, борода из ваты! Но нам с мальчиком было только смешно, что злило гостя дополнительно, он пытался шептать подсказки, как его представить.

Миша, мой драгоценный живописец Званский, полностью оправдал наши с мальчиком прогнозы и ошеломил бородатого гостя на всю катушку.

– Катюша, я ключи где-то оставил! – заявил Миша трагическим шепотом, глядя в упор на незнакомца и загораживая ему путь к отступлению.

– Да вот они, висят, – успокоила я Мишу. – И ничего страшного, у меня гости. Знакомься, это Кирилл Аврорский, по дачным делам, рассказывает много интересного.

– Очень приятно, – сказал Миша машинально, затем вспомнил о долге хозяина дома. – Что будете пить? Может, кофе или покрепче? У меня есть...

– Я на машине, – вместо приветствия заявил Аврорский, затем забормотал не совсем достойно, по всей видимости, не поверил в мирные намерения Миши. – И вообще, мне пора, извините, что задержался, отвлек супругу от отдыха.

– Напротив, я вам признателен, – Миша произнес светскую фразу, и я поняла, что супруг набрался «в лоскуты», приступы церемонности возникали у него на подсознательном уровне, когда трезвое Я блуждало в потемках. – Катюша отвлеклась на вас и не волновалась моим непозволительным отсутствием.

– Если вы, Кирилл, доскажете про Амстердам, – я подхватила нить гостеприимства. – То нам будет вдвойне интересно. А Миша сделает всем кофе, он замечательный специалист.

– Если про красные фонари, то подождите, я мигом, – заверил Миша.

– Нет, про краденые алмазы, еще интереснее, – посулила я обществу.

Такого поворота Кирилл Аврорский не выдержал. Не знаю, что ему померещилось, но гость не стал дожидаться кофе, попросил позволения у Миши пройти к двери, мне доложил, что доскажет в другой раз, произвел полупоклон в нашу сторону и был таков.

– Я, кажется, его спугнул, – повинился Миша. – Извини, я старался, но не смог.

– Не бери в голову, Кирюша пудрил мне мозги по полной программе, – я постаралась ободрить неповинного Мишу. – Раньше тут была его жена, тоже сорвалась с места, как ошпаренная. Это у них семейное, надо думать.

– Это хорошо, что ты не скучала, – отозвался Миша и пошел на кухню готовить чай.

После чего занимательный эпизод начисто вылетел у меня из головы на довольно долгое время. Во всяком случае до последующего звонка Татьяны я не думала о давних исчезновениях и покражах. Восхитительное поведение Миши и испуг Кирилла Аврорского придали эпизоду комическую окраску, и я забавлялась, ни о чем другом не помышляя.

Татьяна Мельник позвонила через какое-то время и доложила, что «заказала Валентину Михайловичу в «Аргусе» искать Кавитасков на финской границе, а он сказал, что вычтет из тебя».

– Минуточку, дай я вспомню, – честно призналась я. – Кто такие Кавитаски на границе, и почему я должна страдать материально.

– Катя, ну, пожалуйста, – воззвала Татьяна. – У тебя была Ольга Киреевская, сказала, что жениха звали по-фински, он сменил имя и уехал с нашей Ольгой куда-то в Петрозаводск. А потом убежала. Мы не успели обсудить, но я пошла к твоему шефу, он взял задание, но остался недоволен.

– Это понятно, я почти все помню, – заверила я. – А я тебе говорила, что после приходил её муж и объяснялся?

– Нет, конечно! – вскинулась Татьяна. – О чем ты думала? И что он объяснил?

– Ничего особенного, – я припомнила обязательство не разглашать историю с камнем и сдала назад. – Примерно то же, что ты сообразила. Что другая Ольга до сих пор чувствует вину перед подругой, поэтому разволновалась.

– Вот видишь! – торжествовала Татьяна. – Значит действуем по плану, ищем этих Кавитасков, я доложу, когда что-нибудь найдется. Кстати, тетя Маруся раскололась, сказала, что видела жениха Ольги один-единственный раз, парень учился в школе и жил с ведьмой-мамашей. Это всё, что она знает. А фамилия была не то Смирнов, не то Кузнецов, но совсем не финская. Я слегка запуталась, поэтому тебе докладываю.

– Докладывай дальше, – одобрила я. – Как что-нибудь найдете. Но в пределах полутора месяцев. Дальше у меня пойдет мальчик и будет не до чего.

– Да, ты права, извини, – согласилась Татьяна. – Привет Мише.

– Виталику тоже привет. – ответила я. – И родителям.

– Они говорят тебе спасибо, – вспомнила Татьяна. – За успешное содействие.

На том мы с Таней остановились, и пауза продолжалась довольно долго. Однако сама я не утерпела, встрепелась и стала выяснять детали о похищенных камнях и гипотетических авторах. Бог мне судья, лучше бы дочитала до конца серию «Однажды». Но нет...

Вместо того я зазвала в гости бывшего младшего редактора из «Факела», Ванду Глазову, она оставалась на хозяйстве одна, поскольку «Факел», бедный, почти погас и буквально прогорел». Работники разбрелись, кто куда, помещение по большей части арендовалось бог знает кем, а Ванда вела канцелярию и делопроизводство, тяжело вздыхая. В рамках делопроизводства она вызвалась выписать декретное пособие, как положено по штату, я выправила бумаги и позвала Ванду в гости, чтобы она их забрала.

На самом деле с иной целью, захотелось проверить догадку о Любе Марцевич. Приглашая Ванду в рамках оформления декрета, я попросила вскрыть архив и посмотреть, была ли у нас такая авторша, и вообще, имелся ли её бумажный след. Во вторых строках неумного предприятия я отыскивала другой след. А именно нашла затерянную приятельницу юношеских лет, некую Наташу Чистоклюеву (правда, замечательная фамилия?) и без труда возобновила общение, прерванное годами ранее.

Дело в том, что Наташа после школы не смогла поступить на журфак МГУ, там был бешеный конкурс, а родители не дотянули с ресурсами. Вместо того бедняжку устроили лаборанткой на другой факультет, почему-то Геологический, на кафедру горючих ископаемых. На одном из мероприятий мы с Наташей встретились, и она детально поведала, как поживает в роли ископаемого, тем более горючего. Ничего не понятно?

Сейчас попробую объяснить более доступно. За год до последней встречи, когда обе учились в школе, мы с Наташей посещали нечто типа творческой студии на радио. Организация называлась: «общественный совет» при радиопередаче «Ровесник», в её рамках проводились в неделю раз заседания в Доме Радиовещания и Звукозаписи (в сокращении – ГДРЗ) в старом центре Москвы. В процессе работы «совета» старшеклассники изображали хор для резонанса, проводили обсуждения и встречались с ведущими журналистами, отвечавшими за общественное движение. На самом деле мы всю использовали «совет «Ровесников» в качестве клуба, всю общались неформально и получали удовольствие от присутствия в закрытом мире радиовещания, куда пускали при предъявлении пропуска, что было особенно заманчиво.

Упомянутая Наташа Чистоклюева была известна всем «Ровесникам» нашего выпуска, потому что однажды, опаздывая и торопясь на заседание, упала в коридоре на грудь знаменитого киноактера тех времен, всеобщего кумира и любимца публики. Когда оба участника оправились от лобового столкновения, Наташа узнала кинозвезду в лицо и смутилась до бессловесности, чем ему польстила. С собой девушка была очень недурна, кумир ей улыбнулся, и толкам впоследствии не было конца.

Наташа и без происшествия пользовалась завидной популярностью, кроме отличной внешности она обладала врожденным обаянием, притом оно маскировало скептический склад ума и хорошую наблюдательность. Но кто мог заподозрить такие достоинства, столкнувшись (даже нематериально) с буквальная Белоснежкой? У Наташи даже брови с ресницами были нежнейшего сливочного цвета, а волосы лились шелковым потоком того же колера почти до талии. И всё было абсолютно натуральным, даже обаяние.

Скажем честно, я слегка завидовала и признавалась Наташе, она пожимала плечами и отвечала, что не получает от даров природы ничего хорошего. В основном её принимают за дурочку, что иногда полезно, но в иных случаях бесит до умопомрачения. Когда приходится опровергать стереотип, никто не желает расставаться с милыми иллюзиями.

Нельзя сказать, чтобы мы с Наташей дружили, но общались охотно. После окончания школы встречались на базе «Ровесника», когда там происходили встречи бывших питомцев, иногда забежали выпить кофе в буфет и там делились впечатлениями от текущей жизни. Одним из них была кафедра горючих ископаемых.

И вот, припомнив всё это, факультет Геологии в частности, я нашла Наташу в записных книжках и срочно возобновила общение. Рассказала, что жду первенца, сижу дома и скучаю, по роду деятельности (не уточнила, какому) столкнулась легендой о потерянном минерале,

нет ли у Наташи возможности выяснить что-либо на бывшем месте работы, скажем, пойти и поспрашивать.

Я бы и сама сбегала, толковала я убедительно, но месяц уже восьмой, вряд ли стоит затевать сложное мероприятие. А Наташа, кстати, может найти неординарный материал, поскольку на журфак она потом попала (родители собрались с ресурсами и правильно их инвестировали), отучилась, и если сейчас работает по специальности...

Наташа ответила, что займется с удовольствием. По специальности она правда, работает в стиле «фриланс», то есть пишет, что хочет и куда берут, а реальные деньги зарабатывает сценариями к дурацким сериалам для телевидения, кстати, там требуются творческие силы. И если Катя захочет, когда ребенок подрастет, то милости просим, хватит на всех. А пока вполне возможно забежать к «горючим ископаемым» и выпросить про загадочные минералы на соседних этажах. Не исключено, что пропавшие ценности пойдут в очередную серию, если Катя не возражает. Имена сменить, историю малость приукрасить – конфетка обеспечена, а нам масло на трудовой хлеб, не так ли? Катя в моем лице дала добро, снабдила Наташу сведениями без ненужных подробностей, далее благословила на трудовые подвиги. О сыскной деятельности и агентстве «Аргус» Катя благоразумно умолчала.

И вот, подготовившись, я села на диван и стала ожидать ответных действий от агентов влияния. Первой на прием вызвалась Ванда из «Факела», сообщила, что везет всё, что отыскала по части Любви (а вовсе не Любви) Марцевич, а от меня ждет бумаг для оформления декретных сумм, правда, незначительных, она пыталась торговаться в мою пользу, но безуспешно.

Ванда приехала, как обещала, забрала медицинскую документацию, посулила доход от мероприятия в размере двух минимальных зарплат, затем расположилась надолго, выслушала мои жалобы на семейную жизнь и невыносимое ожидание, посоветовала набраться терпения и посулила, что впоследствии я вспомню это время, как совершенно идиллическое.

– Сейчас вы с ним одно целое, – толковала Ванда. – И не надо гадать, чего он хочет, сам подсказывает через твой организм. Хочется ли тебе есть, спать или что... Он участвует. А потом не поймешь, что бессловесной тварюшке надо! Вопит на разные голоса и всё тут! Хоть застрелись – не угадаешь, но дергаться будешь на полную катушку. Вдруг не то делаешь и нанесешь вред младенцу, свихнуться можно запросто.

Ободренная мудрыми рассуждениями опытной мамы, я перевела беседу на более интересные предметы и сделала запрос о Любе Марцевич, была она у нас в закромах или мне примерещилось?

– Как тебе сказать, – ответила Ванда дипломатично. – И да и нет. Видишь ли, ты у нас бывала редко и наскоками в рыночное время. Как соскочила на платные работы, так и появлялась, как красное солнышко в Исландии...

– Короче, Склифософский, – поторопила я.

Ванда, если не остановить её вовремя, могла бесконечно толковать о том, как в рыночные времена все, кроме неё, предали родные пенаты, то бишь «Факел», разбежались зарабатывать презренные деньги и оставили её расхлебывать историческую кашу. А «Факел», бедный, чадил и угасал у неё на глазах, и все потому... И так далее.

– Короче, в самом начале общего развала и распада, когда мы были чуть лучше остальных, – обстоятельно делилась Ванда. – Из «Горизонта» или из «Радуги», навскидку не помню, нам послали девушку с научными сказками. Ты еще тогда цитировала из классики вроде того, что «наконец что-то пропел одинокий минерал».

– Стоп машина, пожалуйста, – попросила я. – Во-первых, значит, что я там была, это раз. И если поминала «Бесов» Федора Михайловича, то, значит, знакомилась со сказками. Хотя бы фрагментами. Поэтому три-ноль в мою пользу. И третий ноль значит, что я правильно барышню помню. Она была...

– Больно умна, ты, девушка, для твоего интересного положения, – попрекнула Ванда. – Дальше слушать будешь или что?

– Извини, я вся внимание, – повинилась я охотно. – И что дальше?

– А ничего! – Ванда продолжила рассказ. – Снесла она нам научное яичко, принесла сказочку про твой поющий минерал, одну или две из сборника, вроде «Плутонии» или «Земли Санникова». Нет, «Земля Санникова» – это фильм такой был красивый, с песнями и Олегом Далем на мачте, извини. Но «Плутонию» кто-то точно поминал, не Марат ли? Не помню. Это когда позвали девушку, ту самую «Любовь и слезы», это Викеша её так обозвал, значит, и он там был. Занятно, вы зачем тогда собрались, прогульщики хреновы?

– Значит, это было раньше, чем мы стали прогульщиками, – резюмировала я. – У тебя в бумагах не указано, когда девушка Любовь принесла сказки? И вообще, где они?

– Они здесь, если тебе нужно, – вне очередности ответила Ванда, далее невозмутимо продолжила. – Так вот, наверное, Марат сказал, что нынче научные сказки неактуальны, и денег у нас тоже нету.

– Это всё? – спросила я в некотором разочаровании.

– Но пробные флакончики она оставила, – продолжала Ванда, не обращая на меня внимания. – Но без числа и адреса. Просто «Любовь Марцевич», никаких других опознавательных знаков, «Горизонт» с «Радугой» я вспомнила попутно. Девушка была на новеньких, как я полагаю, потому что не спорила, не торговалась, а «пошла, солнцем палимая», рукопись оставила на всякий случай. Кстати, красивая барышня, ухоженная не по-авторски.

– Ты, Вандочка, фея и волшебница, – я отвесила лесть полной мерой. – Давай сюда добычу, и я буду упиваться сказочками в оставшееся до мальчика время. Ему будет любопытно, научно-мистический подход заложится в подкорку.

– Однако, ты довольно безжалостная мамашка, – не одобрила Ванда. – Какую судьбу готовишь бедному мальчишке? Он вырастет и не похвалит. Однако, Бог с тобой. Кстати, крестить будешь?

– Помилуй и избавь! И даже сгинь! – возмутилась я. – За кого ты меня принимаешь? Я вашим божествам не поклонялась, даже когда было нельзя, неужели буду теперь, когда стало можно и желательно? Вы, девушка, меня обижаете или с кем-то перепутали!

– Бог с тобой, золотая рыбка! – примирительно заключила Ванда. – Может быть, со временем дозреешь, а пока тешься научными сказками. Давай лучше чай пить, я торт принесла и в прихожей забыла.

– Торт сейчас не рекомендуется, поэтому, спасибо, с удовольствием, – заметила я, и больше к заявленным темам никто не возвращался.

Но и к «сказкам о минералах» я обратилась не скоро, по всей видимости, здраво полагая, что они никуда не денутся. Или желала дожидаться материалов от следующего агента влияния, с кафедры горючих ископаемых.

Дождалась совсем иного, в гости почти экспромтом заявился друг Валя, под предлогом «проведать родильницу», на самом деле посоветоваться по «сложному переплету с дачными идиотизмами, пока ты в уме, хотя и недалеко».

Историю Валентин рассказал такую. Что по следам визита таинственной Ольги Татьяна Мельник (по вашему совету, надо думать!) обратилась к нему в контору и заказала искать финского происхождения под условным званием Келью Кавитаска (с любыми вариациями), который в давние времена менял имя с фамилией, чтобы не выделяться из окружающих. Далее следовало искать изменщика финской родины около Петрозаводска, тоже условного, может статься что по всей Ленобласти. Работа «на пару пустяков»...

Таню он слегка попугал, чтобы жизнь мёдом не казалась, и быстро выяснил, но что конкретно – нам предстоит узнать. Покамест осталось загадкой, а, скорее всего, кто-то бессовестно врал. А именно.

В Москве исправно нашелся Келью Кабитаска подходящего возраста, один из немногих кандидатов по сходному звучанию. Но этот кандидат, как получил паспорт по указанной фамилии с тем же именем, так под ними и живет, ничего не менял. Работает мужик в частной зубо-врачебной клинике «Полидент», хирург с хорошей репутацией, если имеешь лишние зубы – мигом обустроит за приемлемые деньги. Валька к нему сам являться не спешит, потому что лишних зубов не имеет, но имеет смутную догадку. Либо зубодёр – побочный продукт поисков, такое числится примерно на шестьдесят процентов, либо он родич искомого сменщика финской фамилии, тогда очень хорошо.

Можно брать «жениха» тепленьким откуда захочется, если подойти к доктору нежно и осторожно. Пресловутая клятва Гиппократу к нему тоже имеет касательство, и дамочку на сносях частный хирург не обидит, напротив приветит, может расколется на родича, сам того не ведая. Мельникам Валька не докладывал по самым простым причинам. Если ничего и никак, то деньги они платили зря, а если срастется, то «мы слегка повысим расценки», это будет справедливо, не так ли? И потом пускай терзают зубодера, как им вздумается.

– Но спросить лучше тебе, у меня к этой профессии сложное отношение, – сознался Валька. – Не справлюсь с разнородными чувствами. Поедем лечиться к зубодеру?

– Ты, Валька, садист с большой буквы, – заявила я. – У меня от одного кабинета с приборами наступят преждевременные роды в зубо-врачебном кресле. Но позвонить могу, стало интересно. Федот, да не тот, занятный поворот.

– По телефону никто твоего преимущества не заметит, – сварливо отозвался Валька. – Пошлет на хрен, и всех делов!

– Тогда жди пару месяцев, мы пойдем с мальчиком приставать, как цыганка в метро, будем клянчить, – предложила я. – Или пошлем Мишу, они, надо понимать, с Кабитаском одной комплекции, его голыми руками не возьмешь.

– Ты, мать моя, упряма до невообразимости, – отвечивал Валька. – Но если не поедешь в клинику, то звони. А Мельникам ответишь сама по результатам анализа.

– Никакая я тебе не мать, убедительно прошу именовать прежним титулом, конкретно «прелестное дитя» – иначе ухажу в отказ, – пообещала я. – Давай зубодёрский телефон прямо сейчас, а сам иди курить на кухню, нечего терзать пачку в кармане. Мальчик, он добрый, позволяет курение табака в моем присутствии, но я имею сострадание.

Валька слегка поспорил, но я выговорила право беседовать с Кабитаском без надзора. Валька, это не Таня Мельник, с ним было бы некомфортно. Но сама идея отчего-то звала за собой в таинственные дебри.

– Добрый день, доктор, – я на ходу сочиняла речь, добравшись до зубодёра на дому, в клинике сказали, что он нынче в ночь. – Мне вас рекомендовала подруга, Таня Неволлина, очень хорошо отзывалась о вашей практике. У меня такая проблема: я сейчас на седьмом месяце, зубы, сами понимаете, страдают, а один почти вывалился, болтается почему зря (на самом деле так оно и было). Не сказать, чтобы болит, но мешает. И я подумала, может быть, стоит удалить, пока время есть, все равно держится плохо. Что бы вы посоветовали?

– Спасибо, что обратились, – дежурно произнес доктор гулким голосом, положенным при зубодерской комплекции. – Понимаете, я так сразу сказать не могу, но если не очень беспокоит, то я бы советовал подождать. В вашем положении вмешательство не рекомендуется, только при острой боли или сильном воспалении. Могут быть любые осложнения, никто не гарантирован, а вам не надо. Не стоит будить лихо, пока оно тихо. Но если... Как вас зовут, извините...

– Екатерина Дмитриевна, – созналась я и продолжила речь. – Спасибо доктор, вы настоящий эскулап. Но если будет хуже, тогда я обращусь только к вам, ладно?

– Ради Бога, но лучше после разрешения, – вежливо согласился эскулап, и собирался откланяться, но не тут-то было.

– Да, доктор, если вы позволите и извините, у меня вопрос из другой области, – я приступила, пользуясь заявленным положением, оно прощало многое. – Можно?

– Если не очень долго, Екатерина Дмитриевна, – предупредил доктор будущую клиентку. – Мне за парнем в школу надо, первый класс, понимаете ли...

– У меня тоже мальчик будет, – похвасталась я, входя в роль глупой курицы. – А спросить я хотела вот что. Как Таня назвала вашу фамилию, я вспомнила, что знала... Вернее, не совсем. Моя другая подруга была знакома с молодым человеком, звали Сергей. Может быть, он ваш родственник, фамилия редкая. Но он вроде сменил имя и фамилию, когда ему исполнилось шестнадцать, потому что отец с ними не жил, давно уехал куда-то на северо-запад. А сам Сергей, он учился в школе рабочей молодежи, у него была травма головы, и он пропустил год или два.

– Как странно получается, – в задумчивости произнес Кабитаска после того, как я замолкла, больше ничего не придумалось о таинственном женихе пропавшей Ольги. – Таких родственников у меня нет, но я представляю, о ком вы говорите.

– Ой, как интересно! – заявила я не дрогнувшим голосом. – Моя подруга, она заинтересовалась и хотела знать, где и как он сейчас.

– С этим я помочь вряд ли смогу, – ответил неродственный доктор. – Я потерял его из виду, Сергея. Он жил рядом, в нашем дворе, пока их дома не пошли на слом. Но он действительно хотел сменить фамилию или сменил, точно не помню. У него была неудачная, Козлов или Баранов, что-то из области домашних животных. Во дворе его звали Скот, очень неприятно, Серега-Скот. А он хотел учиться на артиста в кино, говорил, что лучше любая другая фамилия, чем «скотское» прозвище.

– И он указал вашу, когда говорил подружке, что поменял, потому что «скота» упоминать не хотел, – я тоже поразмышляла. – Теперь понятно. Ваша звучит экзотически, в молодости это важно, хотел произвести впечатление. А какая у него теперь фамилия?

– Этого я не знаю, к сожалению, – сознался доктор. – Мы постепенно растерялись, такое случается. Когда я поступил в институт, он учился в вечерней школе из-за травмы – это я помню. В спортивном лагере какой-то вольный борец стукнул его из-за девицы на танцах, очень неудачно. Хотите, я спрошу у жены, она тоже жила в нашем доме, может быть, вспомнит. А сейчас я побежал, извините, время вышло. Ваш телефон на автоответчике, я позвоню.

Не помню, хотела я задать вопрос или сказать спасибо, но в поле зрения внезапно явился компаньон Валя и начал привлекать внимание страшными гримасами, и я поняла, что следует срочно закончить беседу или что информации больше не надо.

– Спасибо, доктор, не надо никого беспокоить, – сказала я осторожно. – Не так это важно, подруга обойдется, у нее обычное любопытство, а я поддалась. Насчет зуба еще раз спасибо, я к вам после приду, если раньше не вывалится.

– Если выйдет сам, то помогите пальчиками, но тяните, а не дергайте, – Кабитаска вернулся на врачебную стезю. – Тем не менее, после родов загляните, посмотрим остальные, это не лучшая тенденция, так все зубы растеряете, как Елизавета Первая Английская, у нее была аналогичная проблема.

– Как интересно, – заметила я. – И что она делала?

– Ходила без зубов, дело было в шестнадцатом веке, – ответил начитанный Кабитаска.

– Тогда спасибо, доктор, извините, что отняла много времени, – закруглилась я.

– Всегда пожалуйста, – откланялся доктор и отключился.

Положив трубку подле себя на столик, я не стала тратить слов на компаньона, вместо того изобразила гримаску, обозначающую английское «so what?», а именно «так что?» в российском эквиваленте. Он прервал полет сыскного вдохновения на полуслове, и я пожелала объяснений.

– Как всегда, много лишнего, – в рабочем стиле объяснился компаньон. – Вошла и вышла солидно, сразу видно хорошую выучку. Вставил приборчик в розетку на кухне, извини, иначе

пришлось бы из тебя вынимать информацию с песнями и танцами. Главное ты узнала, спасибо, дальше он бы насторожился, стал прикидывать и мог дойти до старого дружка раньше нас. Тот не совсем даром смылся, есть в этой истории некий секрет, я пока не понял.

– Валечка, друг мой, ты тоже увлекся тайнами? – как можно более вяло заявила я, надо же, у Отче Вали заработала интуиция, никто ведь ему про краденные камни ни слова!

– Слишком много вранья, – буркнул Валька без элегантности. – Значит, что-то совсем не то кругом.

– А тебе зачем? – ответила в том же стиле.

– Мне-то что, а вот тебе не надо, – веско доложил Валентин. – Расслабься и высиживай свое яйцо, прелестная крошка. Я сам с Мельниками разберусь, выясню, чего они хотят и за какую сумму. Ты двинься в сторонку, ладненько? И всех шли ко мне, если кто возникнет, договорились?

– Ага, только скажи Мельникам, что мы подвинулись в сторону жениха, – согласилась я. – Самой лень, да и не знаю, чего мы конкретно достигли.

– Тебе и не надо, – глумливо ответил Валька. – Передо мной адрес зубодёра Кабитаски, улица Остоженка, приличный дом почти на реке, рядом с модной стройкой. Надо думать, они там жили всегда и наш Скот по соседству, пока старый дом не сломали. Теперь узнать имя с фамилией – пару пустяков, всего-то найти список жильцов. Среди них выделяются скотские фамилии, и привет горячий!

– Да, Валя, куда мне до тебя, – признала я с облегчением.

– Да, потрудились на славу, – признал Валька. – Теперь забудь, хотя вышло занятно, как ты верно заметила, Федот, да не тот! Зачем все это, скажи мне?

– Кому? – спросила я лапидарно.

– Всем подряд, – в том же стиле ответил Валька. – Нам в том числе.

– Вот не скажу, потому что сама не знаю, – признала я, тем моментом признавая правоту компаньона.

– В том-то и дело, – загадочно ответил Валентин.

Но больше к этой теме мы не возвращались. Дружок Валя интересовался, занял ли Миша позицию на «страшном суде» и какие из того проистекли перспективы. Я исправно доложила, что Миша в принципе дал согласие на выезд, отверг религиозные претензии и ждет окончательного решения святых отцов.

Ко всему прочему им было доложено, что мы тронемся рисовать часовню только после появления младенца, которого ожидаем до Рождества по европейскому стилю. Но я пока не решила, устраивает меня перспектива либо нет. Не исключено, что я отпущу Мишу на «страшный суд» одного и подожду, пока мальчик малость подрастет. Потому что плохо представляю, как буду справляться без помощи родных и близких женского пола.

– А вы тещу захватите, – предложил Валька. – Могу одолжить свою, оторву от сердца.

На этой высокой ноте мы завершили труды по успешному обнаружению побочного Кавитаски. А предупреждением Вали сидеть тихо, я безусловно и категорично пренебрегла.

5

И вовсе не из зловредного упрямства я так поступила. Чувствовали мы себя с мальчиком очень недурно, другие дела и работы постепенно сошли на нет, серию «Однажды» я почти тывала, но массив незанятого времени и недостаток внешнего общения вполне имели место. Миша старался не сидеть дома, мама беседовала только о конкретике предстоящего, мне же было элементарно некомфортно жить с незанятым сознанием.

Даже осмелюсь сказать, что вредно. Когда ничего интересного в голове не крутилось, то возникал вакуум, а я привыкла заполнять пространство, иначе начинала дергаться. Как я

понимаю, для этих случаев у иных возникали молитвы и размышления о бесконечном, либо мистические откровения без прямого пути разрешения, типа гадания на картах, нумерологии или иного прочего.

Мне такого утешения не досталось, посему приходилось занимать мозги, чем придется, если не возникало непосредственной работы. В обычные времена я отлично совмещала необходимое с полезным, зарабатывала деньги играми ума, иногда глупыми, а в последние недели и месяцы легальный источник Ипокрены иссяк. Или это была вовсе не Ипокрена? Ну да ладно, чем пришлось, тем и довольствовалась.

Сначала объявилась Наташа Чистоклюева, ныне Ильинская, но не всегда. Временами она оставалась Чистоклюевой, когда возникал «фриланс», то бишь вольная журналистика, но стабильно пребывала Ильинской в сфере киноподелок, объясняя это дальним родством мужа с кинозвездой прежних лет, оно отчего-то становилось полезным.

Наташа Чистоклюева-Ильинская побывала в гостях у своих «горючих ископаемых» и принесла оттуда отзвуки давнего, сложного и протяженного скандала. Он разгорался и гас не у «ископаемых», а в музеях и запасниках, в разнообразии таинственных мест, куда мою представительницу сопровождала приятельница, прослужившая на «горючей кафедре лет сто пятьдесят, не менее того», и собиравшаяся служить научным музам до самой кончины, минуя пенсию. Даму звали Нинель Сергеевна, она опекала юную Наташу в лаборантском статусе, а ныне была растрогана появлением питомицы и её интересом к распрям прошлых дней. Во всех структурах на бывших Ленинских горах у Нинель Сергеевны были прочные связи на всех уровнях. И они нас с Наташей не подвели.

Если не будет возражений, то слова Наташи я приведу в исходной форме, прямо с диктофона. Рассказчицей она оказалась неплохой, и метод построения материала выявился профессиональный, киношный. То бишь сначала Наташа описывала антураж, место действия с атмосферой, затем вводила туда персонажей, и они начинали действовать в предложенных обстоятельствах. Когда неспешная повесть надоедала, авторша вклеивала в любое место краткое изложение сути, причем в любой форме. Итак.

*«Горючие ископаемые», прошлое и настоящее попеременно
исполняет Наталия Чистоклюева-Ильинская*

...Самые яркие воспоминания геологического периода остались о двух вещах: о дубовых скамьях и профессорской столовой. Приступим в обратном порядке, чтобы плавно спуститься к ископаемой кафедре. Столовая для старшего преподавательского состава была наверху, оттуда ехал прямой лифт вверх и в музей, а он пойдет у нас после. Нинель Сергеевна пристрастила меня к роскошной жизни, потому что имела привычку обедать в отменном антураже. Если остальная шелупонь в МГУ питалась в захудалом общепите на разных этажах, в демократической тесноте и неудобоваримости, то профессура, начиная с доцента, могла подняться на лифте и принять пищу на белых скатертях с приборами, а главное, в превосходном исполнении.

Зал приема пищи поражал воображение, из окон с огромной высоты лился дневной свет, столы стояли просторно, официантки в белых фартучках неспешно двигались между гостями, было тихо, но гулко, отчего-то приходили мысли о «Титанике», хотя до фильма было очень далеко. Понятно, что простую публику в зал не пускали, требовалось предъявить при входе документ о принадлежности к высшей касте. Однако Неля знала пути обхода, и ходила к открытию, к одиннадцати часам с половиною.

В невиданно ранний час профессура и доценты питаться не желали, поэтому в заветные хоромы пускали желающих, кормили и обслуживали с некоторым ограничением в сложных блюдах, но все равно сравнения с обычным общепитом не было. Нинель Сергеевна обедала там много лет и приобщила меня в рамках обучения жизни.

Сама она служила на кафедре старшим лаборантом лет двадцать, любила опекать женскую молодежь и не давала меня в обиду старшим товарищам из высшей касты. То есть подсказывала, кому следует отпечатать пару страниц за шоколадку, а кому доступно объяснить, что здесь им не даровое машбюро.

И когда одна доцентка взялась настаивать на сложной статье с формулами, и сладу с ней не было, то именно Неля подсказала выход.

– Печатай со своей скоростью и со своим качеством, – сказала она, и мудрый совет избавил меня от зубодробительной работы раз и навсегда.

Хотя доцентка ходила по кабинетам и показывала плоды незавершенных трудов, добиваясь у начальства увольнения дерзкой девицы при машинке. Ей ответили, что несовершеннолетняя лаборантка, санкциям не подлежит, а неурочная работа девочке запрещена законодательством. После этого мы с Нелей подружились и ходили обедать в роскошную столовую практически каждый божий день. Остальная жизнь в стенах университета запомнилась плохо, кроме знаменитых дубовых диванов. Сейчас о них, и я завязываю.

Диваны, сделанные из мореного светлого дуба, стояли по всем коридорам, смотрелись, как крепостные стены и обладали зловещим свойством, с ним всех знакомили в первый день прибытия к месту службы или учебы.

Распоряжением каждого ректора, начиная с первого, любой сотрудник МГУ, от академика до первокурсника, увольнялся без пощады, если хоть раз был замечен в тушении окурка о мореную поверхность. Для уменьшения соблазна по бокам каждого из раритетов стояли урны-пепельницы, до прямого садизма дело не доходило. Потому ценные предметы мебелировки не пострадали от привычного вандализма на протяжении множества лет от сотворения МГУ.

И когда я заявила в гости к Нинели, диваны поражали первозданностью, какими я их запомнила, такими и остались. Неля тоже изменилась мало, как была кукольной девушкой неопределенных лет, так и сохранилась. Но профессорская столовая, к сожалению канула в вечность. Мы расселись на мореном диване, закурили привычную сигарету, вспомнили прошлое, затем я приступила к расспросам. Не знает ли Неля историю одного потерянного камня с романтическим названием, мне бы сгодилося для сценарной работы, консультацию можно оплатить из бездонных фондов ТВ.

Идея Нелю заинтересовала, но всего лишь... К общему сожалению она ничего не знала и не слышала о скандально потерянных камнях, фамилия «Киреевский» звучала смутно знакомой и только. Однако, с музеем в башне дела обстояли лучше, там работала старая знакомая, даже целых две.

– Помнишь твою тезку, девочку с апельсинами? – спросила Неля. – Она у нас выучилась, но пошла по музейной части, Анна Тимофеевна взяла ее к себе. Аню помнишь?

Я отчасти напряглась, но вспомнила обеих упомянутых женщин. Натали, девочка с апельсинами звалась так, потому что имела милую привычку спорить на апельсины. «Спорим на апельсин, что Юрий Олеша написал...» и тому подобное. Когда Натали оказывалась в проигрыше, она приносила обещанное, но от других проигравших не требовала, у нее получалось довольно мило. Что она делала на ископаемой кафедре, наверное, то же, что и я, переживала время до поступления. Девочка происходила из академической среды, не забывала рассказать, что ученый сосед этажом ниже известен тем, что угробил академика Ландау. Мы с ней не дружили, но общались, несколько раз обменивались апельсинами. Очень породистая девушка, минимум красоты, море обаяния, как раз то, чем ты меня всю дорогу попрекала. Один парень, студент-вечерник, съел за неё свечку, когда спор зашел не на апельсины, она проиграла, а он съел и не поморщился.

Анна Тимофеевна, как я поняла теперь, была того же типа дама, но поколением старше, выучиться ей не довелось по пятому пункту, но воспитание получила отменное и была на изыс-

кательской кафедре отчасти не к месту. Там люди каждое лето ездили «в поле», копали землю в меркантильных целях, и академическая составляющая была слабовата.

Пока созванивались и ехали на разных лифтах, затем ждали пропуска в сокровищницу, Неля рассказала, что Аньке повезло, в музее на крыше открылась вакансия, и она её заняла, пошла к начальству и попросила похлопотать. Дело в том, «извини, тебе не объявляли, но у них с женой завкафедрой была конкуренция на личной почве, причем много лет, тот был рад стараться ради мира в семье и на службе».

– Да, помню, тетенька была свирепа, – я вспомнила с содроганием. – Она даже на меня косилась глазом, не пропускала ни одной юбки.

– Ну и они спелись, то есть Анька с тезкой, – продолжила Неля. – Барышня закончила вечернее отделение и пошла в музей. Теперь старший научный, Анькина начальница, но той все равно скоро на пенсию, ездить далеко, а то бы не пошла бы никогда.

Вот так мы добрались до музейных несметных красот, встретились в ностальгическом ключе, и Анна Тимофеевна со вкусом рассказала скандальную часть истории. Натали в свою очередь подкрепила научными документами, понятно, это были копии. Занятно было вернуться в параллельную вселенную, спасибо, Катюша, что надоумила.

Теперь о музее на под самой крышей. Чего там только нет, одних минералов на сто миллионов во всех валютах, но в основном такие, каких не унесешь на себе, на аметистовых друзьях можно сидеть и на малахитовых плитах пить чай. Научную ценность не выяснила, но антураж богатейший, кино можно ваять практически без сюжета и диалогов, ходи себе среди полок и друз – зрелищность всё окупит, особенно если регулярно менять освещение с дневного на ночное и обратно.

История потерянного камня, изложение Е.М. от Ноля

Начало положил легендарный академик Ноль (позже выяснилось, что реальная фамилия была Кнолле), обитатель Российской империи, он имел пристрастие к изысканиям широкого профиля, ездил по необъятным просторам в поисках секретов «во глубине сибирских руд» (автор цитаты широко известен, в пояснениях не нуждается). Ученый странник желал превратить отсталую империю в мировую индустриальную державу, чтобы «загорелась мне Америки новой звезда», если цитировать другого поэта, конкретно Александра Блока.

Дедушка Ноль полагал, что будущее России зависит от науки с индустрией, а не от форм правления, на самом деле его не устраивали никакие. С царской администрацией он был в контрах, а с большевиками дело пошло много хуже. Вплоть до того, что ученый был сослан на Север, потом отпущен, преподавал, вновь был репрессирован, затем опять сослан, вернулся в университет глубоким стариком. Его статус так и остался сомнительным, профессор Кнолле занимался обобщением своих и чужих научных теорий, изредка собирал семинары по разным темам и почти не публиковался.

Среди его учеников и последователей оказался некто Киреевский, доверенный и успешный ученый муж, он осуществлял связь между престарелым наставником и научной советской действительностью. Сам Кнолле эту действительность откровенно презирал, считая советский период ненаучным и вредоносным тупиком исторического развития России. И служить мракобесию не желал ни в коем разе. Отсюда возникли тайны и умолчания в его научном наследии. Одна из тайн касалась спрятанного сокровища.

Когда непризнанный мэтр отправился в лучший мир, его последователь профессор Киреевский обнародовал часть наследия и предъявил загадочную улику. А именно... Профессор Кнолле оставил в своих архивах образцы минералов, которые он собрал по миру, однако не указал, где и когда они были собраны, также и кем. Вариантов бытовало неисчислимое множество: на окраинах Российской империи, во время существования оной, в местах первой либо второй ссылки гораздо позже. Говорили также, что ученый Ноль получил образцы в наследство или в дар от другого собирателя во время лагерной отсидки. Существовала легенда, что лагерь

ное начальство давало опальному ученому послабления и снаряжало в локальные экспедиции для личного обогащения. Предполагалось, что Ноль искал золото и обнаружил неучтенный источник.

Скорее всего, такие апокрифы появились после того, как профессор Киреевский принес отдельные образцы на обозрение научной общественности. Это были невиданно крупные розовые алмазы неземной красоты и несметной ценности. Почти все – цвета пламенной зари, а один так размером с крупную вишню. Камень получил имя – «Потерянная заря». Но важность для науки заключалось не в нем одном.

Потому как камень хоть имел место, но в одиночку или с братьями меньшими годился только в музей, как бесполезная редкость. Для науки и государства «Заря» занималась только в случае обнаружения источника невиданного богатства для промышленной разработки и дальнейшей продажи за рубеж в целях укрепления финансов, как алмазные поля в Якутии.

Но тут таилась главная недоработка, вернее, умышленное сокрытие со стороны Кнолле. Тот передал ученику камни, но сопроводилку изложил туманно, отчего возникло множество диспутов и теорий не совсем научного плана. Бытовало мнение, что старик замутил научно-алмазные воды из чистой вредности, а ценности предложил либо вовсе поддельные, либо собранные Бог весть где, в Африке или в Азии. По тем дебрям Кнолле странствовал в научной молодости, мог купить по дешевке где попало, потом стал мистифицировать доверчивые научные круги в СССР, пользуясь недочетами их базовых знаний.

Однако поначалу камни взяли в музей, провели анализ и доложили, что, если бы не величина и не редкостная окраска минералов, то никаким способом их нельзя отличить от реальных цветных алмазов.

После чего профессор геологии Киреевский взял побочную, но вполне официальную тему, стал исследовать историю камней, с тем, чтобы установить, откуда что взялось и представляет ли ценность для дальнейшей государственной выгоды.

И на том процесс застопорился, задача оказалась не вполне научной, а почти детективной. Хитрый старик Кнолле зашифровал данные довольно искусно при помощи латыни, греческого и прочих недоступных современному уму знаний. Для уверенной расшифровки требовалось закончить гимназию с курсами мертвых языков, в записях были тонкости, о которых современные латинисты и прочие спецы не имели представления, поскольку наличествовал устаревший сленг на мертвых языках.

{...Пример из иной области. Что, скажите на милость, поймет ученый лингвист из университета, скажем, Оклахомы, если дать ему на анализ строчку из «Евгения Онегина»:

«Бразды пушистые взрывая, летит кибитка удалая

Ямщик сидит на облучке в тулупе в красном кушаке!»

Даже если соискатель истины имеет базовые знания в области русского языка, но с историей и русским бытом прошлого века он знаком приблизительно. Не очевидно, что бедняга поймет сразу, когда происходит дело, и что именно происходит. Вдумайтесь!

Ни снег, ни лошади не упомянуты ни единым намеком! Мы это понимаем другими частями сознания, не так ли? А узкий иноязычный специалист вполне может вообразить, что видит на взлете баллистическую ракету, предназначенную для дальнейшего взрыва.

По прошествии нескольких лет профессор Киреевский потерпел фиаско в деле расшифровки и отчасти испортил свою научно-административную карьеру. В те времена наибольшим вниманием пользовались ученые, чьи открытия могли принести пользу делу развитого социализма и, главное, быструю отдачу для отчетности и социальной рекламы. А с проклятыми камнями ничего подобного не получилось, место их извлечения осталось тайной, проверочную экспедицию слать было некуда, разве что по адресу «на деревню к дедушке Константин Макарычу» по выражению Ваньки Жукова из рассказа Антона Павловича Чехова.

Когда печальная истина открылась во всей неприглядности, для профессора Киреевского наступили трудные времена. Была назначена повторная экспертиза с включением специалистов из иных ведомств, и мнения экспертов разошлись. Добрая половина высказалась против подлинности минералов «от Ноля», была выработана объяснительная записка, гласившая, что камешки являются аномалией невыясненного профиля, промышленной и финансовой ценности не имеют, ко всему прочему в музее МГУ им отнюдь не место.

Тема была бесславно закрыта, Киреевскому попеняли, что он тратил казенные время и деньги на неоправданные прожекты, а спорные предметы вместе с документацией исключили из музейных запасов и отдали на руки оскандалившемуся ученому мужу. Мол, «делайте с ними, что хотите, товарищ Киреевский». Тем самым дали понять, что считают минералы нестоящим хламом, что было особенно обидно. Профессор Киреевский забрал провинившиеся камни и сделал с ними, что захотел. В музее о том знать не знали, забрал по описи и дело с концами. На таком драматическом моменте история профессора и камня прерывалась, ни на одном этаже Геологического факультета больше ничего не знали, и Наташа честно о том поведала.

Однако у меня в закромах имелось продолжение занятой истории камня и с окончанием рассказа Наташи Чистоклюевой громко запросилось на свет божий. Я сказала Наташе «гран мерси, дорогая, делай с материалом, что считаешь нужным, я не препятствую», но закромов отнюдь не открыла, хотя соблазн был велик. Но, увы, писать детективный сериал в духе «Ларца Марии Медичи» было рановато, вокруг толпились живые участники истории, помещать их в экспозицию стало бы некорректным.

Поэтому, как только за Наташей закрылась дверь, я бросилась к столу, где в ящике дожидалась очереди рукопись от Любви Марцевич. Интуиция подсказывала, что авторша должна упомянуть в отвергнутых научных сказках загадку исключенного из музея минерала, очень уж тема была завлекательна.

Тем более, Ванда напомнила, как я глумилась над текстом, все поминая роман «Бесы», где в философской пьесе прозаика Кармазинова принимал участие «оживший минерал». Сама бы ни в жизнь не вспомнила, но Ванда питала комическое почтение к моим талантам по части упоминания к месту и не к месту цитат из всего, написанного разумным человечеством, а также применения их замысловатым образом, иногда парадоксальным.

И вышло как по-писанному. Не успела я открыть и пролистать рукопись Любви Марцевич (которая, напоминая, пребывала в близком знакомстве с внучкой профессора Киреевского, Ольгой), как загадка минерала открылась на втором по счету рассказе. Прошу учесть, что загадка, а не разгадка! Не буду пересказывать сюжеты с метафорами, но ситуация обозначилась узнаваемо, именно там, где Наташа Чистоклюева не смогла выяснить в музее и обошлась общими фразами.

Из научно-мистического сочинения я, каюсь, взяла яркую метафору (о кибитке с ямщиком) к рассказу Наташи о непосильной расшифровке документа, приложенного к камням цвета «Потерянной зари» и вставила для наглядности, элементы сочетались просто идеально, что мне было невообразимо приятно. Что-то интересное начало складываться, еще бы понять, что именно! Во всяком случае «кибитка удалая» полетела на полной скорости, «взрывая бразды»!

Также в сочинениях Любы Марцевич нашлось место (правда, очень скромное) догадкам на тему, куда камень делся во второй раз. Точнее, куда делся, когда потерялся окончательно, то бишь сплыл из музея Киреевских с концами. Надо думать, над этой сложной частью мифологии потрудились внучка профессора Киреевского Ольга. О том, кстати, упоминал её супруг Кирилл Аврорский будучи у меня в полуночных гостях.

У Любы Марцевич сложилось убеждение, что камень сам попросился на место, откуда был извлечен. Далее по просьбе профессора Кнолле и в исполнении его ученика Киреевского, был передан гонцу, вроде бы потомку одного из ныне покойных Кнолле. Курьеру были вручены

камень и инструкция, куда нести «Зарю» для дальнейших коловращений в мире мистических откровений. Типа «в землю закопать и надпись надписать», чтобы в будущем камень всплыл и зажил по второму разу и по более осмысленному сценарию.

На этом история камня прерывается, но ненадолго...

Глава третья

1

Таким интересным образом я коротала полдюжины недель, оставшиеся до появления мальчика, не в работе, но и не в праздности, так серединка на половинку. Кроме того в нашей семейной жизни произошла драма, которую я почти не зафиксировала, но это вышло к лучшему.

Миша, бедняга, не выдержал испытания добродетелью и исчез на несколько дней, затем явился в состоянии крайней пристыженности, чего я постаралась не заметить, потому что отлично знала, где он находился. А именно у женщины, причем неподалеку, однажды он просто не дошел до двери и был завлечен на стезю соблазна одной из незамужних барышень в нашем подъезде. Соседи исправно доложили, но мне было фиолетово, мальчик активно появился на горизонте, только он меня и волновал.

Потому я рассудила, что Мишу можно понять, в некоторых отношениях я не могла соответствовать, а если не вернется, то нам с мальчиком он не нужен. А когда Миша пришел домой, говорить было особо не о чем. Ни с кем кроме подруги Веры я делиться не стала, она охала, возмущалась, но в конце концов одобрила мое скандальное отношение к семейным ценностям.

– Если ты так можешь, то, наверное, лучше всего, – рассудила она объективно. – Чего глаза не видят, о том голова не болит.

Но в один из вечеров, когда я не знала, вернется муж в семью либо нет, случился странный, но интересный звонок. Поначалу я не разобрала, кто желает со мною беседовать, женский голос был неизвестен, и я испугалась, что соседка решила закрепить обладание Мишей и будет объяснять, как они любят друг дружку, ввиду чего мне надлежало уступить права собственности.

Беседа с барышней стала бы отчасти неудобной. Если это была она, то я понимала, что она имела в виду, мне следовало зарыдать и выгнать Мишу поганой метлой, тем самым отрезав ему отступление из чужого дома. Пока я наскоро соображала, как ответить разлучнице, чтобы её не очень ободрять, но и не волновать лишнего, выяснилось что это вовсе не она!

Оказалось, что меня беспокоит Валентина Кабитаска, жена хирурга стоматолога, с которым я беседовала незадолго до того. Пока я освоилась с приятной новостью Валентина рассказала, зачем, собственно, она решилась позвонить. Потому что вспомнила эпизод из жизни общего знакомого, Сергея Козлова (вроде так его звали) и подумала, что мне будет интересно послушать. Если нет, то она просит извинения, входя в мое положение.

Я, понятно, сказала, что «да, да, спасибо, конечно интересно», при том наскоро вспомнила, что речь шла о недостоверном женихе Ольги Славич, поисками которого я была занята в последнее время, не вполне понимая, зачем я это делаю.

И вот что поведала Валентина Кабитаска. Тогда её звали по-другому, она проживала в том же доме, что и сейчас, только в другом подъезде. В обширном дворе дети и подростки знали друг дружку сызмальства. Поначалу гуляли во дворе все вместе, когда учились в начальных классах, потом, когда одна из ближних школ сделалась специальной, с изучением иностранного языка, то стало сложнее.

Валентина объясняла с трудом, но я поняла, что «68-мая школа – это было престижно, а «у трех поросят» – другое дело». «Тремя поросятами» звался гастроном неподалеку, к нему примыкала другая школа. Она сама училась в 68-ой и нынешний доктор Кабитаско тоже. А вот Сергей жил в странном доме с удобствами и телефоном на лестнице, он остался у «трех поросят». Поэтому они общались мало, хотя получалось ненамеренно.

И вот, во время обучения её в старших классах произошла странная встреча во дворе. Валентина шла под арку, сокращая путь, дорогу ей преградила девушка, стала спрашивать, как пройти в глубь двора, и знает ли она Сергея Конева, с ним летом произошло несчастье. Краем уха Валентина слышала, что летом Серега (прошу прощения) Скот оказался в больнице, его привезли из летнего лагеря в плохом состоянии, там что-то случилось. Когда девушки согласились, что имеют в виду одного парня, Аля расспросила, а девушка подробно рассказала. Она пришла каяться, хотя вины за собой не знала, однако считала, что должна навестить болящего.

В летнем спортивном лагере после танцев, во время которых Сергей ее часто приглашал, его позвал местный лидер по кличке Дьяк, наверное, фамилия была такая. И не говоря ни слова, нанес Сергею удар в лицо. Последствия были ужасными, Сергей упал замертво, из носа и ушей хлынула кровь, вызвали скорую, Сергея увезли в больницу, и больше они его не видели.

Больше, чем состояние пострадавшего Сергея ребят волновала судьба Дьяка – не пострадает ли он? Дьяк ходил в секцию вольной борьбы, имел разряд и мог лишиться спортивной карьеры, не говоря о худших последствиях. Вообще-то Дьяк был вполне мирным парнем, девочки его обожали, но за ней, Викой, он особо не ухаживал, лишь проявлял ненавязчивые знаки внимания.

Поэтому никто не знал, чем Сергей разгневал Дьяка. Вика полагала, что она не причем, но все равно было очень неловко, потому что Сергей сильно пострадал. По этой причине она пришла его проведать, с трудом узнала адрес на. Это заняло много времени, поэтому пришла так поздно, дело было поздней осенью.

Чем окончилась эта история, Валентина Кабитаска не знала, девушку больше не видела, но Сергей не вернулся в школу у «Трех поросят». После выздоровления он пропустил класс и учился далее в школе рабочей молодежи. И снимался в кино в массовке... Потом куда-то уехал, их дом вскоре сломали, жители получили новые квартиры в Матвеевском или на другой окраине города.

Выслушав рассказ Валентины, я поблагодарила, созналась, что вряд ли стану сообщать воображаемой подруге подробности, в особенности потому, что ту зовут Таней, и еще раз высказала признательность. В ответ собеседница проявила внимание, спросила, как ведут себя мои зубы имени Елизаветы Первой Английской и посоветовала дожидаться разрешения, лишь затем обращать на них внимание. (Но я не обратила... Е.М.)

После окончания долгой беседы возникло впечатление, что Валентина делилась давней информацией потому, что хотела оживить забытую драму для новой слушательницы, а вовсе ни в каких иных целях. О чем я должным образом сообщила Валентину и поделилась единственным моментом, зацепившим внимание. А именно, что все подряд звали жениха с кличкой Скот разными фамилиями. Что-то зловещее в этом просматривалось.

– Попрошу без преувеличений, – сухо отозвался Отче Валя. – Ну не нравилась фамилия Скотников, он искал замену, никак не мог решиться, поэтому перебирал варианты. Но не хотел придумывать Гиацинтова или Аметистова, склонялся к простоте. Похвальнее и изящнее.

– Как так? – спросила я, затем оформила удивление. – Почему он Скотников?

– Потому что по адресу одной сломанной хибары на Остоженке значилась в списках Раиса Скотникова с сыном Сергеем, – доложил Валентин с удовольствием. – Тоже Скотниковым вплоть до переезда, дальше следы теряются. В архивах перепутали, куда они делись, а Скотниковых в Москве не так уж мало, гораздо больше, чем у меня нашлось времени и желания. Но я займусь, честное дворянское слово, а ты отдыхай, пока есть время, потом не будет. Но все равно спасибо за толику информации, у нас выходит драма по первому разряду, во главе со Скотниковым-Аметистовым, не правда ли?

– Твоя правда, – я охотно согласилась со всем, и не стала поминать Кирилла Аврорского, вовремя вспомнила, что о нем другу Вале не докладывала.

Вскоре в дом вернулся Миша, и последние пара недель прошли под знаком прибывающего мальчика, которого мы согласились назвать Юниором, то есть Младшим. Не стоит думать, что я пошла на хитрость, желая закрепить мужа при семье, никогда не додумалась бы, честное слово. Меня о том попросила свекровь, объявившаяся по телефону. Оказалось, что Миша нашел время оповестить маму. Она проживала в одной из прибалтийских стран с мужем-капитаном, не переставала беспокоиться о сыне и отчасти запуталась в его нынешних браках. Весть об ожидаемом внуке придала ей решимости побеседовать с новой невесткой, в процессе она попросила назвать мальчика в честь своего деда, Михаила Эпштейна, известного театрального критика, пострадавшего в репрессиях 52-ого года. Совпадение профессий меня подкупило и я пообещала, если паче чаяния мальчик не окажется девочкой.

Но вот как передать то, что случилось после? Несомненно требуется отдельный формат. Слишком много событий сошлось в единстве времени и места, условный режиссер, устроивший данный перформанс, явно пребывал в безумии, а участники – в полной неадекватности. В особенности я сама. Помнится смутно, остальные остались в шоке, а Валька вошел в бешенство, из чего последовало...

2

Кошмары начались исподволь и поначалу носили чисто медицинский характер. В положенное время Юниор благополучно появился на свет, я любовалась им в родильном доме, мигом привыкнув к факту, что мелкий пошел в Мишу, и моего там практически ничего не проглядывалось. Однако мелкий черненький зайчик меня устроил, тем более, что мальчик выдался хорошеньким на удивление. Это выяснилось на третий день, ранее, он, как и все они, был на удивление страшненьким.

Я чувствовала себя отлично, и нас выдворили на положенный четвертый день в объятия мамы Марии Феликсовны, она взяла нас на попечение и распоряжалась последующие три дня. Мы с Мишей не сразу освоились с мелким, оба его слегка опасались, папаша в особенности. Казалось, что крошечное существо не выдержит неумелого обращения, потому мы во всем полагались на Марию Феликсовну. Но долг позвал её восвояси на четвертый день, папа чувствовал себя не очень, и мама отбыла, оставив инструкции по уходу за мелким.

Я успешно им следовала, но с кормлением наблюдались проблемы. Половина кормительного аппарата действовать не желала, молоко застревало и не выдавалось в положенной порции, как мы с мелким ни старались. Мама обещала, что дело должно наладиться, но случилось обратное.

В ночь вслед за маминым отъездом я проснулась от жуткой боли, постаралась заснуть, но не получилось... Тогда промаявшись какое-то время, я встала темным утром и приготовилась кормить Юниора, невзирая ни на что. Именно так советовали авторитетные источники. Мелкого я оставила в кроватке, сама пошла в ванную комнату готовить аппарат к употреблению. Помыла со спиртом, ощущая заметную боль, затем попыталась слить малую порцию по инструкции, но... В первую секунду боль пронзила насквозь, дальше я ничего не помню, тем же мигом на меня опустилась тьма.

Следующим моментом я слышала со стороны панический голос, затем разобрала слова. – Мария Феликсовна! Катя упала и лежит в ванной, приезжайте скорей! – говорил кто-то.

И действительно, я лежала на полу около ванны, а ноги почему-то оказались в коридоре. После я обнаружила себя на кровати, мелкий заливался воплем, потому что его держал Миша, а за окном наступало просветление. Еще через какое-то время возле кровати оказались Мария Феликсовна и незнакомая врачиха в белом халате.

– Ничего подобного, никакого воспаления, – толковала она. – Наверное, пневмония, судя по температуре, вот смотрите, грудь совсем мягкая!

Надо думать, дальше докторша сильно нажала, потому что боль пронзила опять, я впала в несознанию, из которой вывели слова той же тетеньки-врача.

– Смотрите, никогда бы не подумала! – объяснялась она с апломбом. – Созревший абсцесс, хорошо, что выход нашелся, не то лишились бы дочка, мамаша! Такие случаи сплошь да рядом, никто не догадывается, что надо срочно оперировать, пока не наступает летальный исход. Очень коварная форма. По правилам забрала бы её в стационар, но ребеночек слишком мал, не выдержит, пока мамаша оклемается. Если вы возьметесь делать процедуры и колоть антибиотики, то оставлю её дома. А папаша пускай учится с ребенком, ничего не поделаешь. Кормить она не сможет, идите на детскую кухню за питанием. Я вам врача pošлю уже сегодня, она выпишет.

Дальше я мало что помню, температура зашкаливала за сорок, Миша бродил по дому с мелким на руках, тот к нему привык и не верещал, мама ухаживала за лежащей дочкой, украдкой утирая слезы. Потом приехала кузина Ирочка и привезла иностранное питание для новорожденных, но все впечатления доходили до меня урывками. Единственное, что осталось в памяти, так это пронзительная как боль, жалость к мелкому, до него ни у кого не доходили руки, кроме Миши, а тот пребывал в растерянности, граничившей с ужасом. Надо думать, впервые в жизни он попал в такой переплет.

– Вот наша мама, – говорил он, подсаживаясь на кровать с мелким в руках. – Скажем ей «привет» и пойдем к бабушке за бутылкой, она нальет нам дозу. Потом спать.

Как оказалась, я вынырнула из беспометства на пятый день, мелкий лежал рядом, живой и благополучный, из кухни доносились голоса. Я осознала, что всё в норме, произошел сбой, однако справились без меня. Первой у постели появилась кузина Ирочка и сообщила, что очень рада застать меня в чувствах, а не без них.

– Потому что мы обсуждаем уже невесту сколько, что с вами делать, – пояснила кузина. – И ничего не можем решить. Настал семейный коллапс, сейчас объясню. Дядя Дима чувствует себя плохо, и тетя Маша разорвалась между вами, как волк, коза и капуста. Бросить вас нельзя, а дяде Диме всё хуже, в основном морально, что его все бросили. Кстати он сейчас здесь, лежит на кухне на диванчике. Но ночью там спит Миша, а тетя Маша здесь на раскладушке. И куда девать Мишу, если дядя Дима останется на ночь – понятия не имеем, мастерская у него накрылась, а на улице зима, между прочим. К тому же Миша у тебя образцовый отец и муж, держит и кормит мелкого, пока тетя Маша занята с тобой, а дядя Дима так не сможет. Он предлагает, дядя Дима, чтобы все ехали к ним в две комнаты, но Мише и там места не найдется. И вот я достала питание мелкому, обзвонила пол-Москвы и наняла фургон. Но это не важно, я привезла приглашение от мамы с папой. У них три комнаты, как ты знаешь, в одной мы со Славиком, пока у нас жильцы, во второй они, а в третью мы вселим вас вместе с Мишей. Тетя Маша может ездить через день или два, за вами мы чудненько посмотрим. И папа поможет, скажем, с парнями погуляет, и Славик привыкнет к братику с самого начала, это обоим полезно.

– Ирочка, змейка, – выговорила я с трудом, освоение реальности затормозилось ввиду её повышенной сложности. – Спасибо, конечно, тебе и маме, но неужели так плохо? Может быть, день-другой потерпим, а после я встану...

– Ага, встала одна такая, – поглумилась Ирочка. – Молчи лучше, ты тут на правах вещи, помнишь в «Жестоком романсе» девушка говорила «Я – вещь!»? И требуется уход, тебя, извини, в ванную водят и смотрят, чтобы часом не грохнулась, мальчика тебе никто в руки не даст. Но сейчас скажу, что ты согласна ехать к нам, тогда споры закончатся мирно. И мальчика вывезу наконец на улицу, погода вроде разгулялась, а ты скажи своим, что мы решили. Да, коляску возить не надо, у нас осталась после Славки, в чулане.

Спорить сил не было, я откинулась на подушку и решила отдаться на волю родичей, пускай они сообразят между собой. Тем более, что обдумать проблему с волком (Мишей?),

козой (папой?) и капустой (наверное, мы с Юниором) была абсолютно не в состоянии. Как много чего другого.

Ирочка понесла вести на кухню, оттуда явилась мама и начала было спорить, но Ирочка сказала, что сначала гулять с племянником – потом всё остальное. Миши, как оказалось, дома не было, что не мудрено, но мама с Ирочкой собрались и вывезли Юниора в коляске на площадку. После чего мама сводила меня в ванную комнату, где обнаружилось, что из зеркала смотрит нечто абсолютно страшное, особенно жутко выглядели свалявшаяся прическа и ввалившиеся глаза. С глазами ничего сделать было нельзя, но, вернувшись в кровать почти без сил, я спросила расческу и резинки, с тем, чтобы привести волосы хоть в какой-нибудь порядок до прихода Миши.

Папа встал с одра на кухне, принес требуемый материал и смотрел с удивлением, как я заплетала по всей голове сотню мелких косичек и скрепляла их резинками. При том папа не понимал, к чему такое излишество, но воздерживался от критики, сознавая, что дочка вернулась с порога небытия, и её надо прощать, даже в случае нерационального поведения и дурацких косичек.

Парикмахерская процедура без зеркала (просить папу принести я постеснялась) отняла оставшиеся силы, и на папины речи я не реагировала. По-моему, он жаловался на свое состояние и надеялся, что скоро всё станет на место, то есть желал мне скорейшего выздоровления, не то мама совершенно сбилась с ног, её следует поберечь.

К тому же папе не нравилось, что Миша иногда уходит, еще меньше нравилось, когда он приходил. Потому что приходил Миша не всегда в трезвом состоянии, и доверять ему внука было чистым безумием. Тем не менее... К счастью диатрибы по адресу Миши были прерваны звонком в дверь, и папа пошел открывать, заметив по дороге, что нелюбимый зять, наверняка опять забыл ключи.

Не могу припомнить, сколько прошло времени, но в следующий момент вместо папы ко мне вошел незнакомый человек необычного вида. В пальто до пят, со спутанной гривой полуседых волос, маленького роста и крепкого сложения, с пронзительными светлыми глазами. Подумалось, что наверное, я задремала, и это грезится.

Пришелец, не говоря ни слова устался на мою прическу в стиле Медузы Горгоны, и так протянулось какое-то время. Я не знала, стоит ли заводить беседу с вероятным глюком, а он, надо думать, наслаждался редким зрелищем.

– Где он? – в конце концов спросил пришелец, налюбовавшись всласть.

– Не знаю, – ответила я, полагая, что приснившийся гость интересуется Мишей. – Я спала, когда он ушел.

– Ты мне зубы не заговаривай! – потребовал пришелец агрессивно. – Как он ушел, когда ему от роду неделя?

Я не нашлась с ответом, поскольку уверилась в нереальности происходящего, но расположилась на подушке удобнее, хотя по правилам полагалось себя ущипнуть.

– Куда дела ребенка, стерва? – спросил глюк, наверное, в пояснение предыдущего вопроса.

– Он гуляет, – ответила я чистую правду, потом обозрела бешеные глаза глюка и добавила объяснение. – С кухней, я сама, как видите, нездорова.

– Зачем косы так заплела? – спросил глюк в положенном ему стиле. – Что это значит?

– Ничего особенного, – пояснила я. – Пока я лежала...

– Если врешь, то..., – прервал меня безумный глюк, но тут в комнату вошли папа с мамой, по всей видимости, помогла хорошая слышимость в квартире.

– Что вам надо? – спросил папа грозным тоном.

– Вы видите, Катенька больна, – начала мама. – И кто вы такой?

– Меня прислали сказать, что... – призрачный гость опять не успел объясниться, потому что на пороге комнаты вырос Миша собственной персоной, надо полагать, вошел в квартиру с ключами и незаметно.

Пришелец обернулся, осенил себя крестным знаменем и произнес более, чем странное приветствие.

– Прости, хозяин, – сказал он. – Обознался, сказали, что она ребенка спровадила, я тогда...

– Мужик, ты ошибся квартирой, – мирно сказал Миша, взял гостя под локоть и почти понес из комнаты. – Из какого стационара ты взялся, скажи, я им дам чертей.

(Не надо забывать, что в прежние времена Миша служил санитаром в скорбном доме, я даже знала в каком, отсюда проявленные навыки.)

После того, как за гостем и Мишей захлопнулась входная дверь, папа с мамой не вовремя сцепились на тему, кто впустил жуткого типа и позволил напугать больную девочку до беспамьяства. Папа заявил в ответ, что посчитал пришельца знакомым зятя, и, может быть, не очень сильно ошибся, тот пошел с Мишей, как ягненок.

Мама нашла повод возразить, но я не вслушивалась, потому что срочно разбирала сложную прическу. Хватило того, что Миша увидел её единожды, и, может быть, не запомнил впечатления. Хотя, если ему сразу пришла на ум служба в дурдоме... Миша вернулся довольно скоро, с шумом снял ботинки в прихожей, прошел к моему ложу в носках, присел на край постели и высказался.

– Всегда знал, что религия – опиум для народа, причем очень вредный, – заявил он веско. – Предлагает слишком простые объяснения для всего, а когда крышу сносит, то просто караул!

– Причем тут религия? – спросил бывший атеист папа Дима, вступившись за новые убеждения мамы Маши, та обратилась довольно энергично вместе с половиной населения.

– Насмотрелся на психов, когда служил санитаром, – без предисловий объяснился Миша, предки вошли в ступор, а супруг продолжил речь. – А этот успел сказать, что ребенок от дьявола, и ты его выбросила. Он пришел убедиться и наказать за все. Скажете, полезно верить в дьявола? Правда, он принял меня за него, это оказалось полезно. И не возражал, когда я выбросил его самого и пообещал гораздо больше, если вернется. Определенно наш клиент, но не совсем пропащий, способен к одноразовым выводам. Кто его впустил? Явный же псих...

Папа счел нападение лучшей защитой и повторил навет о знакомстве Миши с разной публикой, мама приняла нейтральную позицию, только повторяла, как все испугались, особенно Катенька, а где Ира с мальчиком? Неужели Миша оставил их на милость сумасшедшего с вредными идеями? Тут заволновались все, включая меня, и Миша срочно побежал во двор. Мама выскочила на кухню смотреть в окно и быстро всех успокоила, потому что обнаружила там Ирочку с коляской, потом узрела Мишу рядом с ними. На самом деле переполох получился отменный, и я вернулась в состояние беспамьяства. Скорее всего...

Потому что по возвращении Миши попросила набрать Вальку и дать мне телефон, что-то повело в этом направлении, в мотивировках затрудняюсь до сих пор. Миша исполнил просьбу, но сообщил, что Валентин пару раз звонил на днях, но его не давали, говорили, что Кате очень плохо, она в лихорадке. Валька выяснил, что болезнь имеет натуральный характер и обещал связаться, когда Катя придет в себя.

К моему недоумению, разговор с бывшим компаньоном не удался, я не смогла связно изложить происшедший эпизод, пришлось дать трубку Мише.

– Я сейчас подъеду, – доложил Валентин, когда трубка ко мне вернулась. – Если ты не совсем умерла умственно, то дотумкаешь. Верните парня с улицы и не отпускай инкуба, он полезен.

– Сам ты инкуб, – сказала я на прощанье, не подумав, потом долго толковала папе с мамой, что таков наш профессиональный сленг.

Не объяснять же им, что Валька имеет гадкую привычку именовать Мишу указанным титулом, и отказаться от клеветнических кличек не может или не хочет. Миша тем временем вновь вышел из дому и вскоре привел Ирочку с мелким. Юниор всех отвлек от странной действительности, мне его дали подержать, что отвлекло тоже.

Когда приехал Валентин, он застал домашнюю идиллию в полном разгаре, одобрил вид и ухоженность Юниора, потряс руку Мише, раскланялся с предками, сходу перепутал нас с Ирочкой, извинился за сказанный ей комплимент, затем выставил всех на кухню и велел не возвращаться, пока он не скажет. Папу пришлось уводить под руку почти как психа, а мама шла следом и выговаривала Мише за согласие это произвести.

– Ну что, прелестное дитя, довольна? – спросил Отче Валя, не осведомившись о моем здоровье. – Навела шороху на всех, теперь не вздумай нас покинуть, это будет провокация. Если всё же надумаешь, то покайся прямо сейчас: копала, где не следует?

– Валя, ты о чем? – спросила я почти искренне, псих мог оказаться случайным.

– А то не знаешь? – строго спросил Валька. – Сейчас напомним, только без фокусов, лежи и смотри! Получено по почте неделю назад, не хотел тебя волновать, потому что сказали, что и так дышишь на ладан.

С этими словами Валька порылся в ручной сумке, вынул оттуда конверт, затем открыл и преподнес на обзор открытый документ. В очередной обморок я не упала, наверное, потому что лежала пластом. Документ опознал, как паспорт старого образца на имя Ольги Славич, а по нижнему краю был пропитан темной жидкостью со смазанными ржавыми краями.

– Анализ сделал, – сказал Валентин с отвращением. – Человеческая кровь второй группы многолетней давности. Никому ничего не сказал, потому что понял сообщение.

– Кому? – спросила я, скорее наобум, документ заворачивал.

– Думал, что мне одному, мол зашел далеко, остановись, – признал Валька. – Очень веско и ни к чему не прицепишься. Правильный расчет на дялгу типа меня, мол, деньги того не стоят. Но твой псих – это иное! Имели в виду запугать до печенок и вовсе не меня.

– А если совпадение? – спросила я без интереса.

– Бывает раз в тысячу лет в плохой литературе, – так же сухо заметил Валька. – Давай, колись, не тяни, голубка, что и где искала? Кроме всего плохого, есть и хорошее – нас пока пугают, точнее отпугивают. Впечатляет, не спорю, но очевидные дилетанты. Серьезные люди прислали бы в «Аргус» переговорщика и выразили мысль точнее.

– Мысль? – спросила я почти без осознания. – Какую?

– Да, крошка, ты совсем плоха, как я посмотрю, – заметил Валька. – Что умерла давно ваша Ольга Славич, не стоит искать. Тебе выслали предупреждение, знают, где ты живешь с семьей, ничего личного, только бизнес. Потому имею срочный вопрос и повторяю: кто у тебя здесь был и что сказал? У этого кого-то испорченное воображение, его самого следует предупредить без особых церемоний.

– А Мельники? – спросила я зачем-то. – Им-то что сказать?

– Черт с ними, потом подумаю, – сказал Валька. – Итак?

– Кирилл Аврорский, муж Ольги Киреевской, был у меня сразу после нее, сказал, что Ольга Славич с женихом унесли ценный камень из коллекции, – добросовестно припомнила я. – На даче...

– Дальше! – потребовал Валька.

– Послала искать по наводкам, – созналась я. – В музей МГУ, узнать про камень.

– Нашла? – осведомился Валька. – Делилась с кем-нибудь?

– Ничего подобного, слухи, домыслы и догадки, – честно сообщила я. – Чем делиться?

– Хрен с тобой, золотая рыбка, – резюмировал Валька. – Теперь отдыхай. Тебя отсюда надо эвакуировать вместе с парнем, инкуба можно оставить на страх врагам, а я потолкую с этим Аврорским по-свойски. Пока лежи, сам организую ответную акцию, и вообще валила бы ты отсюда подальше рисовать страшный суд Бог знает куда. Тут за тобой не уследишь, даже при смерти ухитришься всех поставить на уши.

– Спасибо, Валя, ты настоящий друг, – сказала я, затем, скорее всего впала в забытие, потому что ничего существенного не помню.

Очнувшись к концу дня, светило низкое зимнее солнце, а Ирочка собирала нас для перевозки к тете Рите и дяде Славе. Они тоже оказались у нас, папы с мамой уже не было, зато был племянник Славик, сын Ирочки. Он сидел с телефонной трубкой в руке и названивал по произвольным номерам, при этом иногда осведомляясь: «финьское молоко есть?». Пару раз он клал трубку в кровать к Юниору, наверное, полагал, что «маленький мальчик» тоже нуждается в развлечении, не только в «финьском молоке».

Даже в неосознанном состоянии я догадалась во-первых, как Ирочка доставала пропитание для мелкого, а, во-вторых, что патриархальная расширенная семья уже состоялась, и сейчас поедет в полном составе на новую квартиру. Однако причины отодвинулись от следствий далеко, и о них я довольно долго не вспоминала.

Пока нас устраивали у тети Риты с дядей Славой, пока я медленно вставала на ноги и заново училась обращаться с Юниором, включая кормление «финьским молоком» в присутствии племянника, который давал советы и хотел попробовать и то и другое. То бишь желал давать мелкому бутылку, потом претендовал на свою долю и жаловался, что «парень опять всё выжрал, его можно из колонки заправлять...». Последнее выражение для Славика было внове, и я справедливо полагала, что набрался он от Миши. Существование в расширенной семье имело подводные камни и к ним следовало адаптироваться.

Тем временем Миша при помощи Ирочки развил бурную деятельность на ниве Страшного Суда и нас туда практически наладил. Меня никто не спрашивал, документы делались без моего участия, билеты в Лиссабон оформились с детской подвесной кроватью, мелкого обследовал врач и признал пригодным к путешествию. Со мной были проблемы, пришлось написать отказ от медицинского совета и принять ответственность на себя, причем от Миши потребовали такую же бумагу, полагая, что я не вполне в сознании. Что соответствовало действительности.

Так прошло почти два месяца, и мы собирали чемоданы, не возвращаясь к обычному месту обитания. Там бывал Миша, он устроил себе временную мастерскую, Ирочка обещала прибраться после нашего отъезда, объяснила, что мне лучше этого не видеть.

Тем не менее, пришлось. Практически перед отъездом, дней за десять, возник Валентин. Я уже бодро передвигалась по городу, и друг назначил свидание в «Аргусе». Меня с трудом отпустили на пару часов, я прибыла на метро, что стало незабываемым приключением, в конторе меня поздравили, поспрашивали о состоянии нашего с Юниором здоровья, пожелали доброго пути и нескорого возвращения в отечество.

После торжественной части Валька завел меня в бывшее пристанище на ниве семейного утешения, теперь там расположился архив с секретариатом, но был временно удален.

– Попович объяснился, можешь читать рапорт, – объявил Валька, как только за помощницей Юлей закрылась дверь. – Но желает извиниться лично перед тобой.

– А кто это Попович? – вырвалось у меня. – Напомни, пожалуйста, Валя.

– Не обессудь, крошка, – сказал Валька, уселся в чужое кресло, усадил меня в бывшее мое и стал рассыпаться в извинениях. – Забыл, аз грешный, что с тобою намерен случилась клиническая смерть, после нее, понятно, произошли необратимые изменения. А я, болван, зову тебя для какого-то совета, извини, больше не буду, сам разберусь. Имел в виду мужика с поповской фамилией.

– Тыфу на тебя, гадкое существо! – ответила я как можно более веско. – Уже и поболеть человеку нельзя, начинаются придирки и вздорные фантазмы. Я вспомнила сама, псих приходил, пока я лежала, и ты решил, что Аврорский зачем-то его послал меня пугать. Мы на этом остановились, я помню точно. Но почему именно Аврорский – не поняла, извини великодушно. Помню, что он был похож на переодетого на деда Мороза, приходил вслед за женой Ольгой и рассказывал байки про украденные ценности. Зачем, собственно, ему меня пугать? Ты не часом не ошибся?

– Нет, ни в коем разе, он написал рапорт, – коротко ответил Валентин, затем распространился. – В котором нагнал путано и многословно, желательно разобраться, когда он станет извиняться за психа. Признал, что это было непростительно, но не знал, что ты в горячке, иначе ни в коем случае не послал, гуманность ему бы не позволила. По отношению к психу. Тот после посещения тебя стронулся умишком радикально и...

– Извини, Валя, ты меня утомил, – напомнила я. – Напиши рапорт, пошли по почте в город Лиссабон, святым отцам для передачи в мои руки, пусть сами почитают. У меня билеты и визы, коляска в отдельном багаже и прочие трудоемкие задачи. Если ты намерен морочить голову, то я пошла восвояси, пока!

– Какая ты стала нетерпимая, – укорил друг Валя. – Тем не менее от тебя нужен реальный совет, как быть с Мельниками, они твои клиенты, или как? Аврорский признал, что не знает до сих, жива подружка жены или нет, нам бы сверить показания. Будешь читать рапорт или дождешься, что он сам доложит?

– А что написал? – я намеревалась пойти по легкой дорожке. – Как насчет пересказать?

– Написал, что отправили девку в больницу, истекающую кровью, – со вкусом ответил Валентин. – А оттуда она сбежала, когда оклемалась. Или нет...

– Однако, – признала я машинально. – Как-то оно...

– А я тебя зачем зову? – воззвал Валентин. – Давай расскажу предисловие? Ну вот. Ушел от тебя в состоянии озадаченности, нашел шутника и сказал ему пару слов. Насчет того, что жена Ольга будет счастлива выслушать вопросы из милиции и от тети Марты Славич. Конкретно, откуда взялся паспорт Ольги Славич в таком интересном виде. Прибавил, что после посещения гонца ты съехала вместе с семьей в недоступное место и оттуда шлешь привет.

– А сам говорил, что я шантажистка, – заметила я. – Не лучше ли так и сделать, пойти в органы, отдать паспорт и сдать Аврорского?

– Бездоказательно крайне, – ответил Валька. – Паспорт у меня, психа ищи-свищи, они не свяжут и пошлют подальше, сто пудов. Слушать будем?

Я согласилась и выслушала содержание рапорта от Кирилла Аврорского, оно сводилось к двум пунктам, одному фактическому, второму, скорее мистическому. Факт состоял в том, что они с Ольгой Киреевской отвезли Ольгу Славич в поселковую больницу после неудачного криминального аборта и оставили на пороге, поскольку в то время действовали негуманные правила. А именно, что пострадавшая должна назвать исполнителя, иначе лечение не принималось. Они загодя решили дождаться критического момента, когда промедление станет смерти подобно, и, скорее всего, перестарались. Ольгу везли на машине Аврорского, кровь лилась рекой, в последний момент он забрал у девушки паспорт и положил её к дверям в состоянии отключки.

Ольга Киреевская сама была в шоковом состоянии, наутро потребовала узнать, как там подруга, он поехал в поселок, звонил в больницу из автомата, но безуспешно, ему ничего не сказали, зато запросили сведений, кто он такой. После чего Аврорский несколько раз принимался узнавать окольными путями, уже из Москвы. В больнице, как водится, оказался полный бардак, они перепутали все на свете, сначала сказали, что жертва самоубийства умерла на следующую ночь, потом признали, что одна девушка умерла, другая сбежала, как только пришла в сознание. Фамилий не называли. Он полагает, что сбежала Ольга. Надо думать, что сбежать

ей помогли. Аврорский толкнулся по адресу на Остоженке, там выяснилось, что жених на днях уехал с концами. Все сходилось, Аврорский успокоил Ольгу, и практически сразу обнаружилась кража. Тогда стало понятно, почему Ольга не давала о себе знать.

Мистический элемент объяснения заключался в невозможности для Ольги Киреевской иметь детей. Они старались, но тщетно. Со временем Ольга стала полагать, что это наказание за проступок против беременной подруги. А когда увидела сотрудницу «Аргуса» накануне родов, то пришла в паническое состояние, ситуация показалась ей знаковой, и все такое прочее. Она почти выпала из реальности, и любое развитие по этому делу причиняло ей моральные страдания. Невозможно допустить, чтобы её начали доставать вопросами, а беременная девушка из «Аргуса» начала расследование чужими руками. В музей имени Киреевского пришла весть, что в МГУ кто-то интересовался историей «Потерянной зари», откуда до Ольги было рукой подать. Тогда Аврорский решил нас остановить любым способом, кроме, конечно, заведомо криминальных. Он сознался, что ненормальный сосед с визитом на дом родильнице был плохой идеей, за это готов извиниться и объяснить, хотя, судя по всему, основной вред был нанесен соседу.

– Это я уже слышала, – я прервала Вальку на полуслове. – Теперь чего ты хочешь от меня?

– Если убрать «теперь», то мы пришли к «Руслану и Людмиле», он еще «с презрением оглянувшись, браздами удержал коня и с гордым видом усмехнулся», – заметил Валька. – Отрадно, раз появился Александр Сергеевич, значит, с тобой можно иметь дело.

– So what? (Ну и что?) – спросила я по-английски, чтобы избежать нечаянной цитаты.

– Не надо со мною по-иностранному толковать, все едино не понимаю, – Валька предупредил, после чего заявил, не моргнув глазом. – Зовем поповича к тебе еще раз, пусть делает признания в знакомой обстановке, надо кое-что прояснить. Вся женская часть для меня темный лес, если он врет, то безнаказанно, консультантов у меня нету кроме тебя и Марины, а она замучает вопросами. Пусть расскажет подробно по криминальный аборт, потом сравним показания с впечатлениями. У нас козырь – жена Ольга в тяжелом моральном состоянии, пусть её побережет, расскажет сам.

– А нам зачем? – я и не поняла, как включилась в работу.

– Для Мельников, – лаконично поведал Валька. – Я не сообразил, что им сказать. Или оставить все как было, потому что пользы никакой, кроме вреда. Или девушка жива и скрывается, или она давно умерла. Кто мы такие, чтобы идти дальше? Тем более, что ты уезжаешь почти с концами. Дело надо закрывать так или иначе. N est pas? То бишь, или как? Если по-французски...

А сам хвастался, негодяй, что не говорит по-иностранному.

3

Как и следовало ожидать, друг Валя меня уговорил, а я проявила слабодушие с любопытством пополам, хотя какого дьявола мне это было надобно? Тем не менее...

Тем не менее через пару краткосрочных дней я попала к себе на квартиру, вновь отпросившись у Ирочки с мамой от Юниора и сборов. Кузина честно предупредила, что меня ждет шок и стресс, но полагала, что дело хозяйское, хотя и не вполне внятное. Всё, связанное с работой на ниве розысков и утешений отходило в прошлое, зачем морочить себе голову – неясно и вредно. Но если очень хочется, то можно.

Квартира за время моего отсутствия заполнилась до краев эскизами к Страшному Суду, хорошо, что не цветными, еще лучше было то, что силы ада не являлись воочию. Всяческие души летели, ветром гонимые и потоками носимые в воздушные и ледяные воронки, на них сверху взирали лица, глаза и улыбки разной степени искренности. У Миши явственно наметился тупик в изображении сил добра, они получались гораздо хуже, чем силы зла, которые

очень выразительно подразумевались. После я заметила, что добро тоже лучше скрыть по правилам симметрии, и Миша был благодарен за совет, тупик раскрылся.

Однако в момент истины, явленной Кириллом Аврорским, лицемерное сожаление об участии летящих к чертям грешных душ смотрело со стен шокирующим образом, гость отчасти смущался и сбивался под мнимо благосклонными взорами с небес.

– На самом деле я не сказал ничего кроме правды, – сообщил гость для начала, пригубив рюмку коньяка из бутылки, принесенной с собой. – Хотя не всю правду и не полную правду, что понятно в моем положении. И вашем... Но я добросовестно вычислил, когда вы будете готовы, даже дозвонился сюда, художник сказал, что вас с ребенком выпишут через пару дней. Тогда я сказал соседу, что родился нежеланный ребенок, и мать намерена оставить его в роддоме. У него в молодости была трагедия, молоденькая подружка бросила ребенка, ей было пятнадцать, родители обещали засудить за соvrащение, с горя он запил, тронулся рассудком и до сих пор не оправился от потрясения. К вам он пошел отговорить, ничего больше. Я посчитал, что его появления будет достаточно, чтобы вы забыли о нас, кроме того послал в контору паспорт второй Ольги, чтобы стало ясно. Ваш шеф объяснил, что это была ошибка, связываться с вами. Действительно, сосед вернулся окончательно не в себе, твердил чушь о ведьмах и дьяволах, их вроде вызвали, связав волосы в шнуры. Пришлось его отправить на внеочередной сеанс китайских иголок, мужику мерещилась нечисть, мать меня прокляла. Это её сосед, со старой квартиры, она заслуженный врач республики.

– Все это очень интересно, особенно насчет республики, – не совсем удачно начала я, признаюсь. – Но родные Ольги Славич хотят знать, куда она делась, поэтому я бы выслушала исправленную версию. Какая вам известна, желательно без умолчаний, родственники волнуются.

– Ну, им тоже кое-что известно, о чем я умолчал в тот раз, – путано и многословно начал Кирилл Аврорский. – Вам и фирме они морочили голову, во всяком случае мамаша отлично знала, что дочка беременна, и отправила её на аборт, как нечего делать. Сказала, что не допустит никакого брака, тем более проживания в её квартире. Если не послушают, то будет размен площади, дочке с семьей – комната в коммуналке, и пусть живут, как хотят, на повышенную стипендию, от мамы – ни копейки!

– Однако, вы в курсе, – обронила я небрежно. – Тогда можно чуть подробнее? Это мамаша отправила Ольгу на криминальный аборт? Тогда как она оказалась на даче?

– Вам интересно? – нашелся Аврорский. – Тогда извольте. Я в курсе, потому что моя бедная Ольга пересказывала историю много лет подряд, в зубах навязло. А мне пришлось участвовать в следующей фазе. Дочка пошла в обычную клинику на аборт, поплакала и пошла, но там с ней обошлись сурово, как с преступницей, а одна нянька или медсестра, не помню, подбила её сбежать из абортария и рожать, не то будет непростимый грех. Но если родит всем назло, то никуда не денутся. В клинику Ольга пришла вечером, с вещами и паспортом, а в ночь сбежала с помощью религиозной фанатички, та выдала одежду и открыла запасную дверь. Приехала к моей Ольге в истерике, плакала, и твердила, что все образуется, если они будут стоять на своем. Тут меня позвали, чтобы отвезти на дачу вместе с чертовым женихом, его тоже ни о чем ни спросили. Мы оказались сбоку припеку, но хлебнули по полной. Матери она дозвонилась уже от нас, приняла дозу для храбрости и заявила, что знать не хочет злую ведьму, уедет к черту на рога и никогда не вернется. Та пусть подавится своей квартирой, потому что никогда не увидит дочь и внука! Всё было лишнее, ведь хотела дурочка другого, но не сдержалась.

– Мерси, теперь многое стало ясно, – проговорила я скорее себе. – Вот почему мать мешала поискам, как могла, родственники были не в курсе, что дочка беременна. Сознавала свою вину, но обнародовать не хотела, слишком круто получалось: мечтала, что муж к ней вернется, он как раз ушел, но понимала, что при зяте и младенце – ноль процентов вероятности.

– Ах вот оно что, – сказал Кирилл Аврорский. – Понятно, но не похвально, вы правы. Клубок у них вышел еще тот, с надрывами со всех сторон. И жених Ольги тоже себя не оправдал, хотя его можно понять отчасти. Это следующий этап надрывов, как в «Братьях Карамазовых», там был «надрыв в гостиную», а у нас – на даче.

– Жизнь коротка, классика вечна, – согласилась я с уважением к начитанности гостя.

– Так вот о женихе, – продолжил отчасти польщенный Аврорский. – Парня можно понять, хотя оправдать труднее. В его милом возрасте перспектива обзавестись семьей без крыши над головой и средств к существованию радовать не могла. Если вы помните у Стендаля сказано, что «любовь физическая – когда вам шестнадцать лет, и молоденькая крестьянка убегает от вас в лес», а малому едва исполнилось восемнадцать. И такая, с позволения сказать, любовь никаких обязательств не предусматривает. Лично я, если уместно заметить, испытал это высокое чувство на военных сборах после сельских танцев в каком-то амбаре, сняли ватники, и девица наглядно объяснила, что к чему, дальше – спасибо, до свидания! А наш дурачок влип с девушкой, пришлось делать вид, что хотел именно этого. Но надолго его не хватило.

– Надрыв с криминальным абортom? – предположила я.

– Если вы все понимаете, то будем ближе к делу, – ответил Аврорский. – Не было никакого криминального аборта, была неловкая попытка подправить чудовищное законодательство. Аборт был разрешен до 12 недель, дальше – по медицинским показаниям, а время было упущено. Когда бедная девка поняла, что жених не очень рад, тянет с женитьбой, далее вообще исчез с горизонта, то время оказалось упущенным. Я ничего не знал, моя Ольга открылась с запросом, что подруга передумала, и никакого выхода у нее нет, надо срочно прерывать беременность и возвращаться в институт и домой к маме. Мне было поручено найти способ, тем более, что мать заслуженный врач республики. Я попробовал отговориться, но не вышло, Ольга сказала, что подруга в отчаянье, если ей отказать, то произойдет непоправимое, поход к подпольной акушерке или прямое самоубийство. И вот я пошел к матери и сделал сообщение: ребенок не мой, а делать что-то надо, денег у девок нет, предприятие получается на одном энтузиазме. Мать вздохнула, но выдала рецепт. Буквально и фигурально. Буквально – на импортный препарат, он спровоцирует выкидыш, а фигурально – адрес больницы, куда можно поехать, там зафиксируют начало выкидыша и сделают, что надо по медицинским показаниям. Но упаси бог, кто-нибудь проговорится о лекарстве или узнают, откуда взялся рецепт. Тогда – уголовное дело на всех замешанных, на мать в том числе. Сам поехал к черту на рога, в город Подольск, там в больнице выдали препарат, рецепт оставили себе и заверили, что всё зафиксировано, чтобы никаких случайностей. Но посоветовали перед применением принять очень горячую ванну и хлебнуть спирта, иначе может не подействовать, если беременность первая. «Смотри, парень», – тетка честно предупредила. – «Лучше женись, чем так рисковать. Прикрывать никто не станет».

На этом моменте повествования я отпросилась на перекур, пошла делать кофе и далее согласилась на рюмку. Действительно, кормление Юниора закончилось, не начавшись, в этом смысле я была свободна, могла предаваться любым порокам на выбор.

К тому же история, поведанная гостем, отозвалась болезненно. По забытой системе Станиславского я поставила себя в предложенные обстоятельства и чуть не взывала в голос. Вот если бы двадцать лет назад, даже десять, и даже сейчас... Если бы решение о рождении ребенка я принимала не сама, и если кто-либо смог выставить условия, как Марта Славич дочке – то что? Если бы ни квартиры, ни работы у меня не было, а Миша вел бы себя, как он себя и вел, имея в виду соседку, скажем? Совсем недавно родные и близкие плясали вокруг нас с Юниором, всё закончилось хорошо и семейственно, а если бы подобная ситуация возникла летом, если бы я просила, а не сделала сообщение в уведомительном порядке?

Пережив, по примеру умной Эльзы, несостоявшиеся напасти, я вернулась из кухни, налила гостю кофе, он налил мне рюмку, и я отметила, что к беседе он готовился неплохо.

Простудировал классику, чтобы мне угодить, сумел применить систему Станиславского и тем завоевал симпатии к Ольге Славич.

– Спасибо на добром слове, я вовсе не это имел в виду, – отпарировал гость, заметивший подначку. – Хотелось обратить внимание на личные обстоятельства. Понятно, что я предпринял уголовно наказуемые деяния из симпатии к другой Ольге, у меня сложились определенные планы. Мать Ольгу одобряла и поняла, что в случае отказа мало что светит. Кстати, так и случилось, ужасная история сблизила нас с Ольгой, после этого вопрос будущего был только в оформлении. Я заплатил дорогой выкуп за невесту, со временем она догадалась.

– Простите, я отвлекла, пожалуйста, дальше, – попросила я, спрятав эмоции в карман.

– Дальше – гораздо хуже, – сознался Аврорский. – Я привез на дачу препарат, две жуткие таблетки до ванны и спирта, две после. Ванны на даче не было, повезли Ольгу в сельскую баню, запихнули в парную, оттуда ее вынесли за руки и за ноги, сердобольные тетki объяснили, что девушка сомлела. Одевали всем миром, вели под руки до машины, неприятное обстоятельство. Дальше пошло еще страшней. После второй дозы таблеток и стакана коньяка очень долго не было ничего, потом она вдруг закатила глаза и пролепетала, что очень плохо, скорее в больницу... Пока опять одевали и собирали, увидели, что началось нешуточное кровотечение, даже мне стало страшновато, на сидение пришлось подложить клеенку. Выехали со двора, и тут я понял, что до Москвы и указанной больницы мы ее не довезем, тем более, на дорогах снег и гололедица. Труп нам с матерью был ни к чему, я повернул назад, припомнил, что на въезде в город на отшибе стояла поселковая больничка, убогая, но все же, скорые помощи там стояли в количестве двух. Туда и тронулись, но не доехали, кареты стояли во дворе не просто так, дорогу почистить никто не догадался, на моей легковушке подъехать вообще невозможно. Остановился на углу у забора, вынул Ольгу из машины почти в беспамятстве, отнес к боковой двери, посадил на порог, позвонил в дверь и сказал на прощанье, что она никого не знает и не помнит, иначе всем тюрьма. Она кивнула и отдала паспорт из кармана куртки, на него уже натекло. Вернулся в машину, сказал Ольке, что отвел и доставил, рванул с места и поехал в Москву, не заезжая на дачу. Ольга была в истерике, лепетала, что если подруга умрет, то все виноваты, а мы с нею больше всех. Привез её к нам, мать только ахнула, потом сказала, что надо было все делать в Москве, а не на даче. Но поздно...

Дальнейшая беседа с Аврорским пошла гораздо хуже. Я толком не знала, что спросить, а гость путано и одновременно излишне подробно толковал, как он пытался выяснить, что стало с Ольгой Славич. В сельской больнице он показываться не решался, по телефону ничего не отвечали. Первые двое суток они ждали звонка от второй Ольги, но она никому не звонила, зато ее мамаша требовала возвращения дочки и грозила всем милицией по вздорному поводу, что Ольга что-то вынесла из дому. Через три дня поехали на дачу, Ольга имела надежду, что подруга придет обратно, а Кирилл думал, что ближе к месту действия он сможет узнать больше. Вместо того обнаружили кражу из музея и не смогли взять в толк, когда она состоялась, до отъезда Ольги в больницу или после.

Относительно прибравшись в доме, они отправились к единственному знакомцу в поселке, то был истопник Алик. Он вел себя вызывающе, делал намеки, что в курсе, куда делась девушка, Кирилл мигом заподозрил его во взломе музея и краже ценности. Вполне резонно, если парень догадался, как обстояло дело, то никто ему не мешал открыть дачу запасным ключом, взять, что приглянулось и в ус себе не дуть. Никто на него не заявит, у самих рыльце в пушку. Кирилл освоил ситуацию, объяснил, что дача обокрадена, но воры полные идиоты, взяли то, что не представляет никакой ценности, кроме научной. Но за возврат можно заплатить, если Алик что-то узнает, то получит комиссию. И за конкретные сведения о девушке ему тоже зачтется, если он сможет узнать на месте. До этого парень намекал, что он отчасти вхож в больницу через медсестру местного происхождения.

В этой точке рассказа началась невнятица и чересполосица. Кирилл Аврорский путано повествовал, а я не могла установить свои эмоции – хочу я знать или нет, «ибо во многом знании есть много печали». Для меня во вторую очередь, а, главное – для Мельников и для Марты Славич. Кто меньше знает, тот лучше спит, и кому решать? На самом деле лучше не знать просто ничего.

Одно дело, когда у тебя на просмотре детектив – любопытно знать, чья вина, и где труп, не правда ли? Но в конкретный момент я поймала себя на том, что знать отчетливо не хочу, меня, как Аврорского, устраивало любое предположение и неизвестность. Больше всего хотелось, чтобы в этой истории всё произошло, как было заявлено. Ольга на всех обиделась, однако никого не выдала и сбежала из больницы, как встала на ноги. Куда и с кем – неважно, главное, что знать никого не хотела, отчасти потому, что прихватила с собой ценность, то ли в отместку, то ли в запас.

Больная точка в этой истории, как ни странно, распространилась и на меня, я как бы вступила в круг посвященных, которых одинаково тяготит тайна, однако выяснять – себе дороже. Поэтому я с трудом слушала невнятные речи Аврорского, не прерывала вопросами и хотела, чтобы он поскорее закончил.

В дальнейшем рассказе доминировал истопник Алик, он узнал от медсестры постепенно и в несколько приемов, что той ночью (или на следующую) в больницу поступили две пациентки и были отправлены в «тяжелый флигель»: одна под грифом «криминальный аборт», другая – самоубийца с «передозом».

Передоз выглядел чудовищно, местная девица располосовала себе руки бритвой от кисти до локтя и засыпала сверху наркотический порошок без растворителя. Медсестра объяснила, что в тяжелых случаях ломки и при неимении шприца забубенные торчки поступают именно так. Самоубийцу в больницу привез муж, «скорой» они не дождались, машины застряли в снегах, и он тащил жену от поселка на детских санках, не чаял довезти живой. Предыдущая семейная история была печальна и неприглядна. Парень вернулся из армии и обнаружил, что жена его не дождалась, сбежала от родителей и отправилась в Москву, как в поселке выражаются «на блядки», где окончательно застряла. Но ее родители знали адрес.

Муж поехал в столицу, нашел жену в непотребном виде на подозрительной квартире, взял в охапку и увез обратно к своим, где удерживал силой, думал, что таким образом исправит ситуацию. Через три дня беглая супруга достала «белый порошок» и приняла дозу чудовищным способом, потому что шприца в доме мужа не держали. Или решила покончить с собой радикальным способом, никто не знал в точности. Фамилия супругов была – Примоленные, Семен и Александра.

Пациентка под грифом «криминальный аборт» поступила без документов и своей фамилии не называла. Когда относительно пришла в себя после срочного медицинского вмешательства и не совсем удачного переливания крови. Именно по этому признаку в больнице поставили диагноз, ситуация оказалась характерная, если бы её привезли мать с мужем, ругали медицину на чем свет стоит, и требовали сохранить беременность, то результат вышел бы тот же самый, однако без грифа. Или если девица была местной. А если бы сопровождающие объяснили, что беременная гостья оказалась на даче у знакомых, и там с нею стало плохо, было бы вполне достоверно – посетовал Аврорский скорее для себя. Но опять же было поздно.

Однако далее произошел классический сюжет ранее упомянутого трэш-триллера. Истопник оказался классическим шантажистом и вымогал деньги, выматывая нервы жуткими подробностями, недомолвками и путаницей. По его словам выходило, что в больнице произошли крупные неприятности с участием милиции, однако существо криминала осталось в секрете даже от персонала. Не то органы права и порядка занимались личностью «жертвы аборта», пытаюсь выяснить, кто способствовал, не то неудачливый «дембель Сеня» был заподозрен в покушении на жизнь разгульной супруги и привлечен к дознанию.

Во всяком случае, как докладывал Алик, «тяжелый флигель закрыли для всех, кто не там не работал, и через некоторое время оттуда вывезли труп. Куда его дели, и кто опознавал, в больнице не докладывали, со знавших взяли подписку о неразглашении. Однако Семен Примоленный гулял на свободе, хотя ходил по поселку, чернее тучи – таковы были свидетельства медсестры Калерии. Она же объявила, что оставшаяся в живых пациентка сбежала однажды ночью, кто-то привез ей одежду и вывел беглянку в туалетное окно. Кто из них кто, точнее, кто жив и кто умер – сельчанам и прочему медицинскому персоналу вывести не удалось.

Утомленный ненужными теориями и истощенный поборами, Кирилл Аврорский положил конец потоку информации, заплатил последний транш и послал информатора-шантажиста подальше, предварительно начистив ему морду, удержаться он не смог. Для себя Кирилл сделал вывод, что выжила и сбежала Ольга Славич, а Семена Примоленного очистили от подозрений, поскольку обнаружили, что неверная жена скончалась от передоза, и в поселке её никто больше не видел. Ольге Киреевской он рассказал последнюю версию, не упоминая об остальных.

4

– Ну и зачем? – загадочно высказался друг Отче Валя в конторе «Аргуса», куда я пришла доложить на прощание перед отъездом. – Тебе, понятно, очень лестно, не успела приложить волшебную ручку к бытовой истории, как оно пошло-поехало вкривь и вкось, потом доехало до черт знает чего, фирменный знак прелестного дитятка. А мне, грешнику, зачем эти откровения, и главное, что с ними делать?

– Затем и приехала, – сдержанно отметила я, крутясь на своем бывшем стуле. – Прощаться могла по телефону, ни времени, ни сил нету, послезавтра отбываем с коляской в отдельном багаже и с мелким подмышкой. Что будем говорить Мельникам, или вообще никому ничего? Твои предложения?

– Без твоей утомительной помощи, голубка моя, – заявил Валентин. – Я бы давно сознался Мельникам, что ни пса не вышло, информации мало, и все такое прочее. Деньги плачены и освоены, всё, что в человеческих силах сделано, прошу прощения и снисхождения, мерси за внимание. Самому копать в жуткой истории, выяснять, кто сбежал и кто умер – прошу меня уволить, это по твоей литературной части. Останься в городе хоть на пару недель, ты бы докопалась, я уверен, к большому сожалению заинтересованных лиц, но бодливой коровке пора на Страшный суд, что всех устраивает. Езжай с богом, а?

– Может быть, пересказать Татьяне адаптированный вариант? – предложила я. – И пускай решают сами, что делать с информацией.

– Только, пожалуйста, без меня, – проскрежетал бывший компаньон. – Ты уедешь, а они опять попросят поискать жениха со скотской фамилией где-нибудь в районе Северо-Западного морского прохода, станут плакать и умолять именем тетки Марты. Она так убивается и желает найти дочку, что отпишет дачу юго-азиатам на поток и разграбление. Если ты, невзирая на мои мольбы, сунешься к Мельникам, то предупреди, что я иссяк и никаких заданий не беру, пусть хоть озолотят! Ни в службу, ни в дружбу, никаким иным способом. Дашь слово?

– Какое тебе подойдет, милый Валя? – спросила я. – Пионерское, дворянское, или поклясться здоровьем мамы? Она, бывало дело, брала с меня в крайних случаях, когда остальные уговоры не действовали.

– И ты её каждый раз сдавала вместе со здоровьем, надо думать? – не удержался Валька.

– Всё ты знаешь, коварный искушитель, – пожаловалась я. – Но как видишь, на последствия не повлияло. Мария Феликсовна, тыфу, тыфу, тыфу – как огурчик!

– Заоблачная логика, надо признать, – сообщил Валентин. – Ладно, говори Мельникам, что хочешь, но предупреди, что я недоступен по множеству причин. Их можешь придумать...

– И что сказать-то? – с полной невинностью поинтересовалась я.

– Ах вот она зачем приехала по пути на Страшный суд? – театрально возопил друг Валя. – Мало того, что сдает меня Мельникам в который раз, так просит подсобить, сочинить байку на заявленном материале, чтобы ненасытная совесть задремала на оба глаза! Не то прорисованные дьяволы проткнут вилкой и скинут на сковородку за недонесение!

– Все не так страшно, дьяволов в квартире не нашлось, Миша обошелся, – успокоила я друга, затем попросила честь по чести. – Валя, пожалуйста, сделай последнее усилие, и я уеду со спокойной совестью.

– Какая может быть спокойная совесть в этом конкретном случае? – картинно удивился Валька. – Только у того, кто в полном неведении, как твои Мельники. И ты хочешь лишить подружку завидного преимущества? Хотя она сама виновата, принесла неразрешимый казус, на свою голову тоже. Даже мне, грешному, закаленному и мало причастному, неприятно, что девка умерла так глупо и ненужно потому, что все причастные проявили обычные людские слабости. Не более того... А каково им, причастным? И ты маешься дурью, смею заметить, не можешь уехать и забыть, хотя сам Бог велел.

– Ну тебя, Отче Валя, – напомнила я. – Я вовсе не за тем к тебе приехала, и думать предпочитаю, что Ольга Славич жива, но хочу донести мысль до родичей достаточно нежно. А там пусть разбираются с теткой Мартой, как захотят.

– А зачем? – повторил Валька глумливо. – Если они и так думают именно это?

Однако, долго ли коротко, мытьем и катаньем, я вынула из бедного друга примерный план разговора с Татьяной Захаровой, бывшей Мельник, и пригласила её на чашку чая в модное заведение на Чистых Прудах, заодно нежно попрощалась с заснеженными любимыми местами, зная, что увижу аллеи и пруд совсем не скоро.

– А вы в курсе, что твоя кузина Ольга была основательно беременна? – спросила я Татьяну, не успев пригубить черный, как деготь, кофе, сливок рестораторы не держали.

– Не может быть! – заявила Татьяна и с грохотом опустила свою чашку на блюдце. – Как это так!

– Натурально, как у всех, – заверила я. – Если ты интересуешься, кто сказал, то сама догадайся. Но не другая Ольга, а её муж Аврорский под строгим секретом. Потому что у бедняги нервный срыв на этой почве, а мы добавили.

– Не поняла, ой, теперь поняла, – сообщила Татьяна по ходу размышлений.

– И ваша тетя Маруся послала дочку на аборт без лишних разговоров, – продолжала я бесстрастно. – Но получилось плохо, пришлось везти в больницу, откуда Ольга потом сбежала с концами, а мамашу прокляла.

– Ой, это за гранью добра и зла, – Татьяна ответила машинально, наверное, от шока, затем спохватилась. – Извини, Катя, мы ничего этого не знали, не то никогда бы...

– Я думаю, – великодушно согласилась я, мы с Валькой вычислили правильную реакцию.

– И думать нечего, – не согласилась Татьяна. – Втянуть беременную, потом кормящую в такую историю? Да никогда! Какую карму надо иметь?

– Насчет кармы не в курсе, а вот с кормлением не вышло, – ответила я и посвятила Татьяну в медицинские подробности.

– Ты думаешь, что из-за этого? – пришла в ужас бедная Танечка. – Но мы не знали!

– Не валяй дурочку, Вороненок! – спохватилась я доверительно. – В огороде бузина, а в Киеве дядька, просто совпало, и вообще мы уезжаем за рубежи рисовать страшный Суд, я тебе говорила? Не исключая, что кармические силы способствовали, за ударный труд и попутные страдания.

– Всё-то ты шутишь, – не одобрила Татьяна. – Во всяком случае мы приносим извинения, и мама с папой сто пудов не знали, ручаюсь.

– Теперь следующее, – я продолжала давить по периметру. – Валя, мой компаньон в «Аргусе», сыт розыском по горло и сказал, что пальцем не шевельнет в вашу сторону, если его

дурят с самого начала и на каждом шагу. Можно надеяться, что его больше никто не побеспокоит? Потому что...

– Да ни за что на свете! – страстно уверила Татьяна. – Я только маме скажу, можно?

– Ради Бога, но обойдитесь с тетушкой Мартой милостиво, – зачем-то попросила я. – Ей и так не сладко пришлось, лучше посочувствуйте. «Нам не дано предугадать, как наше слово отзовется, и нам сочувствие дается, как нам дается благодать» – это цитата, Тютчев.

– Очень ты изящно повернула, – одобрила Татьяна, и следующим моментом перевела беседу на Юниора и наш отъезд, что было реально интересно нам обоим.

Заключение к первой части, смелый переход от прошлого к будущему в духе альтернативной фантастики, те самые 20 лет спустя.

Освоив литературные массивы, загруженные с десятков лет тому назад, я первым делом отправила с планшета письмо другу Вале в «Аргус». Выглядело так...

От kmkolizey

Кому obvalargus

Тема: от Луизы Лавальер виконту де Бражелону, десять лет спустя

Текст: Валя, набери km12bis по скайпу, лучше нынче вечером, поговорим о прошлом, помнишь дело с поповскими фамилиями? Наступило прояснение. КМ из Женевы.

Не прошло и получаса, как загрузился хамский ответ, Валечка ничего не забыл и ничего не прости, Всевышний ему судья.

От obvalargus

Кому kmkolizey

Тема: виконт готов ко всему

Текст: Милая Луиза, видео включать будем? Жду не дожусь картинки. Обвал из Аргуса. Пришлось поставить друга на надлежащее место одновременно, чтобы не важничал.

От kmkolizey

Кому obvalargus

Тема: бедный мой виконт

Текст: видео в планшете не предусмотрено, и я вас намерена пощадить. КМ с женевской улыбкой

(Не к заявленной теме, однако я приехала в Женеву по совету Ирочки заняться зубами, как она выразилась «сделать европейский смайл». Результаты вышли удивительные, о чем свидетельствовал честный ответ другу Вале. Ему я в приступе тщеславия похвасталась заблаговременно, зря, разумеется.)

И вот вечером, сидя на балконе с планшетом, я услышала все возможные поздравления по поводу нынешней «женевской улыбки», о ней чуть позднее, и наконец приступила к заявленной теме.

– Валь, я тут получила положительный ответ по поповским фамилиям, – начала я как можно более небрежно, как оказалось, тема волновала по сию пору. – Если помнишь, Мельники на даче, попович Кирилл Аврорский, у них с женой пропала Ольга Славич? Жених отыскался, он помер от неводержанности не так давно. Ольга была указанными временами жива, забрала у него камень чужими руками и канула в дальнее плавание. Как тебе?

– Если ты уверена, то я принимаю поздравления по части гуманизма, – ответил хорошо подготовленный Валька. – Не хотел тебе говорить, но ты отъехала, а я любопытствовал и постарался забыть навсегда. О том, что из поступивших в стационар девиц одна скончалась безымянной, а вторая сбежала из больницы. Теперь сообщаю. Через полгода после коллизий по больницам наркоманка Александра Примоленная, которая вроде сбежала, оформила официальный развод с Семеном Примоленным, но оставила фамилию бывшего мужа. Затем вскорости вышла замуж за некоего Александра Коваленкова, выписалась с прежнего места житель-

ства и поселилась в общежитии института нефти и газа имени Губкина, город Москва. Как тебе?

– Ап! – сказала я в аппарат и долго осваивала информацию. – Валя, ты настоящий друг, молчал почти десять лет, чтобы не расстраивать меня попусту, спасибо.

– Всегда рад способствовать, – ответил польщенный Валька. – Ну и как, сходится?

– Более чем! – радостно обозначила я. – Теперь ясно, кто владеет камнем, спасибо.

– С этого момента подробнее, – предложил Валька.

– Ничего подобного, ни в каком разе, – отказалась я. – У нас складывается занятный романчик. Но бриллиант почти не виден, давай я приеду и тогда...

– Извини, крошка, я не согласен, – отозвался Валька. – Самому стало интересно, завязывай крутить динаму, не то последуют санкции.

– Можешь не пугать, – спросила я в угаре мазохизма. – Здесь уже постарались...

– А я-то, лох, гадал, что имеешь в виду под «женевской улыбкой», – сознался Валька. – Однако звучишь цивилично, нипочем не догадаешься.

– Теперь имеешь представление, – сухо сказала я. – А насчет звука я тренировалась, если тебе интересны подробности. Разговариваю с закрытым ртом и улыбаюсь зловещим образом, но скоро увидишь, если будешь настаивать.

– Однако, заметь, крошка, ты всю дорогу имеешь это поповское дело при отягощающей медицине, – заметил Валька не в бровь, а в глаз. – То в самом интересном положении, то в лихорадке и бреде, а теперь – сквозь зубы. Или я неточно выразился?

– Ну, как тебе сказать, – поразмыслила я. – Лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать, но ты ведь не захочешь?

– Это мы посмотрим, – посулил Валентин, и на этом беседа прервалась вместе со связью.

Часть вторая

*В мутных стеклах иллюминатора
Проплывут золотые сады,
Солнце тропиков, пальмы экватора
Голубые полярные льды...*
(А. Вертинский 2.0)

Глава четвертая

1

Герой чужого романа (первое литературное включение)

Всю сознательную жизнь, как себя помню, я боялся больше всего на свете прожить обыкновенную жизнь. С чего начались опасения, толком и не помню. Скорее всего навеяла квартира, даже можно сказать – жилплощадь. Вот она у нас поистине была необыкновенной, хотя для меня служила символом безнадёги и низкопробности. Из которых надо вырываться всеми силами, чтобы, не дай бог, там не застрять.

Отец так и сделал, скорее рано, чем поздно. А мать никогда ему не простила, что он бросил не только семью, но и Москву, почти самый центр, мыслимое ли дело? Считала отцовский поступок проявлением черной неблагодарности. Отец был родом из Сормова, это пригород бывшего города Горького, теперь Нижнего Новгорода.

Учился отец в Москве на инженерно-техническом, по специальности – турбины, на танцевальной веранде встретил мать, она снизошла до сельского паренька и прописала его у себя, родители неохотно позволили. Потом родился я, после дед с бабкой уехали в Новый Иерусалим и там померли один за другим, площадь на Остоженке осталась за нами. Но нет, все было не по нему, не по отцу то есть. Получил назначение в глушь, на какую-то станцию, там давали новенькую квартиру из трех комнат, он соблазнился, звал мать с собой. «Но что она, дура что ли, ехать из столицы в какую-то задницу? Так и уехал, только парень к нему на лето ездит, вот и вся выгода из тех трех комнат». Такие разговоры я слышал чуть ли не каждый божий день, как попадались слушатели: новые ли старые, матери было без разницы, обида не остывала с годами.

Так вот о квартире, то есть о жилплощади, по милости которой я остался без отца, рос в неполноценной семье. Дом был старый, деревянный, хотя выходил фасадом на самое Остоженку, на проезжую часть. Вообще, если смотреть издалека, из нашего времени, наш дом был похож на старый деревянный шкаф, типа славянского. Двери и лестницы облезли и гнусно поскрипывали, внутри всегда было темно и странно пахло, наверное, старой слежавшейся одеждой. Шкаф был в три этажа, мы жили на низком втором.

На площадке между этажами располагались удобства, проще сказать, туалет без раковины. Да, именно так. Не знаю, было ли ещё в Москве подобное, я никогда не встречал, редкие посетители изумлялись, те, кто в наших дворах не жил.

Но квартира была отдельная, бабка с дедом выгородились из помещения напротив, там была какая-никакая кухня. А у нас не было, плита и раковина стояли в закутке в коридоре. Зато комнат было две, дед поставил хитрую перегородку. В большой комнате со столом, диваном и гардеробом жила мать, кровать стояла за занавеской. А в комнатухе-коробочке жил я.

Окошко там было малюсенькое, всегда темно, зато помещение оклеено с пола до потолка причудливыми яркими обоями. Это мать в молодости придумала, когда привела отца жить, очень уж без того походило на чулан. Потом переклеивала теми же обоями, сгоряча накупила больше, чем требовалось.

Если смотреть со стороны, очень странной оказывалась квартира. Хотя вроде отдельная, но в моих глазах хуже любой коммуналки. И жизнь в ней проходила самого последнего разбора, и всегда было неудобно за квартиру, за дом и за образ жизни.

Мать в полосатом пальто рано утром уходила на работу (счетоводом в мелкой, никак не называемой конторе), ехала через город на Щипок с пересадками, возвращалась затемно, с сумками, усталая и злая, становилась к плите, швыряла кастрюли и посуду. Отходила только, когда садились за стол, обычно к чаю.

Я в детстве боялся слова Щипок, потом ненавидел, а под конец стеснялся.

Что-то в нем было необыкновенно противное, вроде из-за него у нас так всё шло. Но мать своей работой гордилась, не уставала повторять, что она чистая. Это вам не завод с турбинами.

Ну да ладно. Лучше расскажу о спортивном лагере, точнее, о спорте. Возникла такая идея, что именно спорт вывезет меня из старой жизни. Идея не своя, отцова приятеля, это когда я у него пребывал. Большой умник был между прочим, тоже инженер по фамилии Петушков. Знал все на свете и чуть больше того. Папаша его чрезвычайно уважал и советовался. И вот спросил, как со мной быть.

В смысле будущности, я тогда у него, у отца проводил лето, по такому случаю мы поехали на так называемую дачу Петушкова, чтобы получить развернутый ответ. Дача была обычная хибарка, мы ехали на автобусе и шли пешком вдоль проволочных заборов, наконец нашли. Там пили чай любовались природой, половину участка занимал крутой склон над рекой, и все прочее в смысле сельских пейзажей.

Сам Петушков оказался мужичком небольшого роста с редкой бороденкой, одет в клетчатую ковбойку с мятыми джинсами, а ответ приготовил на бумажке. Начал с того, что едва попив чаю, стал разъяснять свою идею, тоже по бумажке. Вроде того, что мальчики обычно сразу поступают в институт, а девочки застревают на год и два, и три. А все потому что родители у мальчиков догадываются отправить детей после восьмого класса в техникумы, где кроме прочего обучения, парням дают специальность.

А девочки, мол, проходят полную среднюю школу и не удосуживаются понять, какие у них склонности. Вот у одного друга дочка захотела стать биологом, вознамерилась в столичный университет, друг спросил, как ей готовиться. Девочке тогда было, как моему парню, всего пятнадцать. Намерение оно похвальное, доложил Петушков, но без практического наполнения. Ну что такое биология? Всего-то анализ мочи и крови, значит, девчонке следует идти в медучилище, после того решать, какая будет специальность. Такой совет он дал тому папаше.

Мой папаша слушал со всем вниманием, а я отчасти заскучал, потому что не имел желания идти ни в какой техникум, оттуда шла дорожка напрямик на Щипок, не буквально, понятно. Вот я и спросил, вроде очень скромно: а как девочка, пошла она в медучилище или как? Отнюдь ничего подобного, ответил Петушков не мне, а отцу, родители ей передали, она фыркнула и стала ходить на какие-то курсы, потом вообще передумала, теперь хочет учиться на филолога, у нее способности к языкам всегда были. Ну, теперь станет гидом-переводчиком, будет водить туристов по городу-герою Ленинграду, тоже, знаете ли, профессия, прошу полюбоваться.

Это я учел, больше не вмешивался в поучение и ждал, когда дяденька приступит к совету про меня. Он еще долго разливался соловьем, но потом сказал дельное. Примерно так. Мол, я понял, что у парня склонностей особых нету и не предвидится, шансов немного с обычным обучением, в таком случае ему стоит попробовать выбраться в люди хотя бы при помощи

спорта. Найдёт себе нишу и может её разрабатывать, понятно, по месту жительства, не исключено, что эта лошадка вывезет.

Насчет ниши пояснил, что не стоит ломиться в футбол или хоккей, стоит попробовать там, где народу не так много. Что-то типа легкой атлетики и тому подобное. К тому же я оказался для спорта староват, в престижных видах начинают раньше. И далее много чего разного, отец слушал, а я перестал, только разглядывал травяной склон под ногами и почти не видную речушку на дне.

Ну, мы попили чайку, полюбовались некошеным обрывом, далее побрели с отцом вдоль заборов обратно. Папаша проявил уважение к приятелю, подчеркнул, что тот необычайно умен, но советами следует пользоваться с выбором. Мол, насчет техникума он не настаивает, но вот по поводу спорта стоит подумать. И я с ним охотно согласился. Приехал после каникул, сразу обошел спортивные кружки, базы и школы поблизости.

Там выяснил, что Петушков оказался прав на сто процентов, практически для всех видов кроме легкой атлетики, я был перестарком, ещё оставался бокс и всяческая борьба, а этого я точно не хотел. Потому что не выносил даже обычной дворовой возни, не то чтобы мне били лицо или валяли по полу на постоянной базе.

Пришлось записаться на классику, бег на дистанции, прыжки в длину и другие ответвления. Для начала взяли смотреть, к чему я пригоден. Сразу выяснилось, что ни к чему особенно, но не выгнали, а поставили на тренировки по бегу с препятствиями. Наверное потому, что там народу не было, а дисциплина в расписании существовала.

Ну, тетенька тренер, имя забыл напрочь, со мною натешилась, хотя утверждала, что намучилась. Еще пара девчонок подобралась, мы бегали и скакали, а тренерша замеряла результаты для мальчиков и девочек по отдельности, потом по таблице высчитывала, кто впереди, я или девки. В основном выходили они. И так весь учебный год мы упражнялись, к лету выявился результат. Даже несколько.

Главным было то, что меня командировали в спортивный лагерь, не по достижениям, а по квоте, там требовались парни, в смысле легкой атлетики. Я понял, что кой-чего добился. Во-вторых, в школе отношение сделалось лучше. Учителя заметили, что я стал собраннее, и отметки повысились, хотя я думаю, это был воспитательный момент, я не очень-то старался. Физрук начал эту кампанию, выступал, мол, смотрите, что спорт с пареньком делает, и остальные учителя подтянулись. Я не возражал, а поминал хорошим словом дяденьку Петушкова и отцу написал, тому было приятно.

А в-третьих, стал разбираться с девчонками. Те двое, что со мною бегали и прыгали, сначала взялись меня презирать и фыркать, я на них ноль внимания, тогда они стали по очереди строить мне глазки, выясняли между собой, кто мне больше нравится. Одна была получше фигурой, хотя с лица не воду пить, вторая хорошенькая, но зубы плохие и большие «дефекты дикции», отчего она стеснялась. Я отвечал обоим, улыбался хорошенькой без особых разговоров, а трепал языком с длинноногой, обе были довольны, каждая полагала, что выиграла соревнование. Ну и шут с ними, были и пропали. Но я понял, что девчонки совсем не страшный зверь, и я не последнее чмо в их окружении.

Кстати на этом пункте и погорел по крупному, на «шерше ля фам», пardon за мой французский. Хотя как посмотреть. Можно сказать, что это был поворотный пункт биографии и даже судьбы, если выражаться пышно. Итак спортивный лагерь под Москвой, ближе к Калуге, хибарки из фанеры, туалет на природе, тренировки и прочее времяпровождение.

Вышло довольно кисло, потому что с парнями не удалось найти общий язык, они все были из единоборств, норовили на мне тренироваться, чтобы без промаха, а вечерами бегали в сельский магазин за горючим, невзирая на строгие запреты. Меня додумались посылать в лавку, я не стал, тогда объявили бойкот. После того я стал понимать, что общество меня не слишком устраивает, а спортивных достижений не предвиделось.

Положив обдумать ситуацию после, я стал обживать на месте, потому что на целый месяц. Нашел библиотеку, там была классика на пыльных полках, стопки нечитанных журналов и «Роман-газета», было такое издание, между прочим. И в библиотеке встретил девочку, имени не помню, хотя она стала той самой «фам», через которую судьба меня отыскала. Однако по порядку.

Девочка, пусть будет условно Олей, нет, лучше Надей, была симпатичная, хотя чуть косенькая. К спорту не имела отношения, оказалась племянницей начальника, поэтому отдыхала с нами и скучала, время проводила в библиотеке, там читала книги с «Роман-газетами». Разговорились день на третий, она взялась руководить моим чтением. Себе взяла «Мастера и Маргариту», журнал оказался на полке среди прочего. Роман она читала раньше, но обещала передать, когда освежит в памяти, много про книгу толковала. Покамест выделила мне не самое занудное из «Роман-газеты», как она выразилась. И на танцах, они были раз в неделю, я её пригласил пару раз, другие девки на меня клали с прибором из-за бойкота, объявленного парнями. Из этого все и вышло.

Я понятия не имел, что из местный авторитет по кличке Дьяк, вольный борец с половиной переднего зуба (доборолся, надо думать) положил на девочку глаз. Однако по традиции предупредил, послал шестерку с сообщением, что, мол, не смей, девка Надя – его кадр, следует оставить в покое. Но я не остерегся, на следующем сборище пригласил Надю на танец и поговорил о пользе чтения. Просто назло, вернее, чтобы показать, что не надо так грубо командовать. И вот.

После завершения танцев ко мне в хибару явился тот же гонец и позвал на разборку. Я шел и думал, как буду сопротивляться словесно, заявлять права на свободу выбора для девочки Нади. Если трусил, то немного и старался не показывать. Действительность превзошла ожидания.

Едва я приблизился к Дьяку (он сидел на койке), предполагая завязать беседу, как навстречу вылетел кулак, после чего я вырубился очень надолго. Честно будет сказать, что я ничего не помнил, мне потом порассказали ужасов. Типа того, что повалился, как подкошенный, глаза закатились под лоб, кровь хлынула из носа и ушей.

Очнулся на больничной койке в районном городке, через день со мной побеседовал следователь, рассказал, отчего я там валяюсь, спросил, имею ли претензию к обидчику. Если имею, то надо изложить заявление по форме и объявить причину ссоры, он напишет. Голова у меня плыла и болела, сказал, что ничего не помню, это была правда наполовину. Мент вздохнул с облегчением, сказал, что скоро я буду здоров, как бык, и в лагерь не вернусь. Я и так догадался, что там меня не ждут.

Впоследствии оказалось, что насчет здоровья он преувеличил, я оставался на койке довольно долго, потом переехал на реабилитацию в загородный центр, тоже там повалялся. Потом по выписке в начале октября получил сложный диагноз с рекомендацией пропустить школьный год, поскольку голова не выдержит нагрузки.

После Нового года я выписался из своей школы и поступил в ШРМ, то есть в школу рабочей молодежи. Учеба была не бей лежачего, за два года я доучился до аттестата, почти без присутствия, школьных знаний хватило с лихвой. И полно свободного времени, чтобы понять со смыслом, чего я конкретно хочу из того, что могу. Доктора объяснили, что учение по технической специальности противопоказано, и тяжелой работы мне не потянуть никак, ни физически, ни умственно.

И я стал разбираться. Поначалу сидя дома и взирая в окошко, потом стал слушать радио и почитывать прессу, с осторожностью, но всё же. Да, забыл сказать, что еще глубокой осенью, как вернулся домой, меня навестила та девочка Надя. Пришла объясняться, что она не знает, с чего Дьяк на меня набросился, у них ничего такого не было, а ей жаль и очень неловко. Нам

обоим вправду было неловко, она просидела полчаса, но принесла книгу в подарок, из своей библиотеки.

Под названием «Исполнение желаний», советская классика, из жизни студентов 20-тых годов, там про десятую главу «Евгения Онегина», как её расшифровали. Рекомендовала к прочтению, говорила, что интересно, подарила книгу насовсем, подчеркивала. Я понял, что отдавать книжку не надо, и Надя дальнейших встреч не ждет, извинилась и отчалила с концами.

Книга у меня повалялась, я просмотрел, но читать не торопился, как ни крути, но осадок остался. Если бы принесла почитать своих «Мастера с Маргаритой»...

Но я забегаю впереди паровоза истории, тогда книжки были до фонаря, к чтению привычки не имелось, в доме не держали. И то мамаша косилась, говорила, мол: «Ну, девка нашла, что принести. Порадовала страдальца, теперь ему только остается трепанные книжки читать». Это пропустим.

Но я к тому веду рассказ, что книжка свою роль сыграла, по всем законам драмы: если на стене висит ружье, то должно выстрелить. Так вот книжка валялась себе, а я пребывал в размышлениях, куда мне рулить дальше, если спорт накрылся, а серьезное учение запрещено на несколько лет вперед. Доктора доступно объяснили, но обнадежили, что потом станет лучше. Не для спорта, но концентрация внимания вернется.

И вот однажды с утра я просматривал мусорную одну газетку и в конце наткнулся на объявление, что на «Мосфильме» идут съемки фильма по роману «Исполнение желаний». Набирают массовку из молодых людей и девушек для съемок, сцены из жизни 1920-тых годов. И денег обещают заплатить, хотя немного.

Позвонил по приложенному телефону, там подробно ответили, и не долго думая, я собрался в тот же день. Пока ехал, отчасти пожалел, засомневался, что выдержу, но решил попробовать до конца. Возьмут не возьмут, решение не моё, а я сделал, что в моих силах, не всё дома сидеть и гадать, что со мною будет. Так открылась новая страница в биографии. Но об этом отдельно.

2

Этот мир – Кино! Кино? Второе включение

Поначалу ничего не понятно, дикая смесь убожества с чудесами, а я вдруг оказался между ними. Какие-то рельсы и краны, люди то в спецовках, то в ярких нарядах, пространства без крыши и выгороженные площадки с декорациями, на жизнь не похоже, а на что похоже – не могу сказать. Так и ходили по выгородкам и коридорам, открыв рты, эдак человек пятнадцать. Понятно, когда нас отобрали, но это не сразу.

Кто-то сказал про меня: «Зачем этот бугай? Он – студент? Не смешно!» Другая тетенька ответила: «А он будет с рабфака, тогда их было полно. Историю учить надо!» И позвала с собой одеваться и гримироваться. Мне выдали чудную рубаху с названием «толстовка», сверху нацепили шелковый галстук до пояса, отвели на площадку и велели ждать начала съемок. Звезды кино тем временем запаздывали, тетенька режиссер со сложной прической нервно курила в сторонке, ассистент волновался и бегал по периметру, нас по-разному расставляя.

А потом появились они оба. Парня я сразу узнал, он был начинающей кинозвездой, играл в нашем фильме главную роль и в этом эпизоде должен был делать доклад об открытии, поэтому мы собрались вокруг кафедры на пустом пространстве. Фамилию парня называть не стану, потом он сделался кумиром женского населения. И девица с ним, точнее, барышня, как тогда выражались. Очень броская, в яркой клетчатой юбке и в голубой рубашке-батнике, на голове кудри веером и модные очки с простыми стеклами, чтобы казаться умнее. Хорошенькая и капризная, в руках держала блокнотик. Не актриса, не из съемочной группы, но не чужая, я

поначалу не понял, кто она. С главным героем они были на «ты», болтали, как старые знакомые. Потом явилась кинозвезда женского пола, постарше, заносчивая и манерная, режиссерша её обхаживала, а она всю дорогу пыталась отвлечь коллегу от бесед с той барышней, не нравилось ей это.

Съемки я запомнил плохо, нас строили, разводили и опять собирали, хлопушкой махали, но не очень-то получалось, суеились почему зря. Кроме барышни, она все заносила в блокнот. Потом в перерыве пошли курить, я за ними, актриса на главную роль ругала коллегу, что, мол, голос прокурит, ему нельзя, а тот не слушал. Девуцу-барышню он исправно развлекал, изображал в лицах каких-то преподавателей, вроде у них были общие, выходило смешно.

Потом к ним пристроился ассистент, вздыхал, признавал, что собачья у него должность, «лучше бы он в Ялту поехал вторым режиссером, а тут тетка им командует почему зря, а сама не знает, чего хочет, потому что снимает в первый раз, и это заметно». Сама вроде из актрис, играла где-то, названия я не запомнил. И все это были загадка на загадке.

Но не только, кроме загадок меня в эти киношные дебри потянуло просто со страшной силой. Для начала хотелось остаться и понять, к чему что. Особенно запала барышня. Отчасти потому, что её роль в съемках не прояснялась, а сама была как отдельная картинка. И пребывала в совершенной уверенности, что здесь её законное место по полному праву.

И я положил эту загадку для себя разрешить первым делом. Стало интересно до крайности. И вообще впечатление было сильное, я понял, что тоже так хочу. Поначалу понимал смутно, но тянуло туда очень. Начиная с костюмерной и толстовки с галстуком, вроде как вдохнул отравленного воздуха. С виду нормальная жизнь с обычными людьми, а измерение другое. Есть куда тянуться и чему учиться. Вообще – то самое. Но я-то пока с самого краешку.

На второй день съемок велели прийти тем же составом, я подумал и взял с собой книжку. «Исполнение желаний». Автором оказался Вениамин Каверин, он написал роман «Два капитана», по ним ставили «Норд-Ост», где много народу пострадало и вообще был ужас... Всё это я узнал гораздо позже. Кстати картину почему-то называли по другому, даже не помню как.

Еще вечером взялся читать книжку, ничего не понял, точнее не вник, но старался. Даже в метро читал, пока ехал на вторую съемку, но ничего кроме того, что сказано раньше, не уловил, десятая глава «Онегина» упоминалась, и всё тут. Зачем взял, не помню, но показалось важным.

Вторая съемка началась в той же суете, что и первая, долго никого не было из главных действующих лиц, я волновался, что той барышни не будет, значит, книгу брал для неё. Так ведь получается? Но меня с книжкой застучал ассистент, спросил строго, что это такое, мол, массовка решила внести свою заявочку? И что за книжечка, вошел, значит в роль студента? Я достойно ответил, что книга та самая, по которой фильм делают, читаю, знакомлюсь.

– Проверяешь, парень, так ли делают? – хохотнул ассистент. – Вот умора, не зря массовку заявляли, пришел ученый контингент. (Это я запомнил дословно, в тот момент, правда, полагал, что сейчас снимут толстовку и выгонят напрочь. Но нет.)

– А это вообще не к нам, – сказал парень поразмыслив. – Прямая дорога тебе к Нике, она оценит. Придет, скажу. Но книжку пока спрячь, не то начальница прицепится, она нервная.

Вот тут я возрадовался необычайно, понял или догадался, что Ника, это и есть барышня с блокнотом, которая меня интересовала. И испугался одновременно, что ни слова ей сказать не смогу. Спрятал книгу под балахон и ждал с замиранием сердца.

Ну, долго ли коротко, но компашка собралась, пришел звездный мальчик, приехала актрисуля на главную роль, а Ники не видно, они уже собрались «стрелять» без нее. Стрелять – это по-английски, пояснил ассистент, голливудский сленг, означает, что будут снимать всерьез.

Но пока ставили свет и с трудом прилаживали (актрисуля капризничала) явилась Ника, и ассистент меня к ней подвел просто бегом. Сказал, посмотри, что малец-то у нас читает, прямо из массовки да к звездам.

– Здравствуйте, меня зовут Вероника, – вежливо произнесла барышня, а глаза за стеклами у нее оказались светлыми, холодными, как льдинки.

– Я тут книгу принес, ту самую, – забормотал я бессвязно и достал. – Подумал, что интересно...

Барышня Ника книжку взяла, повертела и сказала: «М-да, теперь нас двое на этой площадке, кто роман читал». Я не точно привожу, что-то в таком роде. Потом спросила, как меня зовут, где учусь, я ответил наполовину правду. Что зовут Сергеем, сейчас готовлюсь к вступительным, взял отпуск. Она не слишком заинтересовалась, куда я собрался, оглядела оценочным взглядом, потом позвала с собой, и мы пошли обратно к съемкам, дождались, пока ассистент вырвется, там уже «стреляли», правда не слишком удачно.

Ника взяла парня за локоть, что-то ему проговорила неслышно, он ответил, замотал головой, она опять говорила, и так минут пять-десять. Потом ассистент сказал, что его режут без ножа, но с ней бутылка, причем хорошего коньяку, взял меня за локоть и повел в центр съемок, они к тому мигу разладились окончательно, артисты пошли править грим, а режиссерка отправилась курить.

– Дядя Сеня, снимите мне мальчика с книжкой крупным планом, – я услышал, как Ника обратилась к мужику за камерой, угловатому дядьке в очках, они с режиссеркой всю дорогу препирались, он тетку ни в грош ни ставил. – Может, потом сгодится. Пожалуйста, можно?

– Для тебя всё, что хочешь, хоть крокодила принеси в бумажке, – сказал мужик, он оказался главный оператор. – Отцу привет, он как?

– Сейчас лучше, – ответила Ника. – Я ему покажу обязательно, что получится, будем продвигать свою версию.

– Да ты интриганка, Никушка! – воскликнул дядька весело. – Алена-то нас съест с кашей!

– Подавится, – веско вступил ассистент. – Лев Моисеевич, он...

– Не упоминай имени всуе, – сказал оператор. – Услышит, и привет горячий. Ставь паренька под фонарь, посмотрим, что из него выйдет.

Они вертели меня, как бог черепаху, пока не взмок. Книжку то отставляли на вытянутую руку, то прижимали мне к груди, заставляли смотреть, то в потолок, то вообще непонятно куда, кричали на меня и ругали бестолочью, поставили за кафедру и велели сделать вид, что читаю из книги вслух, только имя автора и название. Потом, когда я уже мало что понимал, то встал на кафедру уже без книги и повторял за Никой.

– «Властитель слабый и лукавый, плешивый щеголь, враг труда, нечаянно пригретый славой, над нами царствовал тогда!» – говорил я без конца, удивляясь, получалось всё лучше...

На этом месте влезла режиссерка, не скандалила, но язвила, что коллеги ей снимают дивный модерн, она в восторге, не пора ли взяться за дело. Обошлось вроде бы, меня вернули в массовку и стали опять мучиться, но с черт знает с какого раза, сделали.

Книгу, правда, не вернули, по-моему, её Ника заиграла, но я был не в обиде. Потом узнал у ассистента Коли, что она дочка легендарного фронтового оператора Синёва, учится на сценарном или вроде того, пишет диплом про экранизации, недавно являлась к мэтру, снявшему «Анну на шее», приставала с вопросами, как банный лист. Но прогнать слабо, потому что папа Лев Моисеевич в авторитете сто тысяч лет. А так девка неплохая, но заносится, это понятно.

Я еще туда походил, Нику больше не видел. Когда фильм сделали вчерне, мне ассистент Коля звякнул, с ним пили коньяк в кафе, он дал кучу снимков и предупредил, что в окончательном продукте, если худсовет не вырежет, есть три с половиной минуты с моим участием. Когда я читаю десятую главу на кафедре, вроде как финальная победа героя, и в том фишка, что не он читает, а знание пошло в народ. В моем лице.

Так оно и вышло, себе я не очень нравился, но смотрел раз пятнадцать, поэтому привык. Ассистент Коля сказал, что задатки у меня есть, как буду поступать, надо принести фотки и срезки, Ника поможет, если будет в Москве, все тип-топ. «...А пока читай, мужик о кино, что

можешь, надо быть в курсе. Если мозгов не хватит, чтобы понять, то актеру они не очень-то нужны. Главное – фактура».

Вот так началось мое кино, но до поступления на актерский факультет дело не дошло. Я оказался совсем при других делах, это отдельно. Как-нибудь соберусь и напишу, если оставшихся мозгов хватит. Фото и срезки, вот они тут же...

3

Повесть Первая серия

В середине лета Артем Баранов осознал, что надлежит принять решение. И от этого зависело впрямую, какой будет в дальнейшем его жизнь. Как сложится будущее. Весной ему исполнилось восемнадцать, в армию его не призывали по здоровью, а учиться в ШРМ, то-есть в школе рабочей молодежи, оставалось еще год.

Не то, что бы он усердно учился, знаний, полученных в обычной школе, хватало, чтобы перейти в последний класс без проблем, но аттестат давали только по окончании или по экзаменам. Их Артем сдавать не собирался, имел полное право по состоянию здоровья, та же спортивная травма, которая исключала армейский призыв, дала возможность обойтись без выпускных. Но последний класс надо было закончить, чтобы получить аттестат. Следующим летом, тогда можно будет поступать в ВУЗ. В любой...

Однако Артем уже выбрал и этот год хотел посвятить подготовке, особо не обременяя себя учебой в ШРМ. Выбрал он кино, был опыт и были способности, оставалось набрать знаний, которых в школе не получишь, только в библиотеках и в кинотеатре «Иллюзион», там шли фильмы всех времен и народов.

Но у матери Артема выяснились другие планы. Когда ему исполнилось восемнадцать, отец перестал платить алименты по закону, с матерью он был в разводе лет десять или около того. Отец написал Артему, что будет помогать добровольно, но только ему, из рук в руки или по почте. Мать страшно обиделась, справилась с законом и выяснила, что отец обязан платить алименты после исполнения Артему 18-ти лет в том случае, если сын будет учиться в ВУЗе на дневном отделении. Мать тогда обиделась на бывшего мужа и сына еще больше, она считала, что деньги положены ей, а вовсе не сопляку. Что они тайно сговорились, чтобы её обойти, ну все в таком роде.

И мать заявила примерно вот что. Если он не учится на дневном, и денег отец не платит, тогда «изволь, сыночка, зарабатывать сам на хлеб и маслице, школа рабочей молодежи для того придумана. А то ишь чего захотели, парень сидит у меня на шее, ничего не делает, а папаша ему за это деньги платит».

Таким образом был выставлен ультиматум: или отец платит деньги ей, или сын идет работать куда хочет. Хоть киномехаником в будку, если так решил устроить свою жизнь. Она не обязана. Не то, что бы мать была очень бедной или жадной, но ей было обидно, и логика на её стороне определенно была, не без того. Однако решающим фактором осталась обида, её исключили и пытаются сговориться за её спиной.

Но как решить эту проблему, Артем не знал. Написал отцу, тот предложил переехать к нему, кончать школу и поступать в институт в Ленинграде. Очень щедро и в целом неплохо, но с одним недочетом. ШРМ у них в небольшом городке не было, а поступать Артем намеревался во ВГИК, институт кинематографии в Москве. Так сказать, получился облом. И никто из предков уступить не желал, они вели позиционную войну за сына, мать тем временем его легонько прижимала с деньгами. Отец иногда присылал, как обещал, но не всегда помнил.

В тот вечер разговор с матерью вышел совсем нехорош, Артем хлопнул дверью и вышел из дому в неопределенном направлении. Положил для себя найти выход из унижительного положения, потому что так жить нельзя. Он не хотел работать в будке киномехаником, не планировал переезжать к отцу, но слушать попреки куском хлеба тоже не хотел. А как это осуществить – не знал, хотя мать подсказывала, что можно получать деньги от отца и отдавать ей, а если будет забывать, то напомнить, что обещал. Такой выход Артему не нравился, он знал, что мать рано или поздно выложит тайну, тогда отец будет вправе обидеться на него. И в будущем такая штучка отойдется. Дилемма.

Вот так шел он в ясных летних сумерках по московским улицам, а больше по переулкам, зашел в незнакомые места, пытался взвешивать и размышлять, но вдруг его достало.

Житейское слетело, как шелуха, остался ранний вечер, тополя в полной листве, теплые порывы ветра и дома по обе стороны, большие, полутемные, но в окнах стали зажигаться огни. Желтый, розовый и редкие голубые цвета придали переулку нездешние очертания. Артем подумал, что вот она готовая сцена для завязки киносюжета. Герой бредет в полутьме, вокруг светятся окна, шелестят листья, а он вдруг понимает, что это и есть главное, все его проблемы – второстепенны. Жизнь сама по себе преисполнена смысла и тайн.

Не успел, однако, Артем привыкнуть к открывшемуся кинокадру, как там развернулось действие, и посторонние размышления пропали. Из полутьмы нависших веток, из тусклых отсветов электричества в глубине двора появилось что-то странное и двигалось к нему, минуя видимые препятствия. В первый миг показалось, что явилось пресловутое привидение – белый саван, плывущий по воздуху, но нет.

Через мгновение видение оформилось в человеческую фигуру, а на третий миг оказалось, что из тьмы неспешно идет девушка в белом широком платье. Вот она вышла на тротуар из тени деревьев и оказалась в полусвете, вполне живая, но необычная, эдакая «Женщина в белом». Лицо не обозначено, волосы завязаны сзади и падают на плечо, на другом висит матерчатая, белая сумка, на голых ногах сандалии.

Незнакомка почти поравнялась с Артемом, и он понял, что сейчас она пройдет мимо, эпизод закончится, едва начавшись, все вновь станет обычным и скучным. Этого он допустить не мог, поэтому преодолев оторопь, обратился к девушке с речью.

– Как хорошо, что вы не привидение, – сказал он и добавил для верности. – И не Карлсон в простыне. Я почти растерялся.

– Я заметила, – сухо ответила девушка. – А вы уверены?

– Привидения такими симпатичными не бывают, – сказал Артем и мигом прикусил язык, потому что девушка поморщилась от банальности.

– Откуда вам знать? – она спросила высокомерно. – Являлись раньше? Призраки.

– Нет, вы первая, – ответил Артем, собравшись. – Если я всё-таки ошибся. А в сумке призрачный груз, надо думать?

– Конечно старый замок, даже два, – ответила девушка и предъявила сумку с плеча, там обозначились бутылки, в то время продавалось сухое вино «Старый замок». – Вполне в духе. Иду праздновать день рождения потустороннего друга, нельзя же без подарка.

– А меня с собой возьмете? – спросил Артем, ощущая мучительное головокружение, таких разговоров с девушками не приходилось вести никогда.

Тем более, что незнакомка оказалась на порядок красивее всех девушек, каких он встречал, даже оригинальнее той, которая толкнула на путь киноискусства, потом безвозвратно исчезла. Правда, та была постарше, а нынешняя показалась ровесницей.

– Надо обдумать, – ответила девушка благосклонно. – А как зовут знатока привидений?

– Сергей, нет, пусть лучше будет Артем, – поколебался он. – А вы?

– Я буду Ольга, точнее Кира, – в тон ответила она. – Чем занимаетесь кроме изучения привидений?

– Простите, если обидел, они просто к слову пришли, – повинился Артем. – Вообще-то собираюсь сниматься в кино. Уже пробовал, говорят, что недурно.

– На премьеру пригласите? – спросила Ольга, она же Кира.

– Безусловно, – пообещал Артем.

– Ну тогда я вас приглашаю праздновать с нами, – объявила девушка. – Будете сюрпризом для именинника.

– Всегда с удовольствием, – согласился Артем, развернулся и пошел вместе с нею.

И по сей день Артем вспоминал эпизод с волнением, хотя не без удовольствия, разбирал по моментам и находил подтверждение, что сыграл роль отлично, попал в иную реальность и смог её удержать. Только вот случались сны, где сцена проигрывалась та же, хотя без слов, но девушка, оказывалась другой Ольгой, не Кирой, а Славой. Тогда Артем во сне холодел, проваливался в пропасть и жестко приземлялся. Может быть, случались сны с Кирой, их он не помнил, хотя старался исправить ошибку в сновидении. Правда, в последние годы подобные сны прекратились, теперь не является ни одна.

Н2О Комментарий к сканворду, рассказано позже

Обеих девушек звали Ольгами, но они предпочли зваться Кира и Слава. То есть Ольга Киреевская была Кирой, а Ольга Славич звалась Славой. Вначале им предложили имена Оли Беленькой и Оли Черненькой, но девушки отвергли банальный вариант, дело было в совхозе, куда привезли их первый курс на картошку. Познакомились Ольги в автобусе и приехали в дом отдыха, отданный под студентов, уже подругами. Третьей в их комнату вселилась Наташа Окунева. Сразу по приезде им предложили обозначить имена с фамилиями на дверях, каждая студенческая компания изошрялась, как могла.

Две Ольги и Наташа подумали и согласились на химическую формулу воды в переводе на кириллицу: Н и два О. Расчертили по клеточкам, к буквенному коду пристроили мелким шрифтом имена с фамилиями по типу сканворда. Получилось интересно, на конкурсе дверей они заняли почетное второе место, но только потому, что в номере по соседству главной фишкой стала фамилия одного из обитателей – Дуля, которую ребята подкрепили соответствующим рисунком.

Кстати будет не лишним еще раз упомянуть Наташу Окуневу, с неё история и началась. Кира рассказывала примерно так. В автобусе она устроилась на одноместном сидении у кабины водителя, сзади сели две девушки и практически сразу стали так вкусно болтать и знакомиться, что она захотела включиться. Они даже пели, черт их побери! Что «прилетит к нам волшебник в голубом вертолете и покажет бесплатно кино, с поступленьем поздравит и, наверно, оставит нам в подарок пятьсот эскимо!»! Пели, правда, вполголоса. Инициатором оказалась Наташа Окунева, её дар общения превозмог стеснительность, и Ольга Славич защебетала и запела, чего с ней раньше не было просто никогда.

А тогда в автобусе Ольга Киреевская обернулась к девочкам со словами: «Девчонки, у вас так весело, можно пристроиться с приличной беседой?» Согласие получилось мгновенно, но вскоре беседа изменилась. Выяснилось, что обе Ольги читали одни и те же книги, смотрели на мир под одним углом, сыпали теми же цитатами и смеялись похожим шуткам.

Наташа Окунева быстро отстала от беседы, но вежливо слушала. Очень была положительная девочка, хозяйка и рукодельница, с нею жизнь без мамы в походных условиях оказалась сносной, а без неё Ольги пропали бы окончательно. Характер у Наташи был легкий, над неустройствами она смеялась и во всём находила забавную сторону. Наверное, поэтому Наташа первой с их потока вышла замуж, ещё до зимней сессии, несмотря на заурядную внешность сельской снегурочки. Жених, впоследствии муж, бегал вокруг неё на мягких лапках и нарадоваться не мог, что ему так грандиозно повезло.

Правда, обе Ольги ничуть не завидовали, у обеих на жизнь были другие планы, они их обсуждали и формировали на ходу, что было главным в их жизни и общении. После первого

курса они ездили вместе на Южный берег Крыма, отдыхали в известном студенческом лагере с именем «Спутник» и уточняющей кличкой «Распутник», там пережили много приключений, не о всех рассказывали. Молодежный лагерь у моря случился стараниями мамы Киреевской, она имела приятельницу в академическом месткоме, та была допущена к распределению всяческого дефицита, в результате чего дочка поехала в «Распутник» вдвоем с подругой.

Выглядели девушки Ольги приятно, но контрастно, блондинка и брюнетка, «белоснежка» и «черноглазка». В их дружбе выявился лишь один изъян, но очень существенный. Оля-белоснежка, она же Кира, нравилась гораздо больше и гораздо легче, чем черноглазка-Слава. Обе были хорошенькие, умные и веселые, но поди же ты! Наверное, потому что «джентльмены предпочитают блондинок».

Понемногу обо всём. Вторая серия

Когда Артем освоился в компании студентов, он решил, что стал необходимым добавлением. Кроме двух Олей, Киры и Славы, третьей оказалась Люба, отменных качеств барышня, её так и звали «девушкой приятной во всех отношениях». Ни блондинка, ни брюнетка, скорее шатенка, Любаша как бы сошла с обложки иностранного журнала, не столько была хороша, сколько изящна, умна незаурядно и тактична к тому же. Если в компании происходила заминка или несогласие, Люба могла одним словом или улыбкой вправить ситуацию на место. Спорить с нею было просто невозможно.

У Любаши был брат-близнец Вадик, юный гений и будущий академик, в компании он больше молчал, смотрелся как рассеянный ученый в старых фильмах, носил круглые очки и ни с кем, кроме сестры, общаться не умел. Да и не хотел. Но являлся в компанию исправно, смеялся, когда положено, и с девушками был старомодно вежлив. Родители близнецов работали по академической части, ученые-физики или химики. Отец семейства метил в член-корреспонденты не первый год, и потом своего добился. Но это много после.

Любаша училась на одном курсе с Ольгами, барышни изучали историю науки. Вадик учился за городом чему-то заумному, у него оказались способности, «в отличие от бедной Любочки», как объясняла она сама с милой улыбкой.

Вдохнули, выдохнули, и теперь Артем будет вспоминать второго студента, детину по имени Кирилл, про себя Артем звал его Кирюха. Тот был старше всех, смотрел на «молодежь» снисходительно, потому что перешел на последний курс химфака МГУ, собирался писать диплом и собирался в аспирантуру. Роста Кирюха был непомерного, белокур, кудряв и синеглаз, в целом хорош собой до умопомрачения (девицы так выражались с иронией), только слегка грузноват. Еще у него были мерзкие красные губы бантиком, что на мужике выглядело откровенно нелепо. Ко всему прочему Кирюха был природный циник, смеялся над всем, что попадало под руку, не стеснялся рассказывать при девушках похабные анекдоты и цитировал непотребные стихи, он знал их километрами. Типа: «а если у жены мигрень, ей нужен ..., а не сирень!»

Девушки Оли при таких выступлениях закатывали глаза, Вадик снисходительно улыбался, а Любаша обычно замечала, что «вот пошел поток просвещения, это надо перетерпеть». На что Кирилл отвечал, что «привыкайте, милые девушки, потом спасибо скажете, когда выйдете замуж, мы все кроме Вадика – грубые скоты, с этим надо жить».

Кстати сказать, Кирилл и был тем потусторонним другом, к которому Оля «белоснежка» спешила на день рождения. Праздновали у неё, она привела Артема в соседний дом на квартиру в бельэтаже. Родители куда-то скрылись, и студенты устроили бал-маскарад в честь деда Мороза-именинника. Ольга нарядилась Белоснежкой или Дюймовочкой, остальные тоже были одеты черт знает во что. Когда Артем вошел в дом, и его стали представлять, померещилось,

что он попал в дурдом или сам спятил. Если бы не опыт с киносъёмками, то сбежал бы не, мешкая.

С первого момента, с бала-маскарада Кирилл невзлюбил Артема просто напрочь, и старался его не признавать. Наверное, сначала Артем испортил праздник, отвлек компанию от именинника, потом стал засматриваться на Ольгу-Киру, вернее, никогда не переставал, как увидел её в сумерках.

Кирилл имел на неё виды, причем с серьезными намерениями, однажды процедил неприязненно, мол: «брысь сопляк, я-то женюсь, а ты зачем суетишься?»

Однако на поверхности они делали вид, что просто друзья-приятели, ничего личного, а как же! Вадику нравилась Ольга-Слава, Любочка была равнодушна ко всем, но брата поощряла. Ольга-Кира делала вид, что выше всего этого, потому что царица бала, а Ольга-Слава металась и мучилась по поводу своего третьего места среди девушек. Когда в компании случались танцы под магнитофон, она частенько оставалась без пары, потому что Вадик от застенчивости приглашал сестру. Поэтому Артему показалось, что третий парень в компании не будет лишним, хотя бы снимет дурацкие обиды и недоразумения. Хотя, понятно, имел в виду одну Ольгу-Киру, это было скорее мучительно, чем приятно.

Да, еще пару о Любочке-Любаше, дочке будущего член-корра и сестрице юного гения, в смысле того, что по части ума она семейство не посрамила. (Пока не забыл, выявилось мелкое уточнение насчет семейства. Член-корром стал братец Вадик, причём самым молодым в истории российской Академии, насчет папы остается в неизвестности, да и лень выяснять.)

Как-то в самом начале знакомства Артем с Любой оказались вдвоем на обширной кухне богатой квартиры Киреевских, вроде чаю попить. На самом деле Люба планировала оставить братца наедине с другой Ольгой, чтобы тот смог завязать разговор без помех, не сидеть же молча, пока ушедшие не явятся. Вот она и сказала, что у них с Артемом кой-какие переговоры персонального характера, мол, желают посоветоваться.

Артем взял и воспользовался за чашкой чаю, ухнул, как в воду головой, обрисовал свою ситуацию с разведенными родителями и деньгами, сообщил в подробностях и спросил совета, как ему быть, чтобы никого не подвести, в основном себя. Конкретно, что следует отписать отцу в далекий Светлогорск или Беломорье. Любаша послушала, вызнала подробности и высказалась с чувством.

– Ах, Артем, святая простота! – почти пропела девушка с милой улыбкой. – Какое удовольствие беседовать с таким простодушным человеком! Цитата. Тем не менее, всё не так сложно. Ты напиши папе, как оно есть, пусть шлет деньги тебе, а ты будешь отдавать маме, чтобы ей не было обидно. Своя правда у матери есть, ты живешь у нее со всеми вытекающими. И самое главное, ты не хочешь, чтобы они конфликтовали из-за тебя. Пусть мама думает, что она выиграла, никому хуже не будет. Типа того, что кто умней, тот и уступит, а в этом случае умней будете вы. И папа будет предупрежден. К тому же, если я правильно поняла ваши отношения, он тебя не обделит по секретному протоколу. Хочешь, могу набросать черновик, чтобы не мучился.

– Мать ему всё равно расскажет рано или поздно! – резонно возразил Артем.

– Но тогда папе не будет обидно, наоборот приятно, что он на шаг впереди и оказался более компетентным родителем, не захотел подставлять сына под неприятности, – предположила Люба, затем разъяснила сложную позицию, которую Артем долго обдумывал, но так и не постиг. – Главное – сделать так, чтобы обе стороны считали, что они выиграли, в этом и есть сложность жизни. Правда, лучше всего, когда выигрывают все и это понимают, но это не о нас. Называется игра с ненулевой суммой. Будет время, спроси, постараюсь донести.

Но времени так и не выдалось, про нулевую и ненулевую сумму осталось в тумане, но письмо с помощью Любы было написано и отправилось в Белогорье, девушка оказалась права на все проценты. Отец слал два перевода, один для матери, второй Артему лично в руки. При-

чем обе бумажки на одну сумму, чтобы сын не запутался, зарплата папаше позволяла, тогда он еще не женился и сестру не родил. Это стало после, но об том своевременно или чуть позже.

Итак, успешно разрешив семейные проблемы и устроив будущее, Артем почти забросил подготовку к поступлению кроме необходимого минимума и престижа среди приятелей студентов. Потому что практически с головой нырнул в сложную и довольно интересную жизнь. Вроде бы в окошко подсмотрел, как его ровесники живут по другим правилам и с другими интересами, чем ему было привычно и знакомо. Так же и заметки на будущее, ему тоже хотелось быть своим и по праву.

Жизнь резко разбилась на две половины с разными правилами. Дома с матерью, во дворе и в ШРМ одно, а в гостях у Ольги Киры совершенно иначе. Совсем другое кино. Понятно, Артем догадывался, что у Киреевских и прочих другой уровень жизни, взять хотя бы богатую квартиру, у Кирюхи и машина была, отцовская, но в его распоряжении, а близнецы, те вообще катались на такси, как нечего делать. Это ясно. Но в связи с тем или этим, у них отношения оказывались другими. То, к чему он привык дома и во дворе, у них не прокатывало или смотрелось, как плохая шутка.

Одним разделением на богатых и бедных сложности не объяснялись. Скажем, отцов приятель Петушков у них был бы на месте в своей дурацкой ковбойке, над ним бы посмеивались, но приняли как своего без напряжения. Петушковские заумные беседы пришлись бы к разговорам о суммах с разными нулями, они бы поспорили о мелких деталях, каждый вложил бы свои пять копеек.

А вот мать Артема с разговорами о жилплощади и чистой работе оказалась бы не у места, новые приятели послушали бы вежливо и отошли прочь. Отчасти такое разделение казалось обидным, но было справедливым, сам Артем до дрожи и боли хотел оторваться от своих корней. Поэтому ходил в гости как на работу, вернее, как в школу, дорос до понимания, что хоть трудно, но необходимо, иначе – Щипок по всем пунктам. (Об этом чуть позже или оно будет чуть раньше, надо ещё разобраться.)

Однако это всё было дальнейшей интроспекцией, как сказала бы умная Любочка, а в те времена у Артема сердце с душой, или как хотите назовите, болели и дрожали совсем по другому поводу, остальное было затейливой рамкой.

Кира, Оля-белоснежка Киреевская вела с ним жестокую игру, делала это со вкусом и к удовольствию окружающих, но непричастных. Играла роковую женщину, так сказать, начинающую роковую женщину, очень усердно играла, но как бы вернее сказать – скорее на пробу. Идеалом для неё оставалась изящная Любочка, для той вопросы популярности у мужиков просто не стояли. По той причине, что когда будет надо, она выберет сама, и кто угодно сочтет за счастье. Артем довольно скоро понял, что такое спокойствие по жизни будет круче, чем любая роковая женщина. Но нравилась ему не Любочка, с нею никаких надежд не возникало.

Нравилась Ольга-Кира, чертова белоснежка, она щедро сыпала надежды заодно с поощрениями, но не ему одному, отнюдь не всегда и не по заслугам, а по непонятному расписанию. Даже не по настроению, а просто так. Сейчас да, потом нет, а завтра – сам черт не разберет. Завтра может переключиться на Кирюху, а через час сделать вид, что и он ей не угодил, снова обернуться к Артему. И при этом запрещала искать объяснений. Спрашивала высокомерно: «Тебе синий чулок нужен? Тогда флаг в руки, их здесь большинство...» Мол, «ступай себе к Любви и Славе», если что-то не устраивает.

Временами делала добавления насчет Кирюхи и даже Вадика. Например, Артему случалось слышать и такое: «Наш большой белый друг думает, что у него есть какие-то права, разбежался...» или «Вадик лучше вас всех, но нету времени ждать, пока подрастет, да и тогда Любаша его не отпустит. Только, если сама невесту выберет и будет каждый день напоминать, что та – третья лишняя, меня не возьмет, это точно. Куклу Глорию, то бишь Славу – очень

даже может быть. Но у Глории искания и мечтания, она у нас моралистка, «умри, но не дай поцелуя без любви», слышал такой лозунг?»

Хотя Артему было абсолютно до фонаря, что там Ольга толковала. Когда она была с ним, остальное улетало со свистом, а когда с Кирюхой, то хотелось взорвать весь мир с собой в придачу. Да, Артем соображал, что Ольга играет в сложные игры, чтобы набить себе цену, но не знал, в своих глазах или для Кирилла, вот в чем вопрос.

Сложно и страшно это было, но так захватывало, что остальное могло провалиться, он бы глазом не моргнул. И еще одно... Позволяла она Артему довольно много, хоть далеко не всё, об этом он даже не мечтал. Вопрос был другой, что позволено Кириллу? Поди, спроси. Иногда глодало подозрение, что Кирюха девушку обучает, а она потом отрабатывает на нем, на Артеме. Такая вот школа гейш, черт их всех подери!

Даже это он стерпел бы, не будь Кирюха на виду, и не подмигивал бы похабно, что, мол понимает и не возражает. Это при всех, а наедине обещал начистить рыло, как в спорт-лагере не снилось, но для инвалида делает поблажку, мол, немного чести бить калеку. Вот такое кино.

На самом деле Артем понимал, что ничем хорошим такие дела кончиться не могут. Как выразилась бы Любаша, ненулевых сумм отродясь не получится, и кому-то явно не поздоровится. Скорее всего ему самому, остальная компания пролетит мимо и не заметит, было у них такое неприятное свойство у всех, проехали и забыли. В лучшем случае скажут, что пошутили или погорячились, без обид, бывает, дело житейское. Но только между собой, а как отнесутся к нему в случае чего – это был вопрос.

Но и отстать Артем не мог, не получилось бы, даже если захотел. Он и не хотел, надеялся, бесился, жил от одной встречи до другой, между ними ходил, как отравленный.

Сделалось все быстро. Уже через месяц, к концу лета, он приходил в квартиру Киреевских без приглашения, но никогда не знал, кто там будет. Или вообще никого, или родители, им было все равно в высшей степени, только говорили, дома Оля или нет, тогда до свиданья или подожди, дружок, скоро будет. Ни есть, ни чай пить не звали, типа того, что он дочкин гость, а не их, но так было и с остальными, даже с Кириллом. Предки у Киры не заморачивались, кто, что и зачем – полная свобода.

Понятно, без предков было гораздо веселее, а они часто уезжали на дачу, предоставляли свободу и всю жилплощадь. Если Ольги не бывало дома надолго, тогда они со Славой гостили у той на даче, получалось через раз, или обе у Киреевских, или у Славы на участке, в Москве у Славы – никогда.

Лето неудержимо катилось в осень, оставались последние дни свободы, девушки собирались в свой институт, Любаша с Вадиком отъехали напоследок, главное, их не стало видно, и Кирюха появлялся реже, у него нашлись дела, говорил, что по диплому. Практически они остались втроём, две Ольги и Артём.

В те моменты, когда они уединялись парочкой, Ольга Слава уходила «писать курсовую», они это называли по следам событий незнамо где и когда. Уходила на кухню или в гостиную, она же библиотека, чтобы не скучать и никому не мешать.

С Артемом вторая Ольга была приветлива, но не более, толковать с нею, как с Любашей не выходило, хотя Артем тянулся и старался произвести впечатление. Наверное, девушка считала его собственностью подруги. Как было однажды замечено, Ольга-Слава жила по твердым правилам, «что чужое, то не моё», иначе полный непорядок.

Видит Бог, есть он или нет, но ни единого раза Артем не пробовал обратиться к Славе, чтобы заинтересовать или побесить Киру, мысли не было, и девушка не поощряла. Как оно вышло после, почему и вообще, Артем не понимал и по сей день дивится. Механизм неясен, точнее будет сказать, утерян во мраке.

Третья серия. «Грозовой перевал». Цитата

Был предгрозово́й вечер, чуть ли не последний в лето, тучи шли темными волнами, в отдалении посверкивало и громыхало, ветки за окном полоскались на ветру почти до земли. Но света не зажигали нигде.

Они расположились на диване у Ольги в комнате, а Слава пошла «писать курсовую» в большую комнату с библиотекой, там читала книгу с полки при остатке света из окна. Это Артем обнаружил потом. Сначала раздался звонок в дверь.

Ольга застегнулась и пошла открывать, думала, что кто-то из предков забыл ключи, вернувшись с дачи. Так она объяснила и заметила, что в таком случае гость будет на выход. Всё в одну минуту. А в другую вернулась не одна, а с Кириллом, сказала: «извини, Артем, у нас одно дело образовалось, ты с со Славой посиди, мы мигом». Артем не видел в полутьме, какую рожу соорстил Кирюха, но жест он сделал такой...

Артем вылетел из комнаты, как ошпаренный, хотел напрямиком в дверь, кубарем вниз по лестнице и навсегда отсюда, но не дошел. Вздумалось подождать, а вдруг и вправду? И она сейчас вернется. Всё ведь может быть. А если нет, он уйдет, и больше никогда и ни за что на свете... Хватит, довольно, сыт по горло!

Свернул в коридоре, только паркет затрещал, зашел в гостиную, там застал Славу с книгой у окошка. Сидит, как Алёнушка у пруда, посочувствовала Артему, стала зачем-то объяснять, что Киру можно и нужно понять, у неё была травма. Что они в этом молодежном «Распутнике» чуть не рассорились из-за одного негодяя, взрослый парень, спортивный инструктор, красивый, как просто Аполлон, но последний гад оказался. Танцевал с ними обеими, каждой шептал на ухо, что она – это да, а подруга для прикрытия. Слава не поддавалась на уговоры, не верила ему и всё тут, а Кира почти поверила. Ну, тут сложно, ей хотелось поверить. И этот гад повёз Киру на машине в горы, там она ему отказала. Тогда этот Игорь, сволочь последняя, бросил её прямо в лесу, в темноте, она пришла в лагерь за полночь, в слезах и вся исцарапанная, потому что не сразу вышла на шоссе. После этого они поклялись, что никогда из-за парня не поссорятся, просили друг у дружки прощения. А Кира сказала, что больше никого жалеть не станет и будет обходиться с вашим братом, как ей вздумается. Так что не надо на неё обижаться, девушка не остыла от обиды.

Артем выслушал и подумал, что все бабы сволочи, вот эта запросто сдала подружку, чтобы самой покрасоваться, что она лучше и благороднее. И бешенство обратилось на неё, на Славу. Но спросил он одно, сидя с нею рядом на диване.

– А, может, неправда, что она отказала, а? – сказалось само, на взводе.

– Ну, соседки по комнате так и подумали, – ответила Слава. – Тогда за чем он её в лесу бросил? Я спросила, им отвечать было нечего, пришлось согласиться.

– Предположим, что так, – согласился Артем. – Но...

– Никаких но, – заявила Слава. – Я рассказала, чтобы ты понял, а не подозревал всякие глупости. И прошу тебя никогда ей не говорить, она мне не простит. Никто, кроме нас двоих не знает.

Так их связала общая тайна, которой девица поделилась из непонятных соображений, скорее всего, самых глупых. А Кира тем временем не появлялась, а из комнаты слышались музыка и смех, вот такое у них с Кирюхой было срочное дело. Артема как будто и на свете никогда не было.

Бешенство ударило ему в голову затейливым способом, он вдруг подумал, что когда-нибудь это парочка выйдет, не останется же Кирюха ночевать, вот пускай полюбуются зрелищем в стиле французского кино. И стал подкатываться к Славе, сначала вроде в шутку, давай

их разыграем, будет смешно, потом предложим поменяться, что они скажут? Хотя бы сделаем вид, что целовались тут под окном, а не книжку вместе читали.

Вспомнил, что Кирюха рассказывал случай из жизни, как они с приятелем и двумя однокурсницами поиграли в обмены, потом приятелю пришлось жениться, хотя тот не был уверен, что он виновник торжества. Только Артем не помнил, при Славе был рассказ или нет, если бы помнил, то не предложил бы такую игру. Потому что увлекся и никого не дождался. Как оказалось, Кира учила его хорошо, а Слава была девочкой неопытной и пропустила момент, когда надо остановиться, не напустила. Потому что не знала.

Пришлось сказать в утешение, что он давно о ней мечтал, что подруга манила доступностью, а теперь понял, что с Кирой было несерьезно. А с ней – самое что ни на есть настоящее. И понял прямо сейчас... А что еще было сказать, чтобы его из этой квартиры насовсем не выгнали? К тому же с ним это было впервые и впечатлило, в особенности в смешении чувств после всего предыдущего. Новая роль примерилась неплохо, пусть теперь Кира локти покусает, он выбрал подружку, для Киры недоступен, может играть дальше с кем угодно. Слава девка хорошенечкая и не вредная, с нею быть вместе не стыдно. Недурно для начала.

Не всё так сразу Артем понял и разложил в тот первый вечер. Слава сразу собралась, ничего особо не слушая, заторопилась домой. Артём догадался пойти с ней, подумал мельком, что Ольге с кавалером будет неплохой сюрприз, и по дороге к метро начал те самые разговоры, что не случайно у них вышло, а даже знаменательно. Очень уж расстроена была Слава, хотя вполнину не понимала, что с нею случилось, совсем маленькая оказалась девочка, у них во дворах такими и десятилетние не бывают, там опыт есть, если не свой, то чужой. Но не так важно. Про Славу и её чувства Артем думал в последнюю очередь, это надо признать без утайки.

Главное, что они вышли вместе, дошагали до метро Новокузнецкая и встали под большими окнами, не дойдя до автоматов у входа на эскалаторы. И там застряли надолго в разговорах, надо думать потому, что самый важный вопрос вдруг вырос перед ними, кто куда поедет, вместе или порознь.

Надо сказать, Артем первым понял, что просто разъехаться будет не резон, потом всё покатило само собой, из одних разговоров вышли другие. В этом процессе Артем стал понимать, как у него дела сложились, и что будет в том или другом варианте. Что если не проговорить и не решить на месте, то в квартиру Киреевских ему хода не будет, никто его не поймет, а на дверь укажут вполне реально. Это вам не Щипок, где можно сказать девке: «а ты что подумала?» или что «не повод для знакомства». Другие нравы. Трепать языком можно, что угодно, но поступать неприлично не рекомендуется. Не то что не одобряют, это без разницы, просто закроют дверь перед носом, без скандала, но навсегда.

Но даже и не это... Смешно и странно, но пока Артем выговаривал, чего совсем не думал, оно укладывалось и становилось на место, к его большому удивлению. Ладно, может, Любаша поняла бы, он не очень-то... Но чем дольше Артем говорил Славе о сложных чувствах, тем больше в них верил, по крайней мере наполовину, что возможно ведь и такое на самом деле. Ему хотелось убедить Славу, а резоны понравились самому. Новая роль выплывала из тумана и тьмы за безразмерными окнами на станции, что-то в таком роде.

Может быть потому, что начались беседы у новокузнецких окон с его рассказов о кино и его роли в фильме «Исполнение мечтаний», такое придумали название. О том, как смонтируют и озвучат фильм, тогда можно будет пойти на премьеру в Дом Кино посмотреть, что у него получилось. Слава была первой зрительницей, которую он заранее пригласил. Ей он сообщил о сомнениях и просил снисхождения, если что окажется не очень. Много о чем они толковали в первый вечер, только не о том, что с ними случилось и почему.

Но и не надо было, основное случилось в метро у этих огромных окон. Потом они стояли в метро всегда, почти каждый вечер, смотрели на темноту за стеклами и в окна большого

дома напротив, не могли разъехаться, стояли часами. Даже тетки в будке на входе их знали и привечали: «опять голубки пожаловали, эх, где наши молодые годы!»

Все эти и подобные тонкости Артем осознал и вспомнил после, тогда был в смущении и разброде, но не сказать, чтобы в неприятном. Все-таки это была первая женщина в жизни, и не просто случайно. К тому же Слава была не черт знает кто, а из того мира, в который он стремился, слушала со вниманием, и сама чем-то делилась. Вообще-то не зазорная пара, хотя, конечно, и не та Ольга. Но о той мечтать не приходилось, это отрезалось сразу и напрочь.

В один прекрасный день в сентябре, солнце светило, листья начали желтеть понемногу, облака стояли в небе совсем летние... Как появился Артем под дверями института в первые учебные дни, встретил обеих девушек и пошел в Сокольники с Ольгой Славой – так отношения и обозначились. Ольга-Кира повела себя удивительно, правда, слегка обидно для Артема, глазом не моргнула, приняла, будто так и надо, ни слова, ни вздоха.

Любаша, когда появилась у Киры вместе с Вадиком, бровью не повела, только бросила в пространство, когда обе Ольги вышли, что «кто не успел, тот опоздал, урок на будущее». Кирилл Артем практически не видел, тот был занят своими дипломами, практиками и аспирантурой, или кто-то просил его не появляться, чтобы не создалась неловкость, а он бы создал будь здоров! Без вопросов.

Так ходили они теперь к Киреевским вдвоем, уходили и приходили. А когда поняли, что встречаться им особенно негде, разве что в подъезде, то Кира пускала к себе, сама уходила на кухню или к предкам в спальню «писать курсовую». Теперь по-настоящему, в основном это были французские упражнения иногда с магнитофоном на два голоса.

Предков, понятное дело, дома не бывало, вернее, наоборот, когда их не было, тогда Артем со Славой оставались у Ольги. Свои предки, то есть обе матери в их квартирах исключались, даже когда работали или уезжали.

Как такое могло получиться у девок без ревности или неприязни, Артем не вник, но и не хотел, сначала удивился, потом привык. Но знал, как дважды два четыре, что попробуй он хоть раз подмигнуть Ольге Кире, она сотрёт его с лица земли, но подруге не скажет – вот такие нравы. Век живи, век учись, дураком помрешь. Но удобно для жизни, ничего не скажешь.

Очень быстро Артем понял, что может спокойно смотреть на Киру, без бешенства и страсти, даже со снисхождением, типа того, что все вы одинаковы, а тайна одна на всех. Кстати, именно тогда он расшифровал для себя известное изречение, что мужик, который не водил машину – все равно, что не спал с женщиной.

Кстати сказать, как со Славой, больше ни с кем у него не выходило, хоть и женился потом, правда ненадолго. Наверное, у них со Славой так вышло по взаимной неопытности, оба играли в «войну полов» на новеньких и неудачно, поставили на кон слишком много. А сумма вывелась вполне себе нулевая, причем для обоих, хотя Любочка могла бы сказать, что так не бывает.

Монтаж аттракционов.

Тем не менее на этом месте стоит заметить, что кино у нас получается в расслабленном стиле, а это на любителя. Артем много читал по тематике и знал, что крепким кино становится, когда монтируются встык смысловые эпизоды, так утверждали отцы-основатели. Один из них, некто Кулешов и подавно назвал такой прием – «монтаж аттракционов».

А до этого момента повесть шла в перечислении разного рода вступлений, объяснений и отступлений, так не приветствуется, если не задумано и не заявлено. Теперь стоит попробовать по-другому, смонтировать наши аттракционы по скорому сценарию.

* * *

...Артем долго шел по парковой дорожке к скамейке, где среди осенних листьев сидела девушка. Тёмная кудрявая головка, серое пальтишко в крапинку, выдавшие виды красные

сапожки зарылись в массу опавшей листвы. Артем отлично знал, кто она, но в бесконечном подходе по пустой аллее смотрел на девушку как со стороны и видел, что незнакомка поникла в грусти и почти устала ждать.

Он опоздал не нарочно, звонок по телефону случился накануне вечером, утром нашлись дела, довольно неотложные. Но зрелище посреди уходящей осени в Сокольниках все равно было грустным и красивым, поэтому Артем длил момент. Когда он наконец подошел к скамейке, лицо Ольги мгновенно осветилось и сразу погасло, словно лампочку вывернули, застыло в усталой грусти.

– Привет, – сказал Артём и сел рядом.

Ольга не ответила, только слабо улыбнулась, и сердце у Артёма растаяло, что-то было в той улыбке милое и привлекательное. Он приобнял девушку, положив руку на спинку лавочки. Там где кончился рукав, стало мокро, деталь запомнилась...

– Я была у врача вчера, – проговорила Ольга.

– И что? – спросил Артем без паузы, сразу догадался, о чём она.

– Шесть недель, – поделилась Ольга. – Получила направление, зашла в ЗАГС.

– Направление в ЗАГС? – удивился Артем, ситуация запуталась прямо на ходу.

– Нет, в больницу на операцию, можно ждать месяц, но не больше, – ответила Ольга безо всяких чувств. – А в ЗАГСе сказали, что со справкой регистрируют через месяц после подачи заявления вне очереди, в будний день, без церемонии. С церемонией в общем порядке, через два месяца.

– И что? – повторил Артем, ничего другого не сказалось.

– Я тебя позвала, чтобы мы решили, – объяснила Ольга тем же механическим тоном.

– Как, прямо сейчас? – спросил Артем в некотором удивлении.

– А где? И когда? – сказала Ольга, повернулась к Артему, и в темных глазах появились слёзы, большие как две линзы, но не пролились, так и остались стоять.

* * *

Артем нарочно подгадал, чтобы матери не было, когда привел Ольгу к себе домой для разговора. Со встречи в парке прошла неделя, они виделись всего раз, у Киреевских просидели полчаса, потом отстояли смену у окон в метро, договорились, что надо встретиться для разговора не на ходу.

Всё остальное было мучительно неприятно. Артем хотел, чтобы Ольга приняла решение сама и объяснила, что так будет лучше для всех. Понятно, какое решение. Но не получилось, Ольга ждала каких-то слов, а он не знал, что надо говорить. Пришлось звать ее к себе и на своем поле объяснять, что их ждет в другом случае.

Они стояли у дверей в квартиру, когда Артем сказал скороговоркой, что матери дома нет, так будет спокойней. Ольга опять замерла, как тогда на скамейке в парке. Артем подумал, что она вспомнила первый и последний раз, когда он привел её к себе.

Мать открыла дверь и повернулась к ним спиной без «здравствуйте», потом на кухне, когда он уговорил познакомиться, мать сперва смотрела на Ольгу волком, потом слегка разговорившись, спросила, евреечка она или татарочка, и как её фамилия.

Ольга ответила, замкнувшись, что фамилия – Славич, папа из обрусевших сербов, а мамина семья – горские евреи, числились под непроизносимой грузинской фамилией, заканчивалось на «швили». Артем сам был немало удивлен, в компании вопросы «кто из каких будет» не поднимались вообще. Только Любаша с Вадиком не скрывали, что они оба евреи. Говорилось между делом, например, упоминался дед Наум Израилевич, как он приехал в Москву из местечка Лубны и поначалу растерялся, следовал анекдот.

Мать Артема была шокирована, что Славичи и «швили» сидят у неё за столом, будто так и надо, имела мнение, что Славичи на самом деле тоже евреи, и делилась догадками до полного посинения. Правда не при Ольге, с нею она обращалась без панибратства, но с опаской. Однако с Артемом обходилась как с больным на голову, разве что руками не разводила. Поэтому Артем считал, что Ольга в курсе их семейных обстоятельств, и дальнейших объяснений не требуется.

Тем вечером они пили чай на кухне, потом перешли к нему в комнату-коробочку, оклеенную рисунчатыми обоями под ткань. Ольге очень нравилось, она опять заметила: «как у тебя интересно», хотя была совершенно не в себе, ждала разговора.

Они уселись на диван, Артем обнял девушку, глянул в темное узкое окно, смотрящее в никуда, и сказал заготовленную фразу, ему одолжила опытная одноклассница из школы рабочей молодежи, взрослая девица Майя, медсестра без диплома, с ней он посоветовался.

– Я бы очень хотел любить тебя и ребенка, – начал Артем, но что говорить дальше, не знал, точнее, знал, но забыл, поэтому сказал. – Но...

* * *

Следующую попытку они предприняли неделей позже, когда Ольга переговорила с матерью и позвала Артема в новостройку на окраине. До этого он побывал у Ольги один раз, когда мать уезжала на выходные за город на свою дачу. Он спросил тогда, почему им нельзя на дачу, Ольга объяснила неохотно, что она просила ключи, а мать не дала.

Ольга сказала тогда, что они собираются с другой Ольгой и еще будет несколько человек, и всё такое прочее. Мать ответила, что современные нравы она не одобряет, это раз. Во-вторых, что они устроят шумное сборище, и родственники будут недовольны, кроме того, что гости подожгут общий дом, потому что топить печку не умеют. Ольга отступилась и добавила, что без спроса не выйдет, потому что родные живут на своей половине до глубокой осени и докладывают непременно, если увидят их вдвоем.

Тогда, в самом начале странствий по чужим домам, Артем был немало удивлен, увидев почти новую квартиру, хорошо обставленную, далеко не бедную, где у Ольги была большая отдельная комната. Он спросил, почему нельзя объяснить матери, что у дочери есть право приглашать друзей, тем более, что мать бывает дома не всегда. Ольга поморщилась, ответила, что мама – женщина своеобразная, к тому же отец недавно ушел, и Ольга, не хочет осложнять матери жизнь, она и так очень расстроена, можно понять.

На этот раз всё пошло кувырком с самого начала. Когда они подошли к дверям и позвонили, мать Ольги открывать не стала, сказала, чтобы подождали снаружи, потому что она не готова. Очень странно, наряжаться она, что ли, вздумала или накрывала для гостей стол? Но не важно. Они сели на площадке на подоконник и там пробыли чуть ли не час, вот это было мучительно. Ольга не вызнала у матери, какой ответ им готовят, та позвала, потом держала на лестнице.

Сидя на подоконнике между этажами, Артем мгновенно придумал план и стал высказывать, чтобы утешить Ольгу. Он понимал, что она готова пойти в больницу, но ей надо убедиться, что по-другому не получится. Артем сказал, что напишет отцу, может быть, тот позвет их жить к себе, он один в двух комнатах, правда, не в Москве, а в Ленобласти в городке, рядом с предприятием, это атомная станция, хорошо оборудованное место. Но учиться придется заочно, однако подумать стоит, если отец согласится. Он не уточнил, когда ехать, так, плел наобум, чтобы Ольга не волновалась и не заплакала. Она была готова, и с каждой минутой на лестнице опасность приближалась.

Её слезы выбивали Артема из колеи напрочь. Он готов был на что угодно, лишь бы не испытывать невозможного чувства жалости, вины и беспомощного раздражения, когда глаза Ольги наполняли крупные слезы и долго не проливались, а блестели в глубине, становясь всё

крупнее. Хотя стоит признаться, это было по-своему привлекательно, лицо девушки в непролитых слезах преображалось до странной, болезненной красоты. Но именно эта красота делала Артема беспомощным, как он ни крепился, у него в душе будто какая-то гайка слетала, и всё рушилось. Однако, не важно.

Ольга заплакать не успела, слушала его планы и не возражала, тем временем дверь в квартиру отворилась на цепочку, и позвали внутрь. Мать Ольги встретила их в старом стёганном халате, полуседые волосы завязаны в небрежный пучок, она до ужаса напоминала Ольгу, но в кошмарной пародии, всё было усугублено до непомерности. Только ростом она была меньше почти на голову.

Странная фантазия мелькнула у Артема, будто в страшной киносказке он пришел к ведьме проситься в зятя, а сам опасался, не обратили бы его, скажем, в летучую мышь в любом случае, мамаша, если будет настаивать, а дочка – если откажется. Бред, но тем не менее.

Марта Фёдоровна (она потребовала имени с отчеством) сразу после представления в прихожей провела их в комнату, там на столе были разложены бумаги, подвела Ольгу с Артемом, подсела, их сестра не пригласила и завела речь.

– Как я поняла, вы с Ольгой решили создать семью, – начала она строго. – В этой квартире. Вы понимаете, я надеюсь... Как вас зовут, Артем? Так вот, Артем, вы знаете, что Ольга живет здесь не одна, я имею право задать вопросы относительно будущего. Кроме того, могу высказать свое отношение к скоропалительным бракам в раннем возрасте по причине внеплановой беременности моей дочери, да впрочем, кого угодно. Мое отношение резко отрицательное, но если вы успокоите мои сомнения по насущным вопросам, то могу переменить отношение и дать своё согласие. Во-первых, расскажите, сколько вам лет, где учитесь или работаете, на какие средства намерены жить у меня с женой и ребенком. Во-вторых, как будут помогать ваши родители, имея в виду вашу крайнюю молодость. Сами понимаете, что потянуть вашу семью одна я не смогу ни в каком смысле.

И так далее и тому подобное Марта Фёдоровна рассказывала довольно долго. Нельзя сказать, чтобы Артем был недоволен по сути, но по форме это было издевательство, кто же спорит. Его мамаша сказала бы то же самое, хотя и другим языком, гораздо более красочно и внятно. Поэтому он даже не спрашивал.

Получив от Артема правдивые ответы и полюбовавшись на застывшее лицо дочери, Марта Федоровна поднесла им заранее заготовленный ответ, сверившись с бумагами.

– Ну, вы, конечно, формально взрослые, можете решать и планировать сами, в таком случае планируйте где и как хотите, но не здесь, – выговорила Марта Федоровна. – Можно снять комнату в частном секторе, можно переехать в общежитие, Ольга заверила, что у нее будет повышенная стипендия, её отец может помочь, если захочет, так же, как и ваши, Артем, родители. И флаг вам в руки, но видеть зятя-нахлебника в своем доме я не готова, тем более вести хозяйство на всех, включая ребенка. Я работаю, а Ольга палец о палец не ударяет по дому, вряд ли это переменится или вы возьмете на себя. Если вы намерены вселиться на формальных основаниях, я могу разменять эту квартиру, вам достанется комната, но это будет не скоро. Так что подумайте и решайте по своему разумению. Потом оба скажете мне спасибо в любом случае.

Когда мамаша закончила речь и собрала со стола бумаги (один бог знает, что это было), Ольга открыла было рот, чтобы ответить, но мать только махнула рукой и заявила, что дочкины соображения она слышала и больше никого не задерживает. Зачем она это проделала, вместо того, чтобы просто сказать «нет», Артём не понял и по сию пору. Скорее всего, чтобы больше не просили, потому что Ольгу было жаль, и резоны у неё тоже были.

Понятно, что подобные соображения Артем разобрал потом в течении дальнейшей жизни, тогда понимал, что мать Ольги отказывается наотрез, а его собственная, даже если они

вселятся явочным порядком, ничего сделать не сможет, но превратит жизнь в суший ад. Даже без привходящих обстоятельств, просто по традиции.

Впрочем, он знал с самого начала, что реальной возможности нет, он и не хотел, потому что никакой возможности не было. И вообще не хотел, да и кто мог хотеть в его положении? Но у Ольги были иллюзии. Любовь, семья и брак в одной связке казались ей не только быточными но и необходимыми, а не собранные вместе были неудачей и позором. Что в их жизни слишком много зависело от родителей, ей не казалось странным, но...

Но Артему стало немного легче, его вины в случившемся не просматривалось. Ольгу, тем не менее, было жаль и не жаль, она хотела невозможного, но и платила дороже, чем другие. В любом случае. Опять же это были рассуждения взрослого Артема, а тогда... Тогда он упустил свой шанс. Он, а не Ольга. Как выяснилось, она получила всё, а он ничего, ту самую сумму из одних нулей. Впрочем, кто знает, пока жизнь не кончена, последний шанс – вот он, перед ним. Если получится... То еще посмотрим.

* * *

«Шербурские зонтики», ремейк, надуманное кино или выплывают миражи...

К станции обслуживания, она же новенькая заправка на окружной, из зимнего снежного марева подплыла машина, огромная полированная дура престижной марки и встала у колонки.

Артем дошел сквозь сугробы от еле видных вдалеке домов, в руках нёс пакет, имел в виду мини-магазинчик на заправке со всякой всячиной, туда было ближе всего, пробирался сквозь заправочные автоматы случайно, так легла дорога. И проходя мимо новорусской иномарки, он заметил краем глаза, что пассажирка внутри напонила кого-то или что-то.

Хотя откуда ему знать эту дамочку в огромной чернобурке до ушей, а в них болталось что-то солидных размеров и стального цвета? Нет и не было у него таких знакомых. Женщина сидела, обратившись от него, он видел причёску, фрагмент шеи и больше ничего. Она повернулась к маленькой девочке на сиденье рядом, та совала ей в лицо нарядную куклу. Из машины тем моментом вышел громила в зелёном импортном ватнике, пошел к кассе, пока Артем обходил тачку кругом, с тем встречаться не хотелось.

«Этот лось – точно водитель-охранник», – подумал Артем, и удаляясь от машины вслед за громилой, вдруг сказал себе. – «Нет, это не она...»

Потом удивился, повернулся к машине, не разобрал ничего и опять удивился – откуда такая мысль? Но встал столбом, ждал в отдалении, пока тачка наполнится и отъедет, потому что очень уж несуразным показалось видение, и непонятно откуда взялись сомнения, ведь не видел ничего кроме куклы и шубы. И охранника-шофера, вот того он разглядел и не хотел бы с ним знакомиться ближе. Но дождался, машина поворочалась и отъехала, едва не задевая столбы кругом. Та же шуба-чернобурка, тот же блеск в ушах, та же кукла.

А когда машина вдруг набрала скорость, Артему померещилось, что там точно сидела Ольга, в тот момент мог поклясться чем угодно. Узнал какой-то поворот головы, что ли? Но иномарка растаяла в плывущем снегу на дороге, тогда он понял, что померещилось, машина с шубой слишком дорогие, охранник чрезмерно зверообразен, а главное – ребенок слишком маленький, ровно в половину возраста, чтобы могли состояться те самые «Шербурские зонтики». Фильм смотрели с Ольгой в «Иллюзионе» просто так, потому что музыка ей нравилась. «Исполнение мечтаний» с его эпизодом раз пять, «зонтики» – два раза и много чего другого. В той жизни... А здесь вам не там. Миражи-то миражи, а попробуй докажи!

Разумеется, в призрачной машине сидела не Ольга, и машины, скорее всего, не было, померещилось с похмелья, и смотрел не Артем, а какой-нибудь Сергей, которым он представился другой Ольге в незабываемых летних сумерках. И вообще всё было давно и неправда, как любили говорить девки в спортлагере, пока удар по черепу не состоялся. И вел иномарку тот

самый Дьяк в зеленом ватнике, отчего бы нет? В кино всё бывает, не так ли? Ладно, проехали и забыли.

Но не совсем. Последней мыслью у Артема мелькнуло соображение, не слишком оформленное, но всё же. «Если это Ольга, хотя мало вероятно, значит, они это сделали...»

* * *

Ранним темным утром раздался звонок. Телефон стоял на холодной площадке у входной двери, Артем услышал и примчался в чем был, потому что знал, куда Ольга отправилась вечером. В больницу на операцию, накануне они долго сидели на лестнице у их дверей, мамаша из квартиры не высывалась, но часто ходили соседи от лифта. Кто-то с ними здоровался, кто-то пробежал мимо, прошла беременная на последних месяцах соседка, кивнула, Ольга проводила её долгим взглядом, но ничего не сказала.

Артем старался подбодрить девушку, говорил, что ничего особенно страшного нету, рядовая вещь, практически все женщины через это проходят, скоро забудется. (Так советовала медичка Майя, у нее самой был опыт.) ...И очень скоро отец ответит на его письмо (Артем пока ничего не писал, но откуда Ольге было знать?). Артем уверен, всё будет в порядке, они уедут в Ленобласть, там наладится совсем другая жизнь, отец Ольге понравится, он классный мужик и ценный работник, с ним считаются.

Ольга слабо улыбалась, почти ничего не отвечала, только держала его за руку. Потом отослала домой, сказала, что поедет сама, может быть, мать проводит, а после она позвонит, когда сможет, там вроде есть автоматы. Артем сказал, что не отойдет от телефона, будет ждать.

Но ждать не пришлось совсем. Наутро в самую темную рань, в трубке возникла другая Ольга, Кира, Артем в ужасе полетел в пропасть, подумал, что случилось очень плохое. А когда понял с трудом, что его Ольга жива и ждет через час у подъезда, то едва отошел от ужаса, на всё согласился и стал лихорадочно собираться, гадая про себя, что же могло такое случиться, и состоялась ли операция, возможно, кто-то достал денег и всё обошлось малой кровью, не как в районной больнице. Такие разговоры были, появились варианты, но нужных денег не нашлось. Ольгина мамаша сказала, что противозаконно, ни за что и никогда она не станет участвовать.

Он выскочил из подъезда в снежную и ледяную кашу, пробежал под аркой двора, из машины ему замахали, и через минуту он уже сидел с Ольгой на заднем сидении, Кириуха держался за руль, рядом с ним сидела Кира и разъясняла Артему планы на их дальнейшую жизнь. Это оказалась дача Киреевских, приспособленная для зимнего проживания, там они с Ольгой переждут пару дней или недель, потом будет видно. Или уедут к его отцу, или кто-то из матерей смирится с тем фактом, что будет внук или внучка, потому что...

Артем не сразу понял, глянул на Ольгу и наконец сообразил, что ничего не состоялось, она была заплаканная, оглушенная, но в остальном та же, что и прежде. Никаких следов страданий или чего-то в этом роде, даже не побледнела, скорее наоборот.

– Я не смогла, там был какой-то ужас, обращались, как со скотом, – едва проговорила она. – И санитарка сказала, что «совсем не по-людски, страшный грех, детей больше никогда не будет, беги отсюда, пока не поздно», открыла дверь и принесла одежду.

Артем слушал и не понимал, понимал и не верил, но ехал в Кириухиной машине непонятно куда, за него всё решили и слова не давали сказать. Да и что бы он сказал? Что не хочет? Или что отец ничего не знает? Или что?

Кирилл крутил баранку, почти ничего не сказал, но с его стороны вроде проступило сочувствие, типа мужской солидарности. Говорила и строила планы Ольга-Кира, ему показалось, что проект насчет дачи был её, как и сама дача. Что-то вроде женитьбы увозом, как в литературе прошлого века. Задним числом Артем предположил, что это Ольге-Кире как раз нравилось. Только увозили жениха, не дав ему времени подумать.

Его Ольга по большей части молчала, взяла его за руку и не отпускала, это было как знак, что теперь они вместе на любой поворот событий. Так и ехали по зимнему пути сквозь голые рощи, поля и проселки, пока не встали под забором у занесенной снегом калитки. Да, зима наступила давно и незаметно, приближался Новый год, Ольга-Слава сдала сессию досрочно, на отлично и могла не появляться в институте до конца каникул, что давало время до середины февраля.

* * *

Чтобы дальше ничего не объяснять, надо вспомнить и отмотать малость назад, по дороге к даче Киреевских. Они въезжали в поселок по заметенной дороге и переваливали через сугробы, когда Кира вдруг вспомнила.

– Стоп машина, сдаем назад до третьего дома, – спохватилась она. – Это откуда дым, там котельная.

– Погреться будет в самый раз, – заметил Кирюха, видно, и его достало.

– Главное – пару прибавить, – загадочно пояснила Кира. – Там у нас живет истопник, иначе 16 градусов Цельсия, включай – не включай.

– «Взяли жигулевского и дубняка, третьим пригласили истопника», – козлетоном пропел Кирюха. – «Приняли, добавили еще раза, тут нам истопник и открыл глаза!»

Но поехал по ухабам задним ходом, не оставляя песни, где почему-то речь шла про Москву и про Париж, но слышно было плохо, половина пропадала. Вроде бы Высоцкий, его Кирюха знал всего наизусть, только слуха и голоса у него не было никаких.

У кирпичной хибарки с дымом поверху Кира вышла, протоптала тропу к железным дверям и скрылась за ними. Долго не выходила, потом вернулась и сообщила, что договорилась, тепло у них будет, а истопник придёт позже, поможет устроиться, потом покажет, где и что. Студент из Губкинской нефти и газа, подрабатывает, чаевых не давать, она обходится обаянием. Кирюха сказал, мол, «знамо дело, копеечка, она рубль бережет, а обаяние творит чудеса». Он и Киру, несмотря на близкие отношения баловал не очень, не жалел ради красного словца.

Студент погодя заявился, не столько большой малый, сколько широкий, румяный и бело-брысый, «провинциал в ватнике» – сказал потом кто-то. С ними поехал обратно в город, потопился на занятия, чего-то сдать, раз оказия подвернулась. Артем было попросился тоже, уехал ведь ни в чём и ни с чем, но его не взяли, потому что Ольгу оставлять одну никак и ни за что. Кира даже сделала вид, что удивлена, как ему пришло такое в голову.

Через пару дней истопник, Алик его звали, сослужил службу, отвел Артема на почту и по магазинам в соседнем поселке. Главное, показал, где почта, и назвал точный адрес.

Артем сказал Ольге, что отцу надо оставить адрес почты, куда слать ответ, раз такая оказия, если он пока не написал в Москву, и это надо проверить, кстати. На самом деле, хочешь не хочешь, а написать отцу приходилось, очень уж перевернулась ситуация, просто вверх тормашками. И денег попросить на любой случай, мало ли что.

Вот студент-истопник его и привел в почтовое отделение, где Артем с большим трудом нацарапал простой, не шариковой ручкой свое жалостное, но бодрое послание. Ничего толком батю не объяснял, прописал, что попал в передрагу, не страшную, но сложную, никто ему, кроме отца не поможет. Сейчас хотелось бы денег, сколько не жалко, а потом придет, все расскажет, и если отец не против, может приехать насовсем. И писать ответ по такому адресу, а деньги слать на Москву, как обычно. Сумму на отцово усмотрение, но желательно побольше, чтобы и на дорогу хватило, если что.

Купил конверт «авиа» подороже, чтобы скорее дошло, бросил в ящик и потопал с Аликом к магазинчику затовариться. Денег, правда немного, ему Кирюха дал, сказал, что питаться воздухом не полезно для здоровья, потом сочтемся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.